Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

М. В. НОВИКОВ

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В РОССИИ И ИСПАНИИ: В ПОИСКАХ ОБЩЕГО

Монография

Ярославль
2019

УДК 94(460)930
ББК 63.3(4Исп)
Н 73

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Рецензент:
доктор исторических наук, профессор, президент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»
В. Т. Юнгблюд
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Ярославского высшего военного училища ПВО
С. Г. Осьмачко

Новиков, М. В.
Н 73 Гражданские войны в России и Испании: В поисках общего : монография / М. В. Новиков. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – 159 с.
ISBN 978-5-00089-368-5

В монографии предпринята попытка определения некоторых подходов к сравнительному анализу, прежде всего, массовых социокультурных и психологических составляющих российской (1917–1922 гг.) и испанской (1936–1939 гг.) гражданских войн. К их числу мы относим мотивацию широко распространенного добровольчества, в том числе международного, как формы комплектования вооруженных сил и массовый террор в отношении гражданского населения всех противоборствующих сторон. В работе представлена только тема советской военной помощи Испанской республике, до сих пор являющаяся предметом научных дискуссий.

УДК 94(460)930
ББК 63.3(4Исп)

ISBN 978-5-00089-368-5
© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2019
© Новиков М. В., 2019

Оглавление

Введение.....4

Глава 1. Происхождение гражданской войны в России 7

Глава 2. Генезис гражданской войны в Испании 14

Глава 3. Советский Союз и гражданская война в Испании 23

Глава 4. Испанское золото и советская военная помощь Испанской республике.....49

Глава 5. Мотивы массового «белого» добровольчества. 66

Глава 6. Мотивы массового «красного» международного добровольчества в испанской гражданской войне. 77

Глава 7. Гражданская война: образованность, воспитанность и жестокость 91

Глава 8. «Красный» и «белый» террор в ходе испанской гражданской войны.....103

Глава 9. Гражданские войны в России и Испании: жестокость с национальным оттенком. 103

Глава 10. Гражданские войны в России и Испании: террор и церковь. 132

Заключение: бессмысленность гражданской войны в исторической перспективе 146

Введение

Всего два десятка лет отделяют российскую и испанскую гражданские войны и эта хронологическая близость, а также активное участие Советской России в событиях гражданской войны в Испании предопределили интерес к теме их возможной схожести. Впервые об этом заговорили сами участники и современники испанской гражданской войны, позднее к изучению этой проблемы подключились историки. В 2004 году в издательстве Высшей школы экономики было выпущено учебное пособие доктора исторических наук, профессора С. Ю. Данилова «Гражданская война и общенациональное примирение: США, Россия, Испания», в которой впервые в России предпринята попытка комплексного рассмотрения общего и особенного в гражданских войнах Америки, России и Испании и сделано это в рамках решения главной задачи – анализа процесса примирения враждовавших сторон – участников гражданских войн и их потомков.

Автор справедливо отмечает, что общенациональное примирение – такое же сложное и многоплановое явление, как и гражданская война, имеющее свои внутренние закономерности. В процессе примирения государство и общество преодолевают жестокое наследие гражданской войны, восстанавливают разрушенную экономику и повышают благосостояние граждан, создают условия для развития демократических институтов. С. Ю. Данилов выделяет следующие типы процессов примирения – примирение сверху, снизу или комбинированного [1, с. 4–5].

Цель нашей работы несколько иная, здесь предпринята попытка обозначить некоторые подходы к выявлению схожих сущностных характеристик двух европейских гражданских войн XX века – российской и испанской. Наша мотивация издания данной работы восходит к длительному изучению различных аспектов гражданской войны в Испании [2, с. 100, 114–115], к участию в широком научном и общественном обсуждении итогов гражданской войны в России в годовщину ее столетия, к появлению таких работ, как вышеназванная книга С. Ю. Данилова, познакомиться с которой, к сожалению, удалось лишь через 14 лет после ее публикации. Основу нашей работы составили статьи, опубликованные в предыдущие годы в разных журналах и сборниках, связанные с темой данного издания.

Гражданские войны в России и Испании носили закономерный характер, они стали следствием неразрешенных глубинных социально-экономических противоречий. Перед началом гражданских войн обе страны были по преимуществу аграрными, с большим преобладанием сельского населения (70–90 %), переживавшими сложный период перехода к индустриальному обществу и политической демократии. В обеих странах класс землевладельцев стремился во чтобы то ни стало сохранить свою собственность и привилегии, в то время как крестьяне и сельскохозяйственные пролетарии требовали справедливого раздела их земель по уравнительному принципу. В промышленном секторе и России, и Испании шел процесс первоначального накопления капитала, сопровождавшийся жестокой эксплуатацией рабочего класса, что стало причиной конфликтов между владельцами предприятий и наемными работниками.

В обеих странах накануне гражданских войн обострился конфликт сторонников и противников монархической и республиканской форм правления, причем авторитет монархов – императора Николая II и короля Альфонса XIII находился на очень низком уровне, в момент их отречения они остались практически в одиночестве. Население России и Испании накануне гражданских войн было в своей основной массе религиозным. Однако и католическая церковь, и православная церковь как институт были серьезно скомпрометированы в глазах трудящихся масс очевидной поддержкой богатых сословий и непомерными расходами на содержание церкви, что вылилось в ходе гражданских войн в многочисленные поджоги церквей и убийства священников.

Обе страны, Россия в большей степени, Испания в меньшей столкнулись с межэтническими противоречиями, в ходе гражданских войн и там, и там обострилась проблема национального сепаратизма. В России готовились к отделению Прибалтика, Закавказье и Украина, в Испании требовали большей автономии вплоть до отделения Страна Басков и особенно Каталония.

В обеих странах отмечался рост взаимной ненависти противоборствующих сторон. Как пишет С. Ю. Данилов, ученые разных стран и разных научных дисциплин давно пришли к выводу о недостатке политической терпимости и в России, и в Испании, связывая это явление с запоздалым развитием капитализма в обеих

странах, духовной и физической усталостью общества от многочисленных оборонительных и наступательных войн, длительным господством абсолютной монархической власти [1, с. 8]. С. Ю. Данилов справедливо утверждает, что «не только накаленная общая обстановка и развал экономики, но и отсутствие у гражданского общества арсенала отработанных и усвоенных государственными руководителями навыков политического компромисса привели Россию и Испанию к гражданской войне» [1, с. 8–9].

Литература

1. Данилов, С. Ю. Гражданская война и общенациональное примирение: США, Россия, Испания [Текст] / С. Ю. Данилов. – М. : ГУ ВШЭ, 2004.

2. Новиков, М. В. Советская и российская историография гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. [Текст] : монография / М. В. Новиков. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2014.

Глава 1. Происхождение гражданской войны в России

В отличие от гражданской войны в Испании, у которой имеются конкретные даты ее начала и окончания – 17 июля 1936 г. – 1 апреля 1939 г. – гражданская война в России не имеет столь точных хронологических рамок и научная дискуссия по этой проблеме продолжается. Наиболее распространенной в настоящее время точкой зрения является признание отдельных, разрозненных и локальных антибольшевистских выступлений с октября 1917 г. по май 1918 г. этапом «мягкой гражданской войны»; вооруженная борьба большевиков с армиями А. В. Колчака, А. И. Деникина и другими белогвардейскими формированиями в период с июня 1918 г. по осень 1920 г. считается этапом полномасштабной гражданской войны или фронтовым этапом; массовые крестьянские восстания против экономической политики большевиков и недовольство рабочих с конца 1920 г. по 1922 г. относят к этапу «малой гражданской войны».

Дискуссионным является и вопрос о генезисе гражданской войны в России. В учебной литературе предлагается упрощенный подход, который в качестве главной причины определяет стремление большевиков во чтобы то ни стало удержаться у власти путем игнорирования норм демократии и разгона Учредительного собрания, путем насильственного устранения своих политических оппонентов и установления однопартийной диктатуры. Тем самым, якобы, большевики фактически подтолкнули своих оппонентов к вооруженным методам борьбы. В качестве других причин называется непринятие условий Брестского мира и чрезвычайная политика в деревне весной-летом 1918 г.

Согласно другой точке зрения гражданская война в России стала следствием социально-экономических и психологических противоречий, не разрешенных в стране на рубеже XIX–XX столетий. Важнейшим из них был земельный вопрос, обострившийся в этот период вследствие серьезного перенаселения российской деревни и малоземелья крестьянских семей. Естественным ресурсом пополнения своих крохотных земельных наделов крестьяне считали помещичьи имения. Они не требовали конфискации, они настаивали на справедливом разделе помещичьих земель согласно трудовому принципу, предлагая оставить помещику столько земли, сколько он сможет возделать своим трудом [2, с. 33].

Религиозное российское крестьянство, жившее в условиях общины, считало помещичью частную собственность на землю небогоугодным делом, поэтому конфликт с помещиками приобретал не только политико-экономический, но и религиозный характер. Этот конфликт впервые открыто проявился еще в годы первой русской революции 1905–1907 гг. в виде эскалации насилия, нарастания атмосферы взаимной ненависти. Как отмечает Ю. А. Петров, «полномасштабной гражданской войны тогда удалось избежать, но события 1905 г. оставили неизгладимый след в общественном сознании и создали почву для будущей братоубийственной войны» [3, с. 14].

Крестьянские требования справедливого передела земли не могли быть удовлетворены в сословной императорской России, однако и Временное правительство в 1917 году также не смогло решить эту проблему. В первой Декларации Временного правительство от 2 марта 1917 года вообще отсутствует даже упоминание о земельном вопросе. Лишь после начавшихся на местах крестьянских выступлений 19 марта Временное правительство заявило, что земельная реформа будет обязательным пунктом повестки заседания будущего Учредительного собрания, предупредив, что «земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата» [2, с. 36].

Это была одна из самых больших ошибок Временного правительства, ибо она породила колоссальный всплеск крестьянских выступлений, только за апрель их число выросло более чем в 7 раз, охватив 42 из 49 губерний европейской части России. С августа 1917 года начались крестьянские восстания с требованием национализации земли, к осени они охватили 91 % уездов России. Временное правительство не могло пойти на национализацию, так как помещичьи земли были заложены и перезаложены в банках, национализация земли означала бы крах всей банковской системы России. 24 октября Предпарламент по инициативе левых партий принял резолюцию о передаче всех земель в ведение земельных комитетов впредь до созыва Учредительного собрания. На следующий день эта резолюция была представлена А. Ф. Керенским, оставившему ее без всяких последствий, а вечером 25 октября Временное правительство было низложено большевиками. Принятый 26 октября на II съезде Советов знаменитый де-

крет о земле решил земельный вопрос по жесткому сценарию в пользу крестьян, лишив помещиков их собственности без всякого выкупа, определив четкую антибольшевистскую позицию данного сословия. Угроза для крестьян потерять полученную от большевиков помещичью землю также, при всех колебаниях, обозначила поддержку большевиков крестьянами, что стало важным фактором поляризации политических сил и раскручивания маховика гражданской войны [2, с. 39–40].

Другой, не менее важной причиной гражданской войны стала ненависть высших сословий к низшему сословию, к «хаму», который начал говорить и выдвигать свои требования. Она возникла давно, сначала как неприязнь, задолго до сознательной ненависти, связанной с революцией 1917 года. Перерастание неприязни в ненависть в среде высших сословий и части интеллигенции отмечается современниками, такими как помещик и писатель М. М. Пришвин, с лета 1917 года. В течение 1918 года протекал период «созревания ненависти к поднявшим голову крестьянам и пролетариям, процесс оформления идеологии, основанной на ненависти, идеологии социального расизма – невозможность вытерпеть власть низших классов» [2, с. 79].

Параллельно с формированием идеологии социального расизма верхов в стране шел ответный процесс вызревания социальной ненависти крестьян к буржуазии, которая олицетворялась крестьянами со вселенским злом. Для крестьян было характерно отношение к буржуазии как к чуждой враждебной расе, оно долгое время было скрытым, вырвавшись наружу лишь в условиях генезиса гражданской войны.

Общеизвестно, что гражданская война стала непосредственным следствием Великой российской революции 1917 года. К власти пришли рабочие и крестьяне, они получили то, что они хотели и им была не нужна гражданская война. Инициатива в развязывании гражданской войны принадлежала тем представителям социальных групп, которые потеряли либо власть, либо надежду оказаться у власти (эсеры, меньшевики), собственность, прежний комфортный уклад жизни, которые считали себя патриотами прежней России. У них были разные цели, но их всех объединяла ненависть к восставшему «хаму» и к «совдепии». «Значительная часть, – пишет С. Г. Кара-Мурза, – если не большинство, помещи-

ков, испытавших во время революции погром их имений, возненавидели крестьян («зверо-людей») ненавистью столь непримиримой, что она распространялась даже на «своих», которых можно было заподозрить в соучастии с крестьянами» [2, с. 87].

По мнению С. Г. Кара-Мурзы, важной духовной предпосылкой гражданской войны стала утрата авторитета государственной власти: «Авторитет, имеющий иррациональное, не подвергаемое логическому анализу основание, служит духовной опорой человека в его борьбе со своими темными и низменными инстинктами… разрушение авторитета неизбежно вызывает к жизни его извращенное подобие – насилие» [2, с. 153].

Приводимые автором конкретные примеры падения авторитета государственной власти относят нас к Ходынке, к событиям 9 января 1905 г., к народному титулу императора «Николай Кровавый», к позорному поражению в русско-японской войне, к знаменитой распутинщине, к некомпетентности Николая II в вопросах государственного управления и руководства боевыми действиями в качестве верховного главнокомандующего в годы Первой мировой войны.

По мнению С. Г. Кара-Мурзы, личные качества императора не соответствовали тому трагическому положению, в котором Россия оказалась в начале XX века. Николаю II было присуще «наивное» представление о реальности, он верил в крестьянский монархизм и в свой непререкаемый авторитет, считал, что все проблемы могут быть разрешены общенародной к нему любовью. Отмечается также инфантильность императора по отношению к смерти, трагедии своих поданных во время фарса с рабочей депутацией сразу после событий 9 января, во время подавления крестьянских восстаний в 1905–1907 гг., в случаях гибели ближайших подчиненных (П. А. Столыпин) и членов императорской семьи (великий князь Сергей Михайлович) [2, с. 153–158].

Первое вооруженное выступление против советской власти организовал А. Ф. Керенский, сумевший убедить в необходимости похода на Петроград командира конного казачьего корпуса генерала П. Н. Краснова. На третий день после захвата власти большевиками казачьи войска заняли Гатчину и Царское Село, однако 30 октября наступление было остановлено у Пулковских высот. Распропагандированные большевистской агитацией рядовые ка-

заки приняли решение перейти на сторону большевиков, арестовав Керенского в обмен на амнистию, однако тот сумел скрыться.

Первые антибольшевистские выступления конца 1917 – начала 1918 гг. в традиционных местах проживания казачества связаны с именами атаманов А. М. Каледина (Дон), А. И. Дутова (Южный Урал), Г. С. Семенова (Забайкалье). В это же время в Новочеркасске, столице Всевеликого войска донского по инициативе бывшего начальника штаба российской императорской армии М. В. Алексеева началось формирование Добровольческой армии. Командиром Добровольческой армии был назначен бежавший из плена генерал Л. Г. Корнилов, гражданская власть передавалась в ведение М. В. Алексеева, которому предстояло договориться о разделе полномочий с атаманом Калединым. Так, в Новочеркасске было положено начало Белому движению, белый цвет был символом законности и порядка. Политическая программа Белого движения носила компромиссный характер, чтобы удовлетворить и офицеров, и монархистов, и представителей либеральных течений. Все вышеназванные антибольшевистские выступления носили локальный характер с небольшим количеством участников и легко подавлялись отрядами Рабоче-крестьянской Красной армии, образованные декретом Совета Народных комиссаров 15 января 1918 г. Полномасштабная гражданская война, к которой усиленно подталкивали народы России «союзники», все никак не начиналась.

По мнению известного российского историка и публициста Н. В. Старикова, российский народ устал от войны и не хотел начинать новую войну – гражданскую. Решающую роль, по его мнению, в раскручивании механизма гражданской войны в России сыграл иностранный фактор. Такого же мнения придерживается С. Г. Кара-Мурза и ряд других историков. Главными внешнеполитическими целями англо-саксонского и французского империализма в 1917 году были достижение военной победы над Германией и максимальное ослабление России посредством подталкивания различных антибольшевистских сил к полномасштабной гражданской войне. «Горючее для гражданской войны, – пишет Стариков, – нам преподнесли именно «союзники». Роль искры в бочке с порохом сыграли наши братья-славяне: чехи и словаки» [4, с. 230].

Из сдавшихся в плен солдат австро-венгерской армии чешской и словацкой национальностей на территории России была сформирована отдельная воинская часть – 40-тысячный корпус в составе двух полноценных дивизий, который в декабре 1917 года с согласия большевистского правительства был переподчинен французскому командованию. Предполагалась эвакуация корпуса во Францию через Мурманск, но в итоге маршрут был изменен с северного на восточный, военные эшелоны с чехословаками растянулись на 7 тыс. километров от станции Ртищево (в районе Пензы) до Владивостока.

Причиной военного мятежа чехословацкого корпуса Стариков считает элементарный подкуп его руководства: французский консул передал руководству корпуса 11 млн 118 тыс. рублей, английское правительство также выделило и передало 80 тыс. фунтов [4, с. 231–232]. Использовав в качестве предлога для антибольшевистского мятежа слухи о разоружении и передаче личного состава корпуса Австро-Венгрии и Германии как военнопленных, командир корпуса Р. Гайда, отрабатывая французские и британские деньги, отдал приказ о захвате железнодорожных станций по пути следования эшелонов, что привело к свержению хрупкой еще советской власти в Поволжье, на Урале, в Сибире и на Дальнем Востоке, что и стало пусковым механизмом столь ожидаемой «союзниками» полномасштабной гражданской войны.

На освобожденных от большевиков территориях летом 1918 г. были созданы местные антибольшевистские органы власти: в Самаре был образован Комуч – Комитет членов Учредительного собрания, который объявил себя верховной властью России и начал мобилизацию в армию, в Екатеринбурге – Уральское областное правительство, в Омске – Сибирское правительство, которое провозгласило «государственную независимость Сибири». Руководящие посты в новых органах власти заняли эсеры и меньшевики, провозгласившие себя «демократической контрреволюцией», якобы, равноудаленной и от большевиков, и от белогвардейцев. Созданные при этих правительствах вооруженные формирования открыли новый этап в борьбе с большевиками – этап полномасштабной гражданской войны.

Для поддержания длительного пожара гражданской войны в России с целью ее превращения во второстепенное государство,

разорванное по национальному признаку, «союзники» оказывали и Колчаку, и Деникину явно дозированную помощь и поддержку [1, с. 565–570]. Причина здесь простая, на знаменах белогвардейцев был написан лозунг единой и неделимой, а значит в будущем вновь великой России, что противоречило долгосрочной политике «союзников» по максимальному ослаблению России.

Именно по этой причине «союзники» официально не признали не только правительство большевиков, но также и белогвардейские правительства Колчака и Деникина. Военная помощь «союзников» белогвардейцам соответствовала их главной цели, она дозировалась, чтобы не было легкой победы белогвардейцев над большевиками, чтобы как можно дольше шла мучительная и разрушительная борьба [4, с. 235].

Литература

1. Деникин, А. И. Очерки русской смуты [В 3 кн.] Кн. 3, т. 5. Вооруженные силы Юга России [Текст] / А. И. Деникин. – М. : Айрис-пресс, 2006.
2. Кара-Мурза, С. Г. Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2003.
3. Россия в годы гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии [Текст]. – М., СПБ. : Центр гуманитарных инициатив, 2018.
4. Стариков Н. В. Русская смута [Текст] / Н. В. Стариков. – СПб. : Питер, 2017.

Глава 2. Генезис гражданской войны в Испании

В XIX веке Испания пережила пять длительных и сложных революций, сущность которых, в конечном итоге, сводилась к борьбе за власть между традиционным классом землевладельцев и нарождающейся буржуазией. Из-за своей слабости испанская буржуазия не смогла одержать решающей победы, добившись лишь второстепенных позиций в механизме власти, несколько потеснив испанских землевладельцев.

14 апреля 1931 г. в Испании началась шестая буржуазно-демократическая революция. Ее целью была ликвидация многочисленных пережитков феодализма, которым сопутствовала отсталость во всех сферах жизни по сравнению с другими европейскими государствами – массовая неграмотность, самая низкая в Европе продолжительность жизни и др. В тот день испанский народ вышел на улицы и, празднуя победу республиканцев и социалистов на муниципальных выборах, начал самовольно захватывать здания местных органов власти и провозглашать республиканскую форму правления. Практически никто не выступил в защиту скомпрометировавшей себя монархии. Королевская семья и ее приближенные были вынуждены покинуть страну.

28 июня 1931 г. состоялись выборы в учредительные кортесы. Они закончились полной победой сторонников республики – 394 места из 470. Самой многочисленной группой в кортесах стала фракция социалистов – 116 мандатов. Столь впечатляющая победа социалистической партии объясняется, прежде всего, самоустранением от выборов анархо-синдикалистов – самого мощного в Испании течения в рабочем движении, по-прежнему стоявшего на позициях отрицания любой государственности. В силу своей малочисленности компартия никак не могла повлиять на исход выборов.

9 декабря 1931 г. кортесы утвердили новую конституцию, буржуазно-демократическую по своему содержанию, в которой была законодательно закреплена республиканская форма правления, а в одной из статей заложена возможность экспроприации крупной собственности путем ее выкупа. Если правые были готовы примириться с республиканской формой правления, то с возможной потерей своей собственности они мириться не собирались. Часть правых решила прийти к власти через победу на выборах. С этой

целью в марте 1933 г. была образована массовая консервативная политическая организация – Испанская конфедерация автономных правых – СЭДА, во главе которой встал Хиль Роблес.

Далеко не все правые группировки верили в возможность прихода к власти мирным парламентским путем. Одним из первых вслух об этом заговорили лидеры различных фашистских и профашистских группировок. Наиболее влиятельным из них был сын бывшего диктатора, писатель и юрист Хосе Антонио Примо де Ривера, приступивший с весны 1933 г. к созданию собственной фашистской организации.

В 1933 г. обстановка в стране резко обострилась. Правительство, состоявшее из республиканцев и социалистов, не смогло воплотить в жизнь тех надежд, которые на него возлагались, – положение рабочего класса не улучшилось, крестьяне не дождались аграрной реформы. Ситуацию усугубил экономический кризис. Проведенные в этой обстановке выборы в кортесы принесли победу правым. В знак протеста лидеры социалистов объявили всеобщую политическую стачку, которая переросла в вооруженное восстание в одной из испанских провинций – Астурии. Социалисты и коммунисты выступили здесь единым фронтом, что придало восстанию особый размах. Тем не менее восстание было подавлено с особой жестокостью войсками под командованием генерала Франко.

Разгром астурийского восстания 1934 г. вовсе не означал, что правые окончательно победили, а левые с этим смирились. Напротив, и те, и другие сразу начали перегруппировку сил и подготовку к новой фазе борьбы за власть. В лагере правых в ноябре 1934 г. появилась новая организация – Национальный блок, во главе которой стоял консервативный политик Кальво Сотело. В ее состав входили бизнесмены, банкиры, латифундисты, адвокаты, писатели, ученые. Программа Национального блока отрицала конституционную парламентскую систему организации государства, считая ее антииспанской, провозглашала корпоративизм в экономике, компетенцию, преемственность и религиозность в политике.

К. Сотело рассчитывал поставить под контроль деятельность других правых организаций, однако его попытки оказались неудачными. Честолюбивый лидер фашистской фаланги Примо де

Ривера не мог согласиться на роль инструмента в руках К. Сотело и отверг его предложения. Лидер СЭДА Хиль Роблес расходился с К. Сотело в определении формы приемлемой для Испании государственности. Если К. Сотело отрицал парламентаризм и отстаивал идею сильного правительства, диктатуры, то Хиль Роблес был последовательным сторонником консервативного парламентаризма. Потерпев поражение в двух попытках, К. Сотело добился успеха в третьей – он нашел инструмент для достижения своих целей в лице офицерского корпуса и генералитета.

В 1931 г. армия представляла для только что провозглашенной Испанской республики серьезную проблему. Значительная часть офицерского корпуса была связана с классом землевладельцев и отличалась крайней консервативностью. На 105 тыс. солдат приходилось 200 генералов и 17 тыс. офицеров, не считая офицеров и генералов запаса, то есть на одного генерала и одного офицера приходилось 500 и 6 рядовых соответственно. Военная реформа, проведенная республиканским правительством, была призвана сократить офицерский корпус и изменить его политический характер. Проведена она, однако, была далеко не лучшим образом. Военный министр М. Асанья предложил всем офицерам, не разделявшим республиканских убеждений, добровольно выйти в отставку с сохранением полной пенсии, оружия, формы и званий. Тем самым офицерский корпус был сокращен, однако его политический характер мало изменился, оставшись в целом антиреспубликанским. Ушедшие в отставку начали активную антиреспубликанскую политическую деятельность – создали Испанский военный союз, который сыграл активную роль в подготовке и осуществлении мятежа, вступили в тесный контакт с Хилем Роблесом, Кальво Сотело и Примо де Ривера. Антиреспубликанские настроения в армии подогревались ошибками и просчетами правительства. Тем не менее, необходимо отметить, что многие офицеры и генералы искренне считали себя связанными с Республикой и готовы были ей служить, доказав это во время мятежа.

Главным организатором военного заговора был генерал Мола [5]. Активное участие в подготовке приняли генералы Санхурхо, Кейпо де Льяно, Годед. Генерал Франсиско Франко также относится к числу организаторов, но его позиция была более осторожной, однако именно ему было суждено стать главнокомандующим арми-

ей мятежников, главой государства, каудильо и править Испанией в течение почти 40 лет.

В то время, как реакционные генералы и офицеры, крайне правые политические партии готовились к насильственному свержению республики, Х. Роблес и левые партии выступили с идеей новых парламентских выборов. Среди левых партий осенью 1935 г. все большую популярность приобретала идея предвыборного коалиционного блока – Народного фронта. Желание выиграть выборы, не допустить правых к власти, амнистировать участников астурийского восстания на короткое время сплотило пестрый лагерь сторонников демократии. 15 января 1936 г. представители социалистической партии и руководимых ею социалистического профсоюза и социалистической молодежной организации, коммунистической партии, синдикалистской партии, левой республиканской партии и республиканского союза подписали избирательный пакт левых партий, который вошел в историю как пакт о Народном фронте [5, p. 34–35].

Выборы состоялись 16 февраля 1936 г., и Народный фронт одержал победу. Проходили они в напряженной обстановке противоборства правых и левых, и желание тех и других победить наложило на них свой отпечаток. Попытки привлечь избирателей на свою сторону любыми методами, попытки фальсификации результатов скорее всего имели место и с той, и с другой стороны [4, p. 94]. Именно поэтому ход и итоги выборов 16 февраля 1936 г. до сих пор являются предметом дискуссий у исследователей, хотя большинство не сомневается в победе Народного фронта. Наиболее часто встречаются следующие цифры – 72 % избирателей приняли участие в голосовании, 34,3 % – за Народный фронт, 33,2 % – за правых, остальные отдали голоса центристским группировкам. Мажоритарная система голосования принесла Народному фронту большее количество депутатских мест – 269 (из них социалисты – 88, коммунисты – 17), правые и центр – 205 мест. Фаланга не провела в кортесы ни одного депутата [2, с. 36].

Реакция крайне правых на результаты выборов была однозначной. Примо де-Ривера заявил о готовности фаланги к вооруженному выступлению. Франко безуспешно пытался склонить военного министра генерала Молеро и главу правительства Вальядареса к объявлению в стране военного положения, означавшего,

согласно конституции, переход управленческих функций в руки армии. Министр отказался принимать решение без главы правительства, а Вальядарес заявил, что будет строго придерживаться конституции, хотя он подвергался сильному давлению и со стороны Кальво Сотело. Выступление правых в феврале 1936 года не состоялось еще и потому, что организационно они не были к этому готовы.

Между тем, в прессу просочились сведения о готовящемся заговоре против республики, и новый глава правительства М. Асанья издал распоряжение о переводе возможных заговорщиков на новые места службы: Франко – на Канарские острова, генерала Годеда – на Балеарские острова, генерала Мола – из Африки в испанское захолустье. Тем самым он рассчитывал изолировать заговорщиков и помешать их конспиративной деятельности. 8 марта, перед отъездом, опальные генералы и их единомышленники собрались вместе и в течение 5 часов обсуждали возможные варианты военного переворота. В итоге было принято решение отложить выступление до более благоприятного момента и основательно к нему подготовиться. Примерно в это же время генерал Санхурхо посетил Берлин, где провел переговоры и был принят Гитлером.

Поводом для своего выступления заговорщики избрали необходимость наведения порядка в стране, которую предварительно предполагалось предать хаосу и анархии. Организация провокаций, перестрелок, убийств была возложена, в основном, на фалангу, в кассу которой немедленно потекли щедрые пожертвования, что позволило увеличить численность фалангисгской милиции к июню 1936 г. до 4 тыс. человек. Террористическая деятельность фалангистов вынудила правительство принять жесткие меры, и в марте все руководство фаланги во главе с Примо де Ривера оказалось в мадридской тюрьме «Модело». Тюрьма была открыта для посетителей, что позволяло Примо де Ривера успешно руководить своей организацией из тюремной камеры. Кроме фалангистов, свои вооруженные отряды создали и другие правые группировки – молодежная организация СЭДА, монархисты и традиционалисты-карлисты. Именно эти организации сделали все, чтобы ввергнуть Испанию в состояние хаоса [4, p. 98]. Определенную помощь им в этом оказали левые экстремисты, прежде всего из числа анархистов. Они вели атеистическую пропаганду своеоб-

разными методами, поджигая церкви и убивая священников, совершая другие террористические акты.

Надо признать, что демократическое правительство оказалось не в состоянии предотвратить сползание страны в состояние хаоса, поддержать общественный порядок и обеспечить безопасность граждан. В этих условиях рабочие партии и профсоюзы приняли решение о создании собственных вооруженных формирований для защиты завоеваний рабочего класса. Таким образом, вооруженное противостояние правых и левых весной 1936 г., пока, правда, на уровне добровольческих милицейских отрядов, становится свершившимся фактом, приближая начало гражданской войны.

Сроки начала мятежа несколько раз переносились, и окончательное приготовление было закончено в начале июля 1936 г. В это время левые и правые экстремисты провели серию взаимных террористических актов, одной из жертв которых стал Кальво Сотело. Ожидалось также убийство Хиля Роблеса и лидера монархистов Гойкоэчея. В связи с этим была установлена точная дата выступления. Мятеж начался 17 июля в африканской части Испании – Марокко. Его ударной силой была африканская армия – марокканские наемники и иностранный легион. Командование африканской армией принял прибывший сюда с Канарских островов генерал Франко.

По предварительной договоренности общее руководство мятежными войсками должен был возглавить генерал Санхурхо, однако его гибель 20 июля в авиационной катастрофе сделала эту должность вакантной. Три генерала – Мола, Франко и Кейпо де Льяно, возглавлявшие три основные мятежные группировки, реально претендовали на роль главнокомандующего. Шансы Франко оказались предпочтительнее, и 29 сентября 1936 г., несмотря на протесты своих конкурентов, он был провозглашен главой правительства и главнокомандующим; позднее Франко уже сам возвел себя в ранг главы государства и каудильо.

Организаторы военного мятежа рассчитывали на быстрый успех. Предполагалось, что почти повсеместное выступление армии и саботаж государственных чиновников деморализуют левых, лишат правительство возможности контролировать ситуацию в стране и вопрос о захвате власти будет решен в считанные дни. За-

говорщики, однако, просчитались. Прежде всего, значительная часть сухопутной армии, военно-воздушных сил и флота сохранила верность правительству. Большинство генералов, полковников и подполковников воевали на стороне республики, в то же время значительная часть молодых и честолюбивых капитанов, лейтенантов и унтер-офицеров сухопутных войск приняли участие в мятеже в расчете на быстрое продвижение по службе [2, с. 57]. Они стали основой командного состава франкистской армии и, без сомнения, внесли значительный вклад в победу Франко.

Командование восьми дивизий, находившихся на полуострове, за исключением пятой дивизии, осталось верным правительству, но занимало пассивную позицию, тем самым играя на руку мятежникам. В военно-морских силах адмиралы и старшие офицеры в основном присоединились к мятежу, однако большинство унтер-офицеров, механиков и матросов были на стороне республики. В итоге мятежникам удалось захватить лишь семь кораблей, а сорок шесть боевых судов, в том числе два линкора и четыре крейсера, заявили о верности правительству. В авиации 200 из 300 имевшихся тогда самолетов оказались в руках республиканцев, сторону республики приняли треть летчиков и большинство аэродромного персонала. Остались верны республике 70 % состава внутренних войск и сил безопасности [1, с. 57].

В целом, по округленным подсчетам испанского военного историка Р. Саласа Ларрасабаля, участие в мятеже приняли 62 тысячи солдат и офицеров сухопутных войск, 7 тысяч моряков, 27 тысяч гвардейцев внутренних войск, 2 тысячи летчиков и техников, всего 98 тысяч человек. На стороне Испанской республики выступили 55 тысяч солдат и офицеров сухопутных войск, 13 тысяч моряков, 40 тысяч гвардейцев внутренних войск, 3 тысячи летчиков и техников, всего 111 тысяч человек [3, p. 185].

Другим крупным просчетом организаторов мятежа стала явная недооценка политической зрелости рабочего класса и его готовности защищать демократию. Вряд ли они также предполагали, что буржуазное правительство решится открыть военные арсеналы и вооружить народ. Уже в первые дни мятежа рабочие вышли на улицы Мадрида, требуя оружия. Два крупнейших профсоюзных объединения – анархо-синдикалистская Национальная конфедерация труда и социалистический Всеобщий союз трудящихся – объ-

явили о начале всеобщей революционной забастовки. В течение двух первых дней мятежа два буржуазных правительства, которые не решились вооружить народ, были вынуждены уйти в отставку, и лишь третье, тоже буржуазное по своему составу, 19 июля в 13 час. приняло постановление раздать оружие добровольцам. Министерство внутренних дел в специальной инструкции обязало свои местные органы создать отряды ополченцев.

Раздача боевого оружия по предъявлении профсоюзного билета, конечно, таила в себе опасность попадания его в руки безответственных и даже преступных элементов, и хотя такой статистики нам не встречалось, в ряде случаев, видимо, так и было. Столь решительный шаг был продиктован суровой необходимостью, логикой борьбы за сохранение демократической республики, и он изменил соотношение сил в пользу законного правительства.

В двух крупнейших городах Испании – Мадриде и Барселоне – мятеж был подавлен совместными действиями верных правительству войск, сил безопасности и добровольческих отрядов уже 19 июля. Аналогичная картина наблюдалась почти повсеместно. У мятежников успех сопутствовал генералам Франко в Марокко, Кейпо де Льяно на юге и Мола на севере страны. Контролируемые ими территории, однако, были изолированы друг от друга, практически лишены промышленности, особенно военной, там проживала незначительная часть населения, то есть ресурсов для длительного ведения вооруженной борьбы у мятежников не было. Мятеж зашел в тупик, и, казалось, дни его сочтены. В этот момент руководители мятежа бросили в игру запасные козырные карты: африканская армия в Марокко, террор против гражданского населения, сил общественного порядка и своих коллег по армии, незамедлительная помощь фашистских государств. Все это, а также разного рода ошибки, допущенные республиканцами, позволили мятежникам в течение двух недель изменить соотношение сил в свою пользу [1, с. 55–56].

Запланированный мятежниками краткосрочный военный мятеж с последующим захватом государственной власти стал начальной фазой длительной и кровопролитной гражданской войны. Мятежники, которых по имени их лидера генерала Ф. Франко стали называть франкистами, и защитники Испанской республики – республиканцы 32 месяца с оружием в руках боролись за достижение

военной победы. В ходе неизбежной интернационализации конфликта на стороне франкистов выступили нацистская Германия и фашистская Италия, что вместе с террористическим и авторитарным характером франкистского режима придало гражданской войне антифашистский характер. Помощь СССР и Мексики Испанской республике в определенной степени уравновешивала поставки германского и итальянского оружия, что позволило республиканцам на равных сражаться с объединенными силами мирового фашизма. Основной причиной их поражения стали политические противоречия между основными партиями, входившими в народный фронт. 1 апреля 1939 г. Франко объявил о победоносном завершении гражданской войны.

Литература

1. Листер, Э. Наша война. Из истории национально-революционной войны испанского народа 1936–1939 гг. [Текст] : мемуары / Э. Листер ; пер. с исп. – М. : Политиздат, 1969.
2. Пожарская, С. П. От 18 июля 1936 – долгий путь [Текст] / С. П. Пожарская. – М. : Молодая гвардия, 1977.
3. R. Salas Larrazabal. Historia del Ejersito popular de la Republica. T. 3. Madrid, 1974.
4. Thomas H. The Spanish civil war. 1931–1939. N.Y. 1977.
5. Wilson H. The man, who created Franco. General Mola. Deven, 1972.

Глава 3. Советский Союз и гражданская война в Испании

70 лет назад, 1 апреля 1939 года, завершилась кровопролитная гражданская война в Испании, победу в которой одержала коалиция консервативных сил во главе с генералом Франсиско Франко. Практически с первых дней вооруженный конфликт в Испании, начавшись 18 июля 1936 года как чисто внутренний между противниками и сторонниками хрупкой испанской демократии, стремительно интернационализируется, втягивая в себя последовательно нацистскую Германию, фашистскую Италию и Советский Союз при формальном невмешательстве в испанские дела «великих демократий» – Англии, Франции, США.

Мотивы принятия решений Гитлером, Муссолини, руководителями Англии, Франции, США в выборе той или иной политики в отношении испанского конфликта, а так же и сама политика, в достаточной степени изучены отечественными и зарубежными историками. Что касается России, то здесь все обстоит гораздо сложнее. Если в западных странах в распоряжении историков находится подавляющее большинство архивных материалов тех лет, включая документы первых лиц, многие участники выработки политики в отношении гражданской войны в Испании опубликовали свои воспоминания, то в России ключевые документы по данной проблеме (если таковые вообще существуют) историкам пока недоступны, мемуарная же литература по этой теме практически отсутствует. Опубликованные в свое время официальные документы советского руководства не дают исчерпывающего ответа на вопрос о мотивах вмешательства СССР в конфликт на Пиренейском полуострове, хотя сам процесс оказания помощи Испанской республике не раз становился предметом изучения и на Западе, и в СССР, и в современной России.

В этих условиях представляются обоснованными многочисленные попытки создания того или иного «образа» советской политики в отношении Испании. Суммируя их, можно, разумеется, с определенной долей относительности, выделить три основные версии, сложившиеся в историографии за 70 лет.

В СССР существовала официальная трактовка причин вмешательства в испанские дела, объяснявшая все интернациональным долгом советских рабочих и крестьян перед рабочим классом и крестьянством Испании, вступившими в вооруженную борьбу с

международным фашизмом. На Западе до окончания «холодной войны» определенное распространение получила консервативная версия о том, что Советский Союз, якобы, пришел на помощь Испанской республике с целью продвижения «мировой революции» и установления там советской власти. Наконец, третья точка зрения представлена в работах профессиональных западных историков демократической ориентации, она отвергает и советский, и консервативный подходы и пытается объяснить причины советского вмешательства в испанскую гражданскую войну прагматическими внешнеполитическими интересами советского руководства, стремившегося через оказание помощи Испанской республике установить более тесное сотрудничество прежде всего с Францией и по возможности с Великобританией перед лицом фашистской угрозы. На наш взгляд, последняя версия, будучи к тому же подкрепленной различными косвенными источниками, более других соответствует «образу» советской внешней политики 1930-х годов и в испанском вопросе, и по другим направлениям.

По свидетельству различных косвенных источников известия о вооруженном мятеже в Испании в Москве встретили спокойно. Информация по Испании носила противоречивый характер и ввиду отсутствия дипломатических отношений с этой страной, а значит и главного источника информации, советскому руководству приходилось полагаться на зарубежную прессу, нелегальную разведку и Коминтерн. Последний источник представлялся наиболее надежным и он уверял советских руководителей в скором подавлении испанским правительством военного мятежа.

Выждав около двух недель и не дождавшись обещанной победы сторонников Испанской республики, советское руководство начинает кампанию оказания гуманитарной помощи. Первыми в СССР в защиту Испанской республики выступили общественные и формально неправительственные организации – Всесоюзный центральный совет профсоюзов, ВЛКСМ, МОПР, Союз советских писателей и др. В тот период они не могли сделать это самостоятельно, не получив указания свыше. Пока точно не известно, когда и при каких обстоятельствах в СССР было принято решение об оказании гуманитарной помощи Испанской республике. В литературе встречаются данные о заседании исполкома Коминтерна 21 июля, на котором якобы было принято решение об оказании

Испанской республике помощи деньгами и материалами на добровольной основе, хотя это отрицали некоторые руководители Коминтерна, например П. Тольятти. На заседании представителей компартий в Праге 26 июля обсуждались возможные каналы оказания помощи республике, в том числе и вопрос о направлении добровольцев в Испанию. Что касается решения советского руководства, имевшего принципиальное значение, то лучше всего об этом написал британский историк М. Алперт: «СССР выразил республике публичную симпатию в сочетании с официальной сдержанностью. Тем не менее, Советский Союз не мог позволить себе оставаться в стороне, если он хотел оставаться лидером антифашистского мира. Это порождало конфликты, и то, как проходил процесс принятия решения по поводу Испании, остается неясным» [29, p. 49]. Как представляется, Сталин принял решение об оказании Испанской республике морально-политической и гуманитарной помощи через общественные организации, видимо, в конце июля, и в данном случае это была обычная демонстрация пролетарского интернационализма недорогой ценой. Государственные официальные структуры оставались как бы в стороне, и в случае каких-либо международных осложнений всегда оставалась свобода маневра.

Оказание гуманитарной помощи Испанской республике не было для советского руководства каким-то совершенно новым делом. В октябре 1934 г. испанская реакция жестоко подавила восстание сторонников демократии и 2 декабря секретариат ВЦСПС, рассмотрев вопрос «Об оказании помощи жертвам фашистского террора в Испании», принял решение о проведении единовременных отчислений из заработной платы для пострадавших во время подавления восстания. В течение нескольких дней было собрано 700 тыс. золотых рублей [8, с. 138]. Весной 1935 г. советское руководство предоставило политическое убежище примерно 80 эмигрантам – участникам восстания, среди которых были не только члены компартии Испании, но также социалисты, анархисты и др. Все они были направлены в Донбасс, где работали с сентября 1935 г. по март 1936 г. на паровозостроительном заводе в Луганске и на шахте в Гришине. Они возвратились на родину в апреле 1936 г. в результате амнистии, объявленной после победы на выборах Народного

фронта, и уже в июле вновь приняли участие в вооруженной борьбе с мятежниками [8, с. 138].

После принятия Сталиным решения об оказании Испанской республике гуманитарной помощи заработал мощный пропагандистский аппарат, дав необходимый толчок развертыванию всенародной кампании солидарности с этой страной. Так, на одном из совещаний в ЦК ВКП(б) было принято решение «в городах, селах, на всех предприятиях, в колхозах и учреждениях от имени профсоюзных организаций созвать митинги», на которых «ставить короткие доклады, освещающие события в Испании, и принимать резолюции – обращения солидарности с героическим испанским народом, борющимся под руководством своего законного национального правительства за свободную республиканскую Испанию против мятежников, фашистов, поддерживаемых германским и итальянским фашизмом», ВЦСПС предписывалось выступить с инициативой в газетах, ЦК ВЛКСМ – «организовать митинги молодежи, печати – широко освещать кампанию солидарности в прессе» [17, Д. 24. Л. 1–4].

Первые митинги солидарности на предприятиях Москвы, Ленинграда состоялись 2 августа, их участники приняли решение об оказании испанскому народу материальной помощи [16, 03.08.1936]. 3 августа в Госбанке СССР был открыт специальный счет, на который уже 5 августа, несмотря на постановление секретариата ВЦСПС об ограничении добровольных сборов 1,5% месячного заработка, поступило 12 млн. 145 тыс. рублей. «От имени ВЦСПС, – пишет М. Кольцов, – Шверник перевел эту сумму во франках, т. е. 36 млн. 435 тыс. франков на имя премьер-министра Испании Хираля, в распоряжение испанского правительства» [16, 03.08.1936].

Энтузиазм населения в вопросе сбора средств превысил все ожидания, и 5 августа секретариат ВЦСПС был вынужден принять решение о введении некоторых ограничений, в частности, была введена разнорядка по регионам, так Московской области – 2450 тыс.р., Ярославской области – 140 тыс.р. Руководству региональных профсоюзов было предложено в целях сокращения размера взноса каждого трудящегося провести распределение вышеуказанных сумм, установленных для области, на большее количество предприятий и учреждений [26].

В начале сентября в связи с наступлением мятежников и появлением реальной угрозы падения законного правительства республики [22, с. 65] параллельно с решением об оказании военной помощи было принято решение продолжить митинги солидарности с республикой и отправку гуманитарных грузов. На заседании политбюро ЦК ВКП(б) 11 сентября 1936 г. было признано необходимым организовать сбор средств среди женщин-работниц и крестьянок на покупку и посылку продовольственных продуктов детям и их матерям в Испании, а товарищам Андрееву, Хрущеву, Николаевой и Таль организовать обеспечение принятого решения [17, Оп. 162. Д. 20. Л. 74].

12 сентября работницы московской «Трехгорной мануфактуры» в ответ на ухудшение военно-политического положения республиканцев обратились в этот день с открытым письмом к советским женщинам и призвали организовать продовольственную помощь женщинам и детям Испанской республики.

После призыва «Трехгорки» в стране развернулись активные мероприятия по сбору помощи. Примечателен тот факт, что если в первый период, в начале августа, главным призывом было «оказать помощь испанскому народу, борющемуся с фашистскими мятежниками», то новый виток кампании призывал «оказать помощь женщинам и детям борющегося испанского народа». Данный тезис, видимо, вытекал из желания показать чисто гуманитарный характер помощи, которую оказывал Советский Союз и скрыть военные поставки в Испанию. Декларирование помощи женщинам и детям позволяло отвергать обвинения о вмешательстве в испанские дела. С 12 сентября кампания проводилась в основном среди женщин СССР, они стали основными участниками движения солидарности [22, с. 67]. Первыми откликнулись работницы фабрик «Красный богатырь», «Парижская коммуна», «Ява» и др. Инициативу работниц «Трехгорной мануфактуры» подхватили состоявшиеся в сентябре общегородские митинги трудящихся женщин Москвы, Ленинграда, Харькова, Баку и других городов страны. Многие трудовые коллективы приняли самостоятельные решения о ежемесячном отчислении от 1 % до 25 % заработной платы в фонд помощи детям и матерям Испании [8, с. 143]. Другие трудились в выходные, отрабатывали сверхурочные часы.

На том же заседании политбюро было принято решение отправить первый пароход с продовольствием, оно обязывало наркомвнутторг сосредоточить продукты экспортного качества в Одессе не позднее 18 сентября 1936 года [17, Оп. 162. Д. 20. Л. 74].

23 сентября 1936 г. на заседании политбюро также обсуждалось решение об отправке пароходов в Испанию. Народному комиссариату финансов было предложено оплатить соответствующим ведомствам стоимость продуктов, а также возместить фрахтовые, накладные и страховые расходы [17, Оп. 162. Д. 20. Л. 81].

Активное участие в сборе средств принимали не только рабочие и работницы, но и интеллигенция – писатели, деятели искусства. В фонд перечислялись сборы от концертов, платных лекций, выставок и т. д. Добровольные взносы сделали писатели: А. Фадеев, А. Толстой, Д. Бедный, М. Шолохов и др. [16, 07.10.1936]. Гонорары от своих публикаций перечислили М. Кольцов, М. Светлов, И. Эренбург, А. Афиногенов и др.

Посильную материальную помощь Испанской республике оказывали и другие, менее обеспеченные слои населения СССР, – колхозники, пенсионеры, домохозяйки, студенты, школьники и даже дети дошкольного возраста: так, 5-летний ярославец Ю. Бондаренко внес 5 руб. 62 коп. [20].

Всего с августа 1936 г. по июнь 1941 г. было собрано 277 614 тыс. рублей, что соответствовало 1272 374 тыс. франков. Для сравнения: народы 17 самых богатых стран того периода (Великобритании, Канады, США, Франции, Швеции и др.) собрали всего около 800 млн франков [6, с. 178–179].

Основной объем советской гуманитарной помощи приходится на период с августа 1936 г. по конец 1937 г. Дальнейшее его уменьшение объясняется рядом серьезных причин, таких, как, осложнение международной обстановки в Европе, связанное с ростом агрессивности фашистских держав, длительностью войны и психологическим к ней привыканием и др. Так, в телеграмме И. М. Майскому от 4 мая 1937 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин сообщает о 84 случаях задержки советских судов в районе Гибралтара и в Средиземном море [2, с. 226]. В поисках советского оружия франкисты и их союзники иногда конфисковывали груз, как в случае с пароходом

«Смидович», который шел в Испанию с продовольствием на борту [2, с. 226].

Одним из существенных аспектов гуманитарной помощи стал прием Советским Союзом осиротевших в ходе войны детей командиров-коммунистов на воспитание. По решению ЦК ВКП(б) в их эвакуации и размещении в СССР приняли участие МОПР, ВЦСПС, комсомол, наркомпрос РСФСР, наркомат здравоохранения. Всего в СССР было вывезено около 4 тыс. испанских детей [24, с. 123].

В 1937–1938 гг. была открыта сеть детских домов для их обучения и воспитания. ЦК ВКП(б) утвердил специальное положение об этих детских домах, школьный отдел ЦК ВКП(б) осуществлял общее руководство организацией учебной и политико-воспитательной работой [8, с. 146–147]. В целом для испанских детей были созданы неплохие условия для учебы, отдыха, всестороннего развития и получения специальности, большинство советских детей в тот период таких возможностей не имело. Детские дома для испанских детей функционировали с 1937 г. по 1951 г. и располагались преимущественно в Москве и Подмосковье, Ленинграде и Ленинградской области, а также в Киеве, Куйбышеве, Харькове, Херсоне, Евпатории. Во время Великой Отечественной войны все детские дома были эвакуированы в глубь страны.

Судьба испанских детей очень различна. Многие из них вернулись в Испанию, другие остались жить на своей второй родине, одни тепло вспоминали период учебы в СССР, другие считали эти годы далеко не самыми лучшими в своей жизни. Главный упрек обычно сводится к тому, что их подвергали излишне массированной идеологической и политической обработке [24, с. 124–133].

Так, Р. Фрезер (на основе записанных интервью) в самых восторженных тонах пишет о том, с какой заботой проводилась эвакуация, как много было сделано в СССР для испанских детей [32, p. 433–437], однако здесь же он приводит высказывание испанской учительницы: «В Советском Союзе я себя чувствовала так, как будто я находилась в тюрьме, и научилась ценить свободу и независимость» [32, p. 437].

Позитивные чувства наиболее глубоко выразил бывший воспитанник П. Гутьеррес: «И, может быть именно в Испании, после

стольких лет разлуки, встречая родных и знакомых ... я как-то особенно остро ощутил то, что сделал для нас Советский Союз, который в трудный час поделился с нами лучшим, что имел ... который стал для нас второй родиной» [3].

Главную роль в кампании солидарности с Испанской республикой играли общественные организации, организованное начало ей было положено программной речью председателя ВЦСПС Н. М. Шверника на митинге в Москве 2 августа 1936 г. Именно из его уст впервые прозвучали на всю страну простые и понятные лозунги «Руки прочь от испанского народа!», «Да здравствует Испанская республика!», «Долой испанских мятежников и их германских и итальянских вдохновителей!». Речь Шверника транслировалась по радио и была напечатана во всех центральных и местных газетах [25, 04.08.1936].

Советские профсоюзы организовали три волны митингов в связи с тремя октябрьскими (1936 г.) заявлениями советского правительства в комитете по невмешательству, одобряя и поддерживая позицию руководства страны в испанском вопросе [25, 29, 30.10.1936]. В Одессе и Ленинграде были проведены митинги в связи с отправкой в Испанию пароходов с гуманитарной помощью и в связи с потоплением трех советских пароходов [25, 28.09.1936].

Советский комсомол был другой крупной общественной организацией, принявшей самое активное участие в осуществлении кампании солидарности с республиканской Испанией. Секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косарев, представители в КИМе Н. Прокофьев и В. Чемоданов предпринимали энергичные усилия с целью организации совместных действий молодежных организаций разных стран в поддержку своих сверстников в Испании [5]. Комсомольские органы, принимали участие в организации митингов как общих, так и чисто молодежных [4].

Советская секция МОПР, объединявшая около 9 млн членов, под руководством Е. Д. Стасовой также принимала участие во всех общих прореспубликанских мероприятиях, одновременно вела и свою специфическую деятельность в поддержку испанских революционеров.

Испанская тема нашла свое отражение в творчестве советских деятелей искусства, заняв достойное место в публицистике

М. Кольцова, И. Эренбурга, О. Савича, в художественном творчестве А. Афиногенова, М. Светлова и др. [27], в творчестве художников Б. Ефимова, В. Петрова, в кинодокументалистике Р. Кармена и Б. Макасеева, в спектакле Малого театра «Салют, Мария!» А. Афиногенова. Ведущие советские писатели приняли участие в конгрессе писателей в Испании в июле 1937 г.: М. Кольцов (глава делегации), А. Толстой, И. Эренбург, А. Фадеев, В. Вишневский, А. Барто, В. Финк, В. Ставский, И. Микитченко, Ф. Кельин [16, 1937. 8, 10 июля].

Демонстрация солидарности с борьбой испанского народа проявлялась в СССР в самых разнообразных формах: активная переписка с испанцами, естественным ограничителем которой являлся языковый барьер, присвоение трудовым коллективам имени руководителей КПИ, прием испанских делегаций и т. д.

Партийные, комсомольские и государственные органы всех уровней, исполкомы Коминтерна и Коммунистического интернационала молодежи были завалены заявлениями советских граждан, которые выражали желание принять участие в антифашистской войне испанского народа в качестве добровольцев, усыновить или принять на воспитание эвакуированных в СССР испанских детей.

Приведенные данные позволяют с уверенностью говорить о том, что большинство советских людей были искренне солидарны с борьбой трудящихся Испании, невольно сравнивая испанские события с тем, что совсем недавно происходило в России – гражданской войной, надеясь на победу и установление в Испании советской власти. Многие бойцы интернациональных бригад из разных стран мира так же были убеждены, что они сражаются за испанскую советскую республику. Эти же настроения разделяла и значительная часть рабочего класса самой Испании.

Вполне вероятно, что высшие советские руководители, будучи большевиками и последовательными борцами за победу коммунизма во всем мире, в глубине души испытывали те же самые чувства по отношению к событиям в Испании. Находясь, однако, во главе огромного государства, им приходилось тщательно маскировать подобные настроения и в отношении Испании вырабатывать такую политическую линию, которая была бы полезна и выгодна и Испанской республике, и Советскому Союзу, а так же

устраивала бы демократические страны Запада. Последнее обстоятельство вынуждало советских руководителей придерживаться таких принципов, как осторожность, скрытность, отрицание очевидных фактов, учет положений международного права.

В настоящее время считается доказанным и в зарубежной, и в отечественной историографии тот факт, что в планы советского руководства не входило установление советской власти в Испании в период гражданской войны. Представители различных левых революционных группировок даже упрекали СССР в проведении контрреволюционной политики в угоду буржуазии и в уничтожении «истинных революционеров», боровшихся в ходе гражданской войны за победу социалистической революции.

Столь же очевидно, что в июле-августе 1936 года советское руководство не планировало какого-либо серьезного вмешательства в испанский конфликт, рассчитывая ограничиться моральной поддержкой и гуманитарной помощью. Оно решительно отклоняло все упорные, многочисленные просьбы правительства Испанской республики о закупках оружия в СССР [1, с. 419], более того после длительного обсуждения 23 августа политбюро ЦК ВКП (б) пошло на подписание декларации о невмешательстве в испанскую войну.

По свидетельству И. М. Майского, на позицию советского руководства в тот период в значительной степени влияли такие факторы, как расчет на быстрое подавление мятежа правительством и неверие в возможность серьезной итало-германской интервенции. В политических кругах Европы, отмечал Майский, господствовало мнение, что борьба в Испании – чисто внутренняя, она должна закончиться в течение нескольких недель и не окажет серьезного влияния на мировую политику, не случайно ему, послу СССР в Англии, разрешили в середине августа уехать в отпуск на 7 недель на Кавказ [9, с. 295].

Мы пока не знаем, в какой день и в каком формате происходил поворот советской политики в отношении Испании. По свидетельству косвенных источников это могло случиться либо в самом конце августа, либо в начале сентября, когда стало очевидным, что мятежники при массированной военной поддержке Германии и Италии одержат победу в самое ближайшее время. Во всяком случае точно известно, что 14 сентября начальник разведывательного управления наркомата обороны С. Урицкий и начальник

иностранного отдела НКВД А. Слуцкий, выполняя полученное ранее поручение, представили Л. Кагоновичу и К. Варошилову первый план мероприятий по «Х» (Испании), который предусматривал создание за границей через агентуру специальных фирм для закупки и отправки оружия и военных материалов в Испанию, а так же организацию военных поставок непосредственно из СССР. 29 сентября, когда первая партия оружия для Испанской республики уже находилась в пути, этот план был одобрен на заседании политбюро ЦК ВКП(б) [19, с. 28–30].

Принятое решение об оказании Испанской республике военной помощи носило принципиальный характер, так как в отличие от моральной, дипломатической поддержки и гуманитарной помощи это означало нарушение взятых на себя обязательств, вытекавших из недавно подписанного соглашения о невмешательстве. Что же заставило советское руководство решиться на такой рискованный шаг, означавший неизбежное осложнение внешнеполитического положения СССР?

Прежде всего, необходимо отметить, что никакого официального заявления Советского Союза о начале оказания военной помощи Испанской республике не последовало. Вряд ли таковыми можно считать три заявления советского правительства в Комитете по невмешательству в октябре 1936 года, содержавшие лишь намеки на возможность нарушения Советским Союзом соглашения о невмешательстве. В официальных выступлениях Сталина, Литвинова, Ворошилова, других советских руководителей никогда не затрагивался военный аспект оказания помощи Испанской республике, так же как и вопрос о мотивах его оказания.

Советская военная помощь Испанской республике осуществлялась в условиях строжайшей секретности под кодовым названием «Операция «Х». Ею руководила специальная группа «Х» разведывательного управления наркомата обороны. В конце 1937 г. эта группа была выведена из состава разведывательного управления и передана в Генеральный штаб, образовав там совместно с группой по Китаю отдел специальных заданий. Группа «Х» занималась отправкой в Испанию личного состава, боевой техники и военного снаряжения, а также сбором и обобщением информации о событиях в Испании. Советская военная помощь осуществлялась по трем основным направлениям: военно-техническая; участие военных

специалистов в создании регулярной армии, в разработке операций и непосредственно в боевых действиях; подготовка испанских военных специалистов [19, с. 36].

Советская военная помощь осуществлялась на основе заявок республиканского правительства, которые передавались либо по дипломатическим каналам, либо специальными правительственными эмиссарами К. Ворошилову. Как правило, вопросы военной помощи решались оперативно, Сталин лично просматривал заявки и иногда уменьшал количество запрашиваемой военной техники.

Советская военная помощь осуществлялась на коммерческой основе, все расчеты вел наркомат внешней торговли. Испанскому правительству выставлялся счет за каждый пароход с оружием, и суда отправлялись в путь только после получения правительственной визы [17, Оп. 3. Д. 835. Л. 52].

Испанская сторона оплачивала не только стоимость закупленного оружия, но и все косвенные расходы, связанные с отправкой грузов и людей в Испанию, – доставку по железной дороге в порты, погрузку и разгрузку, фрахт пароходов, денежное довольствие советским специалистам и командам судов.

В октябре 1936 г., когда войска Франко подошли к Мадриду и правительство приняло решение перебраться в Валенсию, премьер-министр правительства Испанской республики Л. Кабальеро и министр финансов Х. Негрин официально обратились к советскому руководству с просьбой принять на хранение около 500 тонн золотого запаса Испании. Просьба была рассмотрена на заседании политбюро 17 октября, и ответ, переданный через посла СССР в Мадриде М. Розенберга, гласил: «Мы готовы принять на хранение золотой запас, и мы согласны на отправку этого золота на наших возвращающихся из портов судах с тем условием, что золото будет сопровождаться уполномоченными испанпра *(испанского правительства – М. Н.)* или Минфина и что наша ответственность за сохранность золота начинается с момента сдачи его Наркомфину СССР в нашем порту» [19, с. 93]. 20 октября 1936 года 510 тонн золота было погружено на 4 советских парохода, доставивших грузы в Испанию, и 6 ноября золото было передано на хранение в наркомфин СССР [19, с. 90–101].

Объясняя мотивы такого решения, Л. Кабальеро писал, что в условиях, когда существовала угроза захвата золотого запаса мя-

тежниками, правительство решило передать его на хранение в государственный банк СССР, предложивший свои услуги с предоставлением всех необходимых гарантий. По словам Л. Кабальеро, за счет испанского золота, депонированного в госбанке СССР, оплачивались все закупки вооружения, производимые республиканским правительством как в самом Советском Союзе, так и в других странах [19, с. 463–464].

Доставка военных грузов из СССР в Испанию осуществлялась, в основном, морем, сначала из Одессы, Севастополя, Керчи, Феодосии, затем из Ленинграда и Мурманска на испанских, советских и зафрахтованных иностранных пароходах. В порты грузы доставлялись железнодорожными составами с соблюдением мер предосторожности против утечки информации. Погрузочно-разгрузочные работы, охрану обеспечивали специальные группы краснофлотцев и начальник порта [19, с. 39–42]. Всего из СССР в Испанию было отправлено 66 пароходов с военным грузом, и почти все они дошли до портов назначения. Не дошли до цели всего два судна, причем одно село на мель у республиканских берегов и было в основном разгружено, другое, не сумев прорвать блокаду, ушло в г. Алжир и разгрузилось там [12, с. 30].

Из черноморских портов суда следовали через проливы с обязательным заходом на один из островов греческого архипелага, где производилась окончательная маскировка, и отсюда под чужим флагом путь пролегал вдоль африканского побережья, южнее общепринятых морских торговых путей. Из Ленинграда суда шли через Балтийское море, из Мурманска – через Северное море до французских портов на атлантическом побережье, далее грузы доставлялись в Испанию по железной дороге. Эти маршруты считались более безопасными с точки зрения возможного нападения кораблей противника, однако здесь возникали другие проблемы – эти маршруты были значительно протяженнее, в Северном море и в Бискайском заливе суда часто попадали в затяжные штормы, причем от капитана и команды требовалось и мужество, и умение, чтобы выбраться из них невредимыми.

Разгрузка судов, следовавших через Черное и Средиземное моря, осуществлялась, в основном, в испанском порту Картахена и также была сопряжена со значительными проблемами. Порт подвергался атакам франкистской авиации в течение всей войны и в

дневное, и особенно в ночное время. О прибытии транспортов с оружием мгновенно узнавал весь город. «Секретность в условиях Картахены являлась делом безнадежным», – писал позднее Н. Г. Кузнецов [7, с. 125]. Франкистская агентура, пользуясь этим, старалась организовать прицельные бомбардировки как пароходов, так и разгруженных военных материалов. По мнению Н. Г. Кузнецова, разгрузка шла медленно, но больше всего его беспокоила та беспечность, с которой испанцы обращались с боеприпасами и бензином, с размаху бросая ящики со снарядами в кузов автомобиля и устраивая перекуры около бочек с бензином. Наш военно-морской атташе объяснял подобное поведение «наивной беспечностью, столь свойственной южанам, и отсутствием военного опыта (ведь Испания по-настоящему не воевала со времен Наполеона)» [7, с. 125].

Кроме того, анархистские профсоюзы то и дело срывали разгрузку в порту, увлекая за собой часть рабочих. Прибывшие на транспортах самолеты, танки, пушки, винтовки без достаточной охраны лежали на причалах, их вывозка осуществлялась медленно. Сотни вагонов с оружием, готовых к отправке, простаивали из-за нехватки паровозов.

Несмотря на вышеперечисленные трудности, основная масса советской военной техники, оружия и военного снаряжения дошла до тех, кому все это предназначалось, – солдат и офицеров Народной армии Испанской республики; всего было доставлено около 600 тыс. тонн военных грузов (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Поставки военной техники, оружия и боеприпасов в Испанию в 1936–1938 гг.

	СССР	Германия	Италия
Самолеты всех типов	648	593	1 000
Танки	347	250	950
Бронеавтомобили	60	–	–
Артиллерийские орудия	1 186	700	1 930
Минометы	340	6 174	1 426
Пулеметы	204 86	31 000	3 436
Винтовки	497 813	157 306	240 747

	СССР	Германия	Италия
Патроны (млн. шт.)	862	250	324,9
Снаряды (млн. шт.)	3,4	1,1	7,7
Авиабомбы (тыс. шт.)	110	–	17
Подводные лодки	–	–	8
Торпедные катера	4	–	–

Основные приведенные здесь данные о размерах военной помощи республиканцам и франкистам были впервые опубликованы в виде сводной таблицы М. Т. Мещеряковым на основании исследований, проведенных испанскими, германскими, итальянскими специалистами [12, с. 31]. Уточненные сведения о советских военных поставках Испанской республике (они представлены в таблице) приводятся в исследовании Ю. Е. Рыбалкина [19, с. 44]. Думается, что можно считать их окончательными.

Как явствует из таблицы, объем советских поставок, хотя и уступал объему итало-германских поставок, был тем не менее значительным. По некоторым позициям (винтовки, патроны, авиабомбы) республиканцы имели преимущество перед франкистами, что касается танков, то количественное превосходство итальянских и германских боевых машин уравновешивалось качественным превосходством советской бронетехники [33, p. 220]. Если учесть мексиканскую военную помощь (на 2 млн. долл. США) [37, p. 285], закупки техники и оружия, произведенные республиканцами в других странах (по данным Ж. Сориа, в Европе и США был закуплен 321 самолет) [23, с. 273], а также военную продукцию Испанской республики (320 самолетов, 337 броневиков, снаряды, патроны, гранаты и т. д.) [12, с. 31], то преимущество франкистов в вооружениях станет еще меньше, то есть тезис о подавляющем их превосходстве в танках, самолетах, пушках и т. д. становится более чем сомнительным. Военное превосходство франкистов в ходе войны сказалось скорее не в том, что они получили больше оружия, а в более рациональном и эффективном его использовании.

Особенно наглядно это видно на примере военно-морских сил. Несмотря на то, что в начале мятежа подавляющее большинство боевых кораблей осталось в составе ВМС Испанской республики, уже в ноябре 1936 г., по свидетельству Н. Г. Кузнецова, флот мя-

тежников представлял для республиканцев значительную угрозу [7, с. 128]. Он отмечает невысокую грамотность и слабую боевую выучку командиров кораблей, выдвинутых на эти должности из числа низших офицеров флота, сохранивших верность республике [7, с. 176] (См. Табл. 2).

Таблица 2.

Советские военные поставки Испанской республике

	1.10.1936–1.08.1937	14.12.1937–11.08.1938	25.12.1938–28.01.1939	Итого
Самолеты всех типов	496	152	—	648
Танки	322	25	—	347
Бронеавтомобили	60	—	—	60
Орудия	714	469	3	1186
Пулеметы	12 804	4 910	2 772	20 486
Винтовки	337 793	125 020	35 000	497 813

Из таблицы видно, что основная часть советской военно-технической помощи Испанской республике приходится на начальный период войны – октябрь 1936 г. – июль 1937 г., когда доставка грузов осуществлялась, в основном, из черноморских портов через Средиземное море. Существенное уменьшение объемов поставок в период с июля 1937 г. по июль 1938 г. невозможно объяснить только морской блокадой, так как в этот период франко-испанская граница была полностью открыта и снабжение республиканцев осуществлялось северным путем, через Францию. Система взяток французским чиновникам решала проблему транзита военных грузов через эту страну. Фактор блокады мог существенно сказаться с июля 1938 г., после закрытия франко-испанской границы.

В связи с отсутствием точной информации и в отечественной, и в зарубежной литературе приводятся различные версии причин уменьшения советских военных поставок, такие как недостаточные возможности советской военной промышленности того периода, помощь Китаю и Монголии в отражении японской агрессии, необходимость мобилизации ресурсов во время чехословацкого кризиса, исчерпание испанского золотого запаса, перспектива снабжения в кредит без четкой гарантии на военный успех и т. д.

В работах М. Т. Мещерякова и Ю. Е. Рыбалкина в качестве одной из причин называется изменение к концу 1937 года позиции Сталина в отношении Испанской республики, по словам авторов, она менялась в зависимости от обстановки на фронтах Испании и на международной арене, а также от настроения Сталина, на которое могли повлиять самые разные факторы, такие как отказ республиканского командования выполнить указание из Москвы, недоразумения с военными трофеями или антисоветская провокационная статья в испанской газете [19, с. 45].

Известно много обращений республиканского правительства к СССР за помощью, которые Сталин просто игнорировал. Положение республики стало особенно тяжёлым, когда 15 апреля 1938 г. франкисты вышли к Средиземному морю, перерезав республиканскую зону на две части. Однако просьбы поставить технику и оружие из Советского Союза в тот период не увенчались успехом. Нарком иностранных дел СССР М. Литвинов 29 апреля 1938 г. сообщал поверенному в делах СССР в Испании С. Марченко: «Просьбу Негрина о помощи я передал в инстанцию *(в политбюро – М. Н.),* но решение ещё не принято». Вопросы республиканского правительства о новых поставках оружия Литвиновым «ставились перед надлежащей инстанцией, но решений не имелось» (19 июля 1938 г.). Наконец, 7 августа Литвинов пишет Марченко в Барселону: «По поставленным испанпра вопросам до сих пор решений нет. Я объясняю себе причину задержки решений тем, что ответы намечаются отрицательные» [19, с. 47].

Думается, авторы правы, отмечая раздраженность Сталина неудачами в Испании. Как представляется, Сталин по ходу гражданской войны все отчетливее начинал понимать, что та цель, которую он поставил, серьезно ввязываясь в испанский конфликт – налаживание сотрудничества с демократическими государствами в процессе решения испанской проблемы, не может быть достигнута, а значит и все усилия СССР по оказанию помощи Испанской республике напрасны.

Однако, в этом случае представляется не логичным решение Сталина о выделении серьезного кредита Испанской республике для закупки большой партии советского оружия в конце 1938 года, когда мало кто в мире сомневался в скорой военной победе франкистов.

В декабре 1938 г. командующий авиацией Испанской республики И. И. де Сиснерос был направлен премьер-министром Х. Негрином в Москву с просьбой об оказании срочной военной помощи. «Я запомнил некоторые данные. Двести пятьдесят самолетов, двести пятьдесят танков, четыре тысячи пулеметов, шестьсот пятьдесят орудий и все остальное в таких же размерах. Список этот показался мне фантастическим», – отмечал И. И. де Сиснерос в своих воспоминаниях [21, с. 150]. Вот как описывает он свою встречу с И. В. Сталиным: «Я чувствовал себя весьма неловко, когда мы начали читать цифры требований, потому что мне они казались астрономическими и далекими от реальности. С удивлением и радостью я увидел, что Сталин выражает свое согласие... Рассмотрение списков закончилось полным их одобрением. Я не мог опомниться от изумления» [21, с. 151].

И только после утверждения объемов и сроков поставок оружия советские руководители поставили вопрос об их оплате. «Я был поражен и не знал, что сказать, потому что Негрин (видимо, умышленно) не предупредил меня о том, что запасы испанского золота в Москве были исчерпаны в связи с закупками оружия, материалов и продовольствия – всего того, что нам пришлось приобретать за границей в течение двух лет для нужд войны» [21, с. 151]. Советское руководство решило предоставить Испании кредит на сумму стоимости вооружений. «Единственной гарантией этого займа, – подчеркивает И. И. де Сиснерос, – служила моя подпись, т. е. лишь под мою подпись Советский Союз предоставлял Испании более ста миллионов долларов» [21, с. 152].

Вопрос о предоставлении кредита и выделении оружия решался оперативно. «Не теряя ни одной минуты, советские товарищи начали готовить оружие к отправке» [21, с. 152]. Из Мурманска советское оружие было доставлено на семи пароходах во французский порт Бордо. Это оружие попало в Испанию однако слишком поздно. Судьба Каталонии, да и всей войны, была уже решена [21, с. 152].

Данные, приводимые Сиснеросом, подтверждаются архивными материалами с некоторыми расхождениями в конкретных цифрах. СССР поставил республике 15 торпедных катеров с 30 торпедами, 40 танков Т-26, 134 самолета, 359 артиллерийских орудий с 1 382 540 снарядами, 3 тыс. пулеметов, 40 тыс. винтовок со 100

млн патронов общей стоимостью 55 359 660 долл. США [36, p. 10–11]. Из этой партии оружия через французскую границу удалось переправить 27 самолетов, двадцать орудий, 40 тыс. винтовок, 2 400 пулеметов, большое количество патронов и снарядов, но использовать в боевых действиях все это республиканцы уже не успели, поэтому большая часть грузов была отправлена назад, во Францию, а остальное пришлось уничтожить [19, с. 47].

В советской и современной российской историографии выделение кредита и последняя поставка оружия трактуется как стремление СССР помогать Испанской республике до конца, несмотря на пессимистические прогнозы в отношении исхода гражданской войны. В зарубежной литературе определенное распространение получила версия об умышленном затягивании Советским Союзом испанского конфликта с целью попытаться извлечь из этой ситуации гипотетические внешнеполитические выгоды, отсюда, согласно этой версии, явно дозированный характер советских военных поставок с осени 1937 года до конца войны.

Другой аспект советской военной помощи Испанской республике – участие советских специалистов в создании народной армии, а также их непосредственное участие в боевых действиях в достаточной степени отражены и в мемуарной, и в исследовательской литературе. Известно, что всего в Испанию из СССР было направлено 584 военных советника, 772 летчика, 354 танкиста, около 100 артиллеристов, 77 моряков, 166 связистов, 140 военных инженеров и техников, 204 переводчика, а также небольшие группы других военных специалистов. За годы войны с помощью советских наставников около 20 тысяч военнослужащих народной армии получили различные военные профессии, в том числе около 3 тысяч непосредственно в СССР в военных учебных заведениях в Кировобаде, Тамбове, Горьком, Сумах, Тифлисе и других городах.

Для литературы советского периода в соответствии с условиями цензуры был характерен преимущественно глянцево-пафосный стиль освещения преимущественно героических эпизодов, связанных с деятельностью советских военных специалистов в Испании, причем это касалось и мемуарных, и немногочисленных исследовательских работ. С конца 1980-х годов начинается процесс пересмотра советских стереотипов, примером является

цитируемые в данной статье мемуары Н. Г. Кузнецова. В условиях трансформации общества М. Т. Мещеряков получает долгожданный доступ к архивным материалам. В одном из писем автору от 15.02.1992 он писал: «Пока я по-прежнему сижу в архиве и все больше погружаюсь в глубины, о которых я и не подозревал».

В 1993 году, уже после безвременной кончины М. Т. Мещерякова, в журналах «Отечественная история» и «Новая и новейшая история» были опубликованы две его статьи, в которых автор заложил основы нового концептуального видения политики СССР и Коминтерна в Испании в 1936–1939 гг. В статье «СССР и гражданская война в Испании» [13, с. 83–85] он первым в отечественной историографии в столь авторитетном журнале отказался от тезиса о том, что «Советский Союз выступал в испанской войне как последовательный защитник интересов Испанской республики, сделавший все от него зависящее для торжества испанской демократии» [13, с. 83]. Отмечая искренний характер солидарности советского народа с испанской республикой и признавая позитивный характер советской дипломатической, военно-технической, гуманитарной помощи по государственной линии, автор подчеркивал, что «советская политика в испанском вопросе была значительно более сложной и многогранной, что требует глубокого анализа и в значительной степени новых подходов» [13, с. 84].

В статье «Судьба интербригад в Испании по новым документам» [14, с. 18–41], опираясь преимущественно на вновь введенные в оборот документы Коминтерна по рассматриваемой проблеме, М. Т. Мещеряков вносит серьезные дополнения и изменения в созданную им в советский период концепцию участия Коминтерна в создании, функционировании и демобилизации интернациональных бригад. Покрытый лаком прежний героический образ предстает в данной статье более соответствующим своему суровому, безжалостному, противоречивому оригиналу. В интербригадовском движении, по мнению автора, были не только светлые, но и темные стороны, в нем переплетались «героическое и трагическое, высокое и низменное, интернационализм и национализм», рядом с революционным романтизмом и высоким интернационализмом соседствовали «низменные интересы и страсти, идеологическая нетерпимость, жестокость и другие не самые лучшие человеческие качества». «Интербригады, подчеркивает М. Т. Мещеряков, – были

сложным и противоречивым историческим явлением, и их надо воспринимать такими, какими они были» [14, с. 41].

В статьях, кандидатской диссертации и монографии научного сотрудника Института военной истории Ю. Е. Рыбалкина предпринята успешная попытка комплексного анализа советского военного участия в испанских событиях. Он был одним из первых отечественных историков, кому довелось прикоснуться к архивным документам военного ведомства, хранящимся в Российском государственном военном архиве и Центральном архиве Министерства обороны, а также к документам Архива Президента РФ и Архива внешней политики РФ и ввести их в научный оборот в значительном количестве.

Определяя цель своего монографического исследования, Ю. Е. Рыбалкин отмечает, что оно «позволит более объективно оценить военно-политическую обстановку в мире тех лет, установить закономерности и тенденции одного из самостоятельных, наиболее эффективных направлений внешней политической деятельности СССР по оказанию помощи народам и странам, боровшимся за свое национальное и социальное освобождение с внешними и внутренними врагами» [19, с. 8].

Ю. Е. Рыбалкин внес серьезные поправки и уточнения в анализ политических и экономических предпосылок советской военной помощи Испанской республике, в освещение самого процесса оказания помощи, справедливо выделяя в нем собственно военно-техническую помощь, деятельность советских военных советников и непосредственное участие советских военных специалистов в боевых действиях.

Благодаря усилиям М. Т. Мещерякова и Ю. Е. Рыбалкина история участия советских специалистов в испанской гражданской войне стала более объективной. Наряду с общей позитивной оценкой их деятельности отмечается наличие целого ряда проблем. По мнению авторов, несомненный вред делу достижения военной победы республиканцев нанесли частая сменяемость советников, недостаточное их количество, противоречивые указания от К. Е. Ворошилова из Москвы, слабая профессиональная подготовка части советников (иногда старшие лейтенанты и капитаны выступали в роли наставников испанских полковников и генералов, что вызывало справедливые нарекания с испанской стороны),

ошибки кадровиков наркомата обороны в отборе советников, когда в их числе оказывались хамы, пьяницы, профессионально непригодные офицеры.

Возникали проблемы и случайного порядка, такие как болезнь К. А. Мерецкова, В. Е. Горева, В. Я. Колпакчи, конфликты ряда советников с политическими комиссарами и представителями НКВД в Испании. В отдельных случаях отрицательные последствия имели особенности характера как советников, так и испанских командиров. Характерный эпизод в этом плане привел в своих мемуарах Р. Я. Малиновский. Его назначили советником к Э. Листеру, и шел он к нему с известным опасением, так как за Листером укрепилась репутация командира храброго, тактически грамотного, но не терпящего постороннего вмешательства и тем более опеки; владея русским языком, Листер «посылал к чертовой матери» всех, кто под горячую руку совался к нему с неразумными советами. И тем не менее, полковник Р. Я. Малиновский сработался с равным ему по воинскому званию Э. Листером. «Я всегда старался щадить его самолюбие, – подчеркивал Р. Я. Малиновский, – давал те или иные советы так, что этого никто не видел, и никогда не превышал своих полномочий. Все решения он принимал единолично, а если ставил перед подчиненными боевые задачи, меня никогда не было рядом с ним» [11, с. 158].

Отрицательные последствия для народной армии имели сталинские репрессии. По свидетельству авиаконструктора А. С. Яковлева, «Сталин очень болезненно переживал неудачи в Испании», направляя свой гнев против советских военных специалистов [28, с. 126]. Многие из них были уничтожены в ходе войны, другие после ее окончания. В их числе два главных военных советника, Я. К. Берзин и Г. М. Штерн, военный атташе В. Е. Горев, начальник разведывательного управления наркомата обороны С. П. Урицкий, помощник начальника генерального штаба народной армии Я. В. Смушкевич, заместитель главного военного советника В. П. Бутырский, командующие истребительной авиацией П. И. Пумпур и Е. С. Птухин и др. В числе расстрелянных оба полномочных представителя СССР в Испанской республике М. М. Розенберг и Л. Р. Гайкис, генеральный консул в Барселоне В. А. Антонов-Овсеенко.

В зарубежной историографии деятельность советников оценивается неоднозначно: в консервативной литературе говорится, что всеми войсками республики якобы командовал русский штаб [30, p. 214]. Во многих работах встречается тезис о «чрезмерной осторожности» наших советников. В некоторых исследованиях и мемуарах их прямо называют «генералами тыла». Весьма характерны в этом плане некоторые эпизоды из романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол». Признавая всю неоднозначность проблемы, в целом необходимо отметить несправедливость подобных упреков. И не только потому, что каждый десятый советский доброволец навсегда остался в земле Испании, а каждый пятидесятый получил звание Героя Советского Союза. Так уж были устроены советские люди, что, имея приказ не принимать непосредственного участия в боевых операциях и выполнять исключительно функции советников, они, исходя из сложной обстановки, садились за рычаги танков, вели огонь из орудий и пулеметов, водили в атаку военные подразделения народной армии.

Что касается советской дипломатической поддержки Испанской республики, то в годы войны советская дипломатия предпринимала попытки с помощью мирового сообщества прекратить вмешательство Италии и Германии в испанский конфликт, сорвать военно-экономическую блокаду республики, не допустить образования единого фронта крупных государств Европы против республиканской Испании. К сожалению, все попытки советской дипломатии окончились безрезультатно. Политика умиротворения фашизма, стойкий антикоммунизм и страх большевизации Испании удерживали руководителей Англии и Франции от совместных действий против Франко и его итало-германских покровителей. Самое большее, что удалось советским дипломатам, это не допустить в ряде случаев ухудшения международного положения Испанской республики.

В целом, помощь СССР Испанской республике всегда высоко оценивалась политиками и историками многих стран мира, разделявшими демократические убеждения. И действительно, Советский Союз был единственной крупной державой, оказавшей реальную поддержку молодой испанской демократии в ее борьбе с тремя европейскими диктаторами – Франко, Гитлером и Муссолини. Этот факт является бесспорным и даже прагматический ха-

рактер мотивов вмешательства СССР в испанский конфликт не может уменьшить его значимости. Волею судеб советские люди оказались в компании честных и порядочных людей и пока демократические ценности являются приоритетными, помощь СССР Испанской республике всегда будет одной из самых светлых страниц мировой истории.

Литература

1. Война и революция в Испании 1936–1939 [Текст]. – М., 1968. Т. 1.
2. Документы внешней политики СССР [Текст]. – Т. 20. – М., 1976.
3. Известия [Текст]. – 18 июля. – 1936
4. Интернационал молодежи [Текст]. – 1936. – №9. – С. 27; 1937. – №1. – С. 43–44.
5. Комсомольская правда [Текст]. – 1936. – 16, 23 ноября; – 1937. – 29 марта.
6. Комшуков, А. А. Национально-революционная война испанского народа и советская общественность [Текст] : дис. … канд. ист. наук / А. А. Комшуков. – Харьков, 1979
7. Кузнецов, Н. Г. На далеком меридиане [Текст] / Н. Г. Кузнецов. – 3-е изд., испр. – М., 1988.
8. Львунин, Ю. А. Интернационализм в действии [Текст] / Ю. А. Львунин. – М., 1985.
9. Майский, И. М. Воспоминания советского посла. Книга вторая [Текст] / И. М. Майский. – М., 1964.
10. Малай, В. В. Международные аспекты гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. [Текст] : дис… д-ра ист. наук / В. В. Малай. – М., 2004.
11. Малиновский, Р. Я. Гневные вихри Испании [Текст] / Р. Я. Малиновский // Под знаменем Испанской республики. – М., 1965.
12. Мещеряков, М. Т. Советский Союз и антифашистская война испанского народа (1936–1939 гг.) [Текст] / М. Т. Мещеряков // История СССР. – 1988. – № 1. – С. 40.
13. Мещеряков, М. Т. СССР и гражданская война в Испании [Текст] / М. Т. Мещеряков // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 83–95.

14. Мещеряков, М. Т. Судьба интербригад по новым документам [Текст] / М. Т. Мещеряков // Новая и новейшая история. – 1993. – № 5. – С. 18–41.

15. Новиков, М. В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. [Текст] / М. В. Новиков. – 2-е изд., испр. и доп. – Ярославль, 2007.

16. Правда.

17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17.

18. Российский государственный военный архив. – Ф. 33987. – Оп. 3. – Д. 835. – Л. 52.

19. Рыбалкин, Ю. Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939 гг.) [Текст] / Ю. Е. Рыбалкин. – М., 2000.

20. Северный рабочий. – 1987. – 24 июля.

21. Сиснерос, И. Моя миссия в Москву [Текст] / И. Сиснерос // Нева. – 1965. – № 10.

22. Соловьев, С. С. Движение солидарности советского народа с республиканской Испанией (1936–1939 гг.) [Текст] : дис. …канд.ист.наук / С. С. Соловьев. – Ярославль, 2006.

23. Сориа, Ж. Война и революция в Испании. 1936–1939. В 2-х т. [Текст] / Ж. Сориа. – М., 1987. – Т. 1.

24. Талашова, В. А. Советский комсомол – активный участник движения солидарности с республиканской Испанией в период национально-революционной войны (1936–1939) [Текст] : дис. … канд. ист. наук / В. А. Талашова. – Вологда, 1972.

25. Труд.

26. Центр документации новейшей истории Ярославской области. – Ф. 1608. Оп. 1. Д. 367. Л. 67.

27. Юрьева, Л. М. Национально-революционная война в Испании и мировая литература [Текст] / Л. М. Юрьева. – М., 1973.

28. Яковлев, А. С. Цель жизни: Записки авиаконструктора [Текст] / А. С. Яковлев. – М., 1987.

29. Alpert M. A New International History of the Spanish Civil War. L. 1994

30. Bolin L. Spain: The vital years. L., 1961.

31. Bolloten B. The grand camouflage. The communist conspiracy in the Spanish civil war. – L, 1961.

32. Fraser R. Blood of Spain. An oral history of the Spanish civil war. N.Y., 1979.
33. Hills G. Spain. N.Y.- Wash., 1970.
34. Payne S. The Spanish Civil War, the Soviet Union and Communism. New Haven, L., 2004.
35. Smyth D. «We Are with You»: Solidarity and Self-interest in Soviet Policy towards Republican Spain, 1936–1939 // The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936–1939. Edinburgh, 1996. P. 87–106.
36. Spain against fascism. Some questions answered. L., 1967.
37. Tamames R. La Republica. La era de Franco. Madrid, 1973.
38. Taylor T. The United States and the Spanish Civil War. –N. Y., 1956.

Глава 4. Испанское золото и советская военная помощь Испанской республике

В октябре-ноябре 1936 года советские спецслужбы совместно с посольством СССР в Испании и представителями правительства Испанской республики провели блестящую операцию, по словам известного американского историка Стэнли Пейна, «одну из самых экстраординарных финансовых операций XX-ого века» [10, p. 148] – перевозку большей части золотого запаса Испании в СССР. Причины принятия соответствующих решений руководителями Испанской республики и Советского Союза, ход самой операции по перевозке золота, а также значение и последствия этого события для обеих стран до сих пор являются предметом научных дискуссий, наиболее существенные составляющие которых мы и рассмотрим в данной главе.

18 июля 1936 года консервативная часть армии Испании подняла военный мятеж против законного демократического правительства, переросший в длительную и кровопролитную гражданскую войну. На следующий день, 19 июля, буржуазное правительство Хосе Хираля, в котором не было ни одного коммуниста, социалиста или анархиста, приняло два важнейших решения: во-первых, оно открыло военные арсеналы и раздало оружие рабочим организациям для борьбы с мятежниками, во-вторых, обратилось за военной помощью к правительству Народного фронта Франции. Вскоре правительство приняло еще одно принципиальное решение – использовать золотые резервы банка Испании для нужд ведения войны, продав Франции часть золотых запасов и пополнив тем самым валютные счета правительства для закупок оружия за границей [12, p. 106].

В августе-сентябре 1936 г. мятежники, опираясь на военную помощь Италии и Германии, провели ряд успешных наступательных операций и вплотную приблизились к Мадриду. В условиях возможного захвата столицы мятежниками правительство Испанской республики в середине сентября приняло решение перебазировать золотой запас (четвертое место в мире по объему) в более безопасное место – в старые пороховые погреба военно-морского порта Картахена. Всего в Картахену было перевезено 10 тысяч ящиков золота, все запасы серебра, а также иностранная валюта и другие финансовые активы.

По мнению известного испанского историка Анхеля Виньяса, продажа золота банку Франции шла ускоренным темпом в первые месяцы войны и к марту 1937 года 26,5 % золотого запаса Испании оказались во французских сейфах [12, p. 108]. По уточненным данным Пейна, 9,6 тонны были перевезены во второй половине сентября, 52 тонны – в октябре, перевозка золота небольшими партиями во Францию продолжалась до февраля 1937 года, всего было перевезено 174 тонны, или 27,4 % всего золотого запаса Испании [10, p. 148].

Перевезенное во Францию золото предполагалось использовать для закупки оружия как в самой Франции, так и в других странах. Сделать это было необычайно трудно, так как все европейские государства присоединились к франко-британской политике невмешательства в испанский конфликт, предполагавшей в том числе запрет на продажу оружия воюющим сторонам. Многочисленные группы торговых представителей испанского правительства были направлены в Париж и Лондон, их описывали следующим образом: «Маленькие люди в черных костюмах на черном асфальте с сумками, набитыми золотом, готовые купить любой военный самолет» [10, p. 148]. Возможности закупки оружия еще больше сократились, когда правительство мятежников, возглавляемое генералом Ф. Франко, стало активно противодействовать и блокировать использование золотовалютных резервов Испании в западных странах.

В то время, когда правительство Испанской республики безуспешно пыталось за золото и валюту купить оружие в европейских странах, из Советского Союза, во исполнение решения руководства СССР в рамках утвержденной секретной операции «Х», в ответ на многочисленные просьбы правительства республики, начало поступать советское оружие. Первый пароход прибыл 4 октября с обещанием, что в ближайшее время объемы поставок оружия и военного снаряжения существенно увеличатся, и действительно, через 8 дней пароход «Комсомол» доставил в Испанию 50 танков «Т-26», следом двигались другие суда, груженные самолетами, артиллерийским орудиями, стрелковым оружием и боеприпасами.

Советское руководство приняло решение о поставках оружия Испанской республике после долгих колебаний. Решившись в

конце июля 1936 года на оказание гуманитарной помощи [11, с. 51–63], руководство СССР до 10 сентября отклоняло все просьбы официальных и не официальных представителей Испанской республики о продаже оружия. В отсутствие дипломатической миссии СССР в Мадриде, многочисленные просьбы к советскому руководству направлялись через дипломатические каналы во Франции, так 9 августа советник посольства СССР в Париже сообщал в НКВД, что испанцы «согласны на любые комбинации, только бы скорее получить помощь» [4, с. 28]. Тем не менее, 23 августа нарком иностранных дел М. Литвинов через советское посольство в Париже извещал испанскую сторону, что советское руководство не считает возможным удовлетворить просьбу испанцев о поставках оружия, мотивируя свою позицию большой протяженностью транспортных коммуникаций и возможностью нападения на советские торговые суда, а также необходимостью соблюдать условия соглашения о невмешательстве в испанский конфликт, к которому присоединился СССР. Аналогичное письмо от Литвинова получил вновь назначенный посол СССР в Мадриде М. Розенберг: «Вопрос о помощи испанскому правительству обсуждался у нас неоднократно, но мы пришли к заключению о невозможности посылать что-либо отсюда» [4, с. 28].

Как явствует из дневника Литвинова, дебаты в Москве продолжались до 10 сентября и автор дневника был удивлен нерешительностью И. Сталина [8, p. 20]. Колебания Сталина закончились 14 сентября, когда на Лубянке под председательством наркома НКВД Г. Ягоды (через 2 недели репрессированного и замененного на Н. Ежова) была создана комиссия, в которую вошли С. Урицкий, начальник разведывательного управления Наркомата обороны, А. Слуцкий, начальник иностранного отдела НКВД, М. Фриновский, командующий войсками НКВД, ими был разработан план поставок оружия в Испанию. Через 2 дня проект по оказанию помощи Испанской республике получил кодовое название операция «Х». В рамках всей операции, руководство которой было возложено на наркома обороны К. Ворошилова, была создана межведомственная группа «Х» под руководством Урицкого для координации деятельности представителей армии, НКВД, разведывательного управления Наркомата обороны, Наркомата финансов и Наркомата внешней торговли [10, p. 141]. 29 сентября 1936

года, когда первые транспорты с оружием уже были в пути или стояли под погрузкой в портах, состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором было принято официальное политическое решение о проведении операции «Х»: «а) Утвердить план операции по доставке личного состава и специальных машин в «Х», возложив полное осуществление всей операции на т.т. Урицкого и Судьина *(исполняющий обязанности народного комиссара внешней торговли СССР. – М. Н.)*. б) На проведение специальной операции отпустить Разведупру 1 910 000 советских рублей и 199 000 американских долларов» [4, с. 39].

Что касается оплаты советских военных поставок в октябре 1936 года, общеизвестно, что к этому времени не было никаких официальных платежных документов, подписанных обеими сторонами. Скорее всего, существовала некая неофициальная договоренность, о которой Пейн пишет следующим образом: «Совершенно очевидно, что Негрин *(Хуан Негрин, министр финансов Испанской республики – М. Н.)* и Кабальеро *(Ларго Кабальеро, премьер-министр Испанской республики – М. Н.)* пообещали перевозку золота в СССР для оплаты поставок советского оружия» [10, p. 149]. Негрин без сомнения знал о том, что многие страны использовали во время войн перевозку золотого запаса в соседние государства для хранения его там на депозитах, к этому, в частности, прибегала Франция во время Первой и Второй мировых войн. Однако, как подчеркивает Пейн, одно дело отправить золото в страну, которая была бастионом капитализма, как это сделала Франция, и совсем другое дело передать золото на хранение стране – лидеру мирового революционного движения [10, p. 149]. Пейн, тем не менее, не видит здесь особой проблемы, по его мнению, в тот период Испания превратилась в революционное государство номер два, а сам Негрин быстро эволюционизировал в сторону более тесных отношений с коммунистами. Его личный секретарь Б. Мартинес, с которым Негрин, якобы, находился в интимных отношениях, был членом коммунистической партии Испании и он быстро установил хорошие личные отношения со своим главным партнером в советском посольстве, А. Сташевским, атташе по торговле [10, p. 149].

В. Кривицкий, резидент советской разведки в Западной Европе, перебежавший на Запад, утверждал, что именно Сташевский

уговорил Негрина перевезти золото в Москву [7, p. 99–100]. А. Орлов, руководитель резидентуры НКВД в Испании, перебежавший в США, напротив, пришел к выводу, что это была личная инициатива Негрина. Согласно версии Орлова, Негрин являлся типичным западным левым интеллектуалом, находившимся в оппозиции к коммунистической теории, но симпотизировавшим великому эксперименту в России [9, p. 31–43]. По мнению Пейна, Негрин был хорошо расположен к Советскому Союзу, который он считал «доброй силой и возможно единственной надеждой Испанской республики» [10, p. 149].

Точно известно, что 15 октября 1936 г. Кабальеро написал письмо (возможно заготовленным Негрином) на французском языке, которое от его имени было вручено послу СССР в Мадриде М. Розенбергу. В письме содержалась просьба о перевозке большей части золотого запаса Испании на хранение в Советский Союз. Через два дня было подготовлено второе письмо, в котором подчеркивалось, что правительство Испанской республики хотело бы использовать перевезенное в СССР золото для международных платежей с участием в этом процессе СССР [10, p. 149]. Политбюро ЦК ВПП(б) рассмотрело эти два письма на своих заседаниях 17 и 19 октября и приняло по каждому из писем отдельное решение: «Поручить т. Розенбергу ответить испанскому правительству, что мы готовы принять на хранение золотой запас и что мы согласны на отправку этого золота на наших возвращающихся из портов судах» *(17 октября – М. Н.)*; «Поручить т. Розенбергу ответить испанскому правительству, что мы готовы принять на хранение золотой запас и что мы согласны на отправку этого золота на наших возвращающихся из портов судах, с тем условием, что золото будет сопровождаться уполномоченными испанпра или минфина, и что наша ответственность за сохранность золота начинается с момента сдачи его Наркомфину СССР в нашем порту» *(19 октября – М. Н.)* [4, с. 92–93].

По свидетельству Орлова, 20 октября он получил телеграмму от главы НКВД Ежова, в которой содержалось прямое указание «Ивана Васильевича» (псевдоним Сталина для специальных коммуникаций) организовать доставку испанского золота из Картахены в Одессу на советских транспортных судах. Сталин особо запретил Орлову давать какую-либо расписку представителям ис-

панского правительства, до тех пор пока золото не будет доставлено в Советский Союз. Орлов утверждал, что он договорился с Негрином о начале этой секретной операции через два дня, 22 октября [7, p. 31–43]. Он же предложил использовать для погрузки золота на суда и для его охраны прибывших к Картахену 80 советских танкистов во главе с полковником С. Кривошеиным [4, с. 93].

Всего было перевезено и погружено на транспортные суда около 510 тонн золота, запакованных в 7 800 ящиков [10, p. 150]. Все золото было распределено между четырьмя советскими торговыми судами: «Нева» – 2 697 ящиков; «КИМ» – 2 100; «Кубань» – 2 020; «Волголес» – 963. Погрузка производилась по ночам в период с 22 по 25 октября в условиях строжайшей секретности, о сути происходящего знали лишь 7 человек из руководства Испанской республики, а также Орлов и Розенберг [4, с. 93]. Груженые золотом суда уходили из Картахены с суточным интервалом, и 2 ноября благополучно прибыли в Советский Союз. В Одесском порту золото погрузили в специальный железнодорожный состав и доставили в Москву [4, с. 94].

Десятидневную операцию (22 октября – 2 ноября 1936 года) по перевозке испанского золота в СССР можно отнести к числу идеальных. Организаторам удалось обеспечить необходимый уровень секретности, предотвратить возможные утечки информации и обеспечить безопасность советских торговых судов на линии Картахена-Алжир, где был задействован военно-морской флот Испанской республики [1, с. 98]. Естественно, что организаторов и исполнителей данной операции представили к правительственным наградам. Как пишет Рыбалкин, Сташевского наградили Орденом Ленина, Орлова, якобы, не отметили. При этом он ссылается на книгу Орлова «Тайная история сталинских преступлений» [4, с. 94]. Пейн, автор, которому можно доверять, напротив, пишет, что «Сталин был настолько доволен, что в январе Орлов был награжден Орденом Ленина, высшей советской наградой» [10, p. 150]. 24 января 1937 года на банкете в Кремле Сталин, якобы, будучи в хорошем настроении, сказал: «Испанцам никогда не видать этого золота, как никогда не видать собственных ушей» [4, с. 94]. Со ссылкой на Орлова, эта фраза, которую он, якобы, слышал в частной беседе Сталина, получила широкое распространение в западной литературе [10, p. 150].

Нет никакой информации о том, что в момент принятия решения о перевозке золота в СССР были какие-либо разногласия в руководстве Испанской республики, зато позднее этот вопрос станет для них чрезвычайно дискуссионным. Очевидно, что решения принимали Кабальеро и Негрин. Кабальеро позднее писал, что другого выбора в тот момент не было [6, p. 203–204]. Военный министр И. Прието позднее отрицал свое участие в организации перевозки золота в СССР, хотя именно он отдавал приказ кораблям военно-морского флота Испанской республике о сопровождении советских торговых судов с золотом на линии Картахена-Алжир. Как пишет Пейн, в тот момент Негрин был преданнейшим сторонником Прието, лидера одной из фракций социалистической партии Испании, он и Прието работали в тесном контакте. Нет очевидных доказательств, что Прието принимал участие в выработке решения по золоту, но очевидно, что он вскоре был посвящен в этот план и обязался обеспечить безопасность перевозки золота в Москву [10, p. 151]. Президент Испанской республики М. Асанья ничего не пишет в своем дневнике о золоте. Много лет спустя Прието утверждал, что Асанья, якобы, пришел в ярость, когда узнал о перевозке золота и даже угрожал отставкой, в то время, как посол в Москве М. Паскуа утверждал, что его старый добрый друг Негрин частенько ему говорил, что на самом деле Асанья никогда не был против перевозки золота в СССР [10, p. 151].

Что касается СССР, то все, что было связано с испанским золотом, стало в нем запретной темой. Были расстреляны основные участники этой акции: нарком НКВД Ежов, нарком финансов Гринько, посол СССР в Испанской республике Розенберг и лишь Орлову, информированному о грозящем ему аресте, удалось тайно выехать с семьей в США [4, с. 96–97]. Эту тему обошли в своих мемуарах и С. Кривошеин, и Н. Кузнецов, другие информированные советские участники войны в Испании. Советским историкам приходилось либо отрицать очевидный факт перевозки золота в СССР, либо обходить эту тему молчанием. Советское руководство предприняло серьезные усилия для того, чтобы прекратить или хотя бы приглушить волну обсуждения в западных странах проблемы испанского золота. Так, решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 января 1937 года послу СССР в Великобритании И. Майскому было предложено решительно возражать против обсуждения в Ко-

митете по невмешательству в испанский конфликт вопроса об испанском золоте, поднятого представителями Германии и Италии. В последующие месяцы эта тема неоднократно поднималась в Комитете по невмешательству представителями Германии, Италии, Португалии, они пытались узнать, сколько золота и в каких странах депонировало правительство Испанской республики. В советской дипломатической переписке сообщалось об упорном желании итальянцев «получить во чтобы то ни стало точные данные о количестве вывезенного после 18 июля 1936 г. испанского золота (где это золото находится и в какой мере оно числится на депозитах испанского правительства и др. учреждений республиканской Испании) вызывается тем, что один из переметнувшихся к Франко директоров Испанского банка начал во французском суде процесс, с целью добиться решения о незаконности вывоза золотого запаса или части его из Испании за границу. Главное затруднение этого директора заключается в том, что он никак не может получить нужных ему для ведения процесса точных данных о количестве вывезенного золота и о том, где это золото находится. По словам Кастелано *(секретарь французского посольства в Лондоне, маркиз – М. Н.)*, французское правительство в данное время не заинтересовано в том, чтобы эти данные были даны, и со своей стороны не намерено дать имеющуюся в его распоряжении информацию по данному вопросу» [4, с. 96]. Нежелание французского правительства в данном случае вполне объяснимо, так как 27,4 % золотого запаса Испании было депонировано во Франции.

О дальнейшей судьбе испанского золота известно немного, Ю. Е. Рыбалкин, автор известной книги «Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939)», в частности пишет: «Золото, которое было в слитках, брусках, монетах (включая редкие нумизматические экземпляры), хранилось в подвале двухэтажного дома №3 по Настасьинскому переулку в центре Москвы. Затем его, вероятнее всего, перевели в основное хранилище Управления драгоценных металлов НКФ СССР. Располагалось хранилище тогда тоже в центре столицы на Неглиной улице в трехэтажном здании, построенном еще в 1895 г. (во дворе Госбанка СССР). Здание имело окна на втором и третьих этажах с открывающимися железными ставнями и решетками. Вход закрывался на две железные двери. В холле был подъемник, лестница

вела на второй и третьи этажи. Ценности хранились на всех трех этажах. Первый этаж являлся основным хранилищем золота. Кроме этого были кладовые для хранения алмазного фонда и других драгоценных металлов. На этажах находились большие железные шкафы для хранения золота в слитках. Каждый шкаф запирался одним замком, но двумя ключами. Один из ключей был у начальника сектора кладовых, другой – у контролера того же сектора. Одним ключом открыть шкаф было невозможно. Драгоценные металлы надежно охранял 173-й полк НКВД» [4, с. 92].

Анхель Виньяс, опираясь на документы испанской стороны, включая архив Банка Испании, и воспоминания испанских участников операции, приводит детальное описание процесса передачи золота советской стороне. 5 ноября 1936 года заместитель народного комиссара иностранных дел Н. Крестинский проинформировал посла Испанской республики в СССР М. Паскуа о доставке испанского золота в Москву и о необходимости составления и подписания соответствующего протокола. После завершения всех формальностей Паскуа и высшие советские официальные лица отправились в Гохран, где в огромной комнате аккуратными штабелями были сложены ящики с золотом, причем 5 619 ящиков оказались неповрежденными, у 128 было повреждено лаковое покрытие и деревянные детали, 33 ящика открыли для проверки. 9 ноября в Москву прибыл последний груз испанского золота – около 2 000 ящиков, и вся процедура передачи повторилась, после чего Паскуа доложил министру иностранных дел Испанской республики Альваресу дель Вайо о благополучном завершении операции [12, p. 114].

Вместе с золотом в Москву прибыли 4 представителя испанского правительства, их поселили в гостинице «Метрополь», создав условия для их полной изоляции от окружающих. Им предстояла деликатная миссия – совместно с представителями Гохрана вскрыть все ящики и произвести сверку находящегося там золота с прилагаемыми описями. После подготовки соответствующего помещения 4 декабря испанские и советские специалисты приступили к работе, в ходе которой выяснилось, что количество золотых монет в некоторых ящиках не соответствует описям, их было или меньше, или больше, другие монеты были фальшивыми или очень плохого качества и т. д. Испанские и советские специа-

листы работали в очень быстром темпе, к 24 января 1937 г. они завершили ревизию, а 5 февраля был составлен соответствующий отчет о количестве золота, доставленного из Испании в Москву. Как пишет Виньяс, общий вес вместе с добавками в сплав других металлов составил 510 079 529,3 грамма, что соответствовало 460 516 851 грамму чистого золота с ориентировочной рыночной стоимостью 518 млн. долларов. Виньяс подчеркивает, что только после этого начались финансовые операции с испанским золотом, в октябре 1936 г. – феврале 1937 г. советская военная помощь Испанской республике осуществлялась на кредитной основе [12, p. 114–115; 10].

Вот, что пишет о процедуре передачи Рыбалкин: «6 ноября золото помещено на хранение в Наркомфин (НКФ) СССР. Позднее был составлен акт о приемке золота, который в начале февраля 1937 г. подписали посол Испанской республики Паскуа, нарком финансов СССР Гринько и заместитель наркома иностранных дел Крестинский. Экземпляр акта был передан республиканскому правительству. 24 апреля Сташевский из Валенсии сообщил шифротелеграммой наркому внешней торговли А. Розенгольцу: «Выяснил точно, что московский акт приемки золота был передан Кабальеро, а он в свою очередь передал его Барайбо – заместителю военного министра, человек весьма сомнительный». После окончания гражданской войны этот экземпляр акта хранился у Негрина, а после его смерти был передан правительству Франко» [4, с. 94].

В начале февраля 1937 г. Паскуа встречался со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Крестинским, обсуждая с ними вопросы советской военной помощи на кредитной основе. В ходе этих бесед обозначилась четкая позиция советской стороны, которая указывала на всевозрастающий долг Испанской республики перед СССР. В этих условиях Кабальеро и Негрин 16 февраля решили продать часть золотого запаса, находившегося в Москве и подписали приказ о продаже золота на сумму 51 160 168 долларов. В последующие месяцы 1936 г. Кабальеро и Негрин (с мая 1937 г. Негрин единолично, став премьер-министром) подписали 14 приказов, всего было продано 358,2 тонны, или 80 % золота, депонированного в СССР. Вырученные от продажи 256 млн. долларов были переведены в Париж для оплаты закупок Испанской респуб-

лики вне СССР и 131 млн. долларов были переведены Госбанку СССР в счет оплаты советской военной помощи [12, p. 116–117].

Негрин не хотел продавать оставшиеся 20 % депонированного в СССР золота, предполагая израсходовать его после победы в гражданской войне на восстановление страны. По его поручению Паскуа вел трудные и безуспешные переговоры с советским руководством о поставках оружия с осени 1937 г. за счет исключительно советских кредитов. Советская же сторона настаивала на продаже оставшихся 20 % золота для оплаты советской военной помощи. В условиях, когда Народная Армия Испанской республики терпела поражения из-за нехватки оружия и военного снаряжения, Негрин нашел компромиссное решение – добиваться советского кредита и одновременно вести продажу оставшегося золота. 26 февраля 1938 г. Сталин, Молотов и Ворошилов встретились с Паскуа и договорились о выделении Испанской республике кредита в размере 70 млн. долларов. Негрин рассчитывал на кредит в 150 млн долларов, поэтому достигнутые договоренности он счел неудовлетворительными, однако, был вынужден принять их. 7 марта 1938 г. кредитное соглашение было подписано в Барселоне, где в тот период находилось правительство Испанской республики. Согласно соглашению СССР открывал несколько кредитных линий для закупки Испанской республикой советского оружия, а 35 тонн депонированного в СССР испанского золота передавались Советскому Союзу в качестве залога под выдаваемый кредит [12, p. 118–119].

После этого, пишет Виньяс, испано-советские отношения улучшились, но Москва не торопилась с поставками оружия в больших объемах до тех пор, пока не стало слишком поздно. Что касается Негрина, на следующий день после заключения кредитного соглашения, идя на встречу пожеланиям советского руководства, он подписал приказ об оплате накопившихся перед СССР долгов на сумму 33 млн долларов [12, p. 119]. Вскоре после этого, 28 апреля 1938 г. был подписан приказ о продаже остатков золотого запаса Испанской республики, дальнейшее финансирование закупок оружия могло осуществляться либо за счет новых кредитных соглашений, либо за счет продажи запасов серебра, находившихся в Картахене [12, p. 119].

Неудача с получением советского кредита (70 млн вместо 150 млн) вынудило Паскуа покинуть Москву и перейти на работу в посольство в Париже. В условиях военных поражений и ухудшения международного положения Испанской республики весной 1938 г. в Москву был назначен поверенный в делах Висенте Поло, который столкнулся с прохладным отношением советских руководителей к испанскому вопросу и большим количеством нерешенных проблем, самой большой из которых был неоплаченный к маю 1938 г. долг в размере 7,5 млн долларов. Понимая, что Поло вряд ли сможет договориться с советским руководством о новом кредите, Негрин направил в Москву Паскуа. Он должен был договориться со Сталиным о новом кредите в 75–100 млн долларов под гарантии испанского золота, депонированного во Франции, и доходов от экспорта свинца, ртути, соли, цитрусовых и миндаля. Переговоры были быстрыми и настолько секретными, что даже Поло ничего не знал о них. На встрече с советскими лидерами, пишет Виньяс, 13 июля 1938 г. Паскуа договорился о новом кредите в размере 60 млн долларов.

Дискуссионным остается очень важный вопрос об эффективности использования золотого запаса правительством Испанской республики. Как пишет Пейн, все расходы республиканцев по закупкам оружия за рубежом, включая поставки из СССР, составили около 800 млн долларов в текущих ценах того времени, причем все было оплачено немедленно золотом или валютой. Для сравнения генерал Франко получил военных товаров и услуг из зарубежных источников на сумму около 700 млн долларов, на 225 млн. долларов из Германии и на 410 млн долларов из Италии, причем все поставки были произведены в кредит, погашение которого предполагалось после окончания гражданской войны. Большая часть долга была возвращена Германии поставками товаров и услуг в годы Второй мировой войны, в то время как долг Италии был погашен только в 1961 году. Франко получил крупные кредиты и от американских нефтяных компаний на закупку горюче-смазочных материалов. Пейн подчеркивает, что оплачивая поставки оружия и военного снаряжения с помощью кредитов, а не золота, как Испанская республика, Франко смог закупить больше оружия и военного снаряжения, что было важно для достижения военной победы [10, p. 158].

Дискуссионной остается проблема цен на поставляемое из СССР оружие, военное снаряжение и другие услуги. Рыбалкин в своей работе утверждает, что стоимость советских самолетов (бомбардировщик СБ – 110 тыс. долларов; истребитель И-16 – 40 тыс. долларов; истребитель И-15 – 35 тыс. долларов) «примерно соответствовала стоимости французских, английских и американских самолетов идентичного типа и модификации». Аналогичная ситуация, по мнению Рыбалкина, была и со стоимостью бронетанковой техники, артиллерийских орудий и стрелкового оружия, цены «на спецтовары для «Х» в ам. долларах» утверждались Политбюро ЦК ВКП(б), поставки оружия и командирование военных специалистов шло по линии Наркомата обороны, а финансовые расчеты производились Наркоматом внешней торговли [4, с. 98].

В зарубежной историографии сложилось несколько иное мнение относительно ценовой политики советского руководства. Так, Пейн утверждает, что «цены на самом деле были непомерно высокими» [10, p. 157]. По мнению Пейна, «советские представители никогда не давали республиканскому правительству точную цену по курсу в рублях и Хоусон *(Дж. Хоусон, автор книги «Оружие в Испании: не рассказанная история испанской гражданской войны», Лондон, 1998 – М. Н.)* открыл, что через произвольное манипулирование обменным курсом советские руководители фактически регулярно назначали цену на 30–40 процентов выше международных рыночных цен. Завышение цен на некоторые виды оружия было еще более значительное» [10, p. 157]. Согласно Хоусону, поставщики оружия на Западе регулярно обманывали торговых представителей Испанской республики, завышая цены, но «денежный налог, которым обложила испанцев советская власть, был самым высоким, так как на карту были поставлены очень большие деньги» [10, p. 157].

Испанская сторона оплачивала золотом не только стоимость советского оружия и военного снаряжения, но и стоимость различных услуг и издержек. Как пишет Рыбалкин, «расчеты по отправке людей и грузов были довольно сложны, так как в них включались не только жалованье, но и оплата проезда в Испанию и обратно, содержание в Москве, экипировка, суточные, погрузка в портах и пр. ...семьям погибших в Испании военнослужащих Красной Армии с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) с января 1937 г.

выдавалось единовременное пособие в размере 25 тыс. рублей и пенсии» [4, с. 199].

Важной статьей расходов были затраты на подготовку национальных военных специалистов для Народной армии Испанской республики на территории СССР в различных учебных заведениях, однако, как подчеркивает Рыбалкин, «итоговые цифры стоимости обучения республиканцев пока не обнаружены». Он приводит данные о создании 20-й военной школы в г. Кировабаде *(г. Гянджа, Азербайджан – М. Н.)* по подготовке летчиков для военно-воздушных сил Испанской республики, подчеркивая, что смета на строительство и создание данной школы составила 800 тыс. долларов без стоимости авиационной техники, автотранспорта и других расходов [4, с. 199]. Подобные сведения дают повод для критики со стороны Пейна, который подчеркивает, что созданные на испанские деньги объекты военной инфраструктуры после отъезда испанцев использовались для подготовки и повышения квалификации военных специалистов Красной Армии, что, по крайней мере, свидетельствует о непорядочности советского руководства.

Отсутствие достоверных и адекватных сведений о стоимости услуг и издержек создает благоприятную почву для появления различных версий, в частности, тот же Пейн утверждает, что советское руководство «установило высокие цены на все услуги и издержки, связанные с оказанием военной помощи республике и обучением 600 испанских летчиков, танкистов и других специалистов на территории СССР», испанское правительство, якобы, оплачивало проезд в Испанию и обратно «представителей армии и разведки, которые никогда не покидали территории СССР» [10, p. 157].

Пейн критически оценивает эффективность решения руководства Испанской республики о перевозке 510 тонн золота в Советский Союз. Учитывая те трудности с которыми сталкивались торговые представители республики в Западной Европе при закупках оружия, и важность поставок оружия из СССР, было совершенно понятно, пишет Пейн, что какую-то часть золотого запаса необходимо было перевезти в СССР, но перевозка большей ее части представляется совершенно необоснованной. Игнорирование других, альтернативных вариантов, утверждает Пейн, и складывание «почти всех республиканских яиц в советскую корзину» пред-

ставляло собой рискованное и безрассудное действие, так как отныне можно было полагаться только на советскую помощь. С этого времени республика и в финансовом, и в военном отношении стала полностью зависимой от Советского Союза [10, p. 151]. Как писал Виньяс в своей книге «Испанское золото в гражданской войне», перевезя почти все золото в советские сейфы, республика потеряла переговорный инструмент и неизбежно способствовала росту советского влияния на принятие решений некоторыми республиканским лидерами [11, p. 187; 11].

Картахена, где хранилось золото, пишет Пейн, была главной военно-морской базой Испанской республики, ей ничто не угрожало в октябре 1936 года. Для любого нормального правительства сделать то, что сделало руководство Испанской республики, было бы безумием, но для революционного государства, боровшегося за свое существование, перевозка большей части золотого запаса в бастион мировой революции была вполне логичным действием. Пейн убежден, что «даже с революционной точки зрения республиканское правительство могло сохранить больше средств для достижения своих целей, оставив большую часть золота в Испании» и это могло стать альтернативой «ужасным объятиям Советского Союза» [10, p. 151].

Советский Союз оказывал помощь Испанской республике, используя для этих целей и западные каналы, в частности, Коммерческий банк в Париже и Народный банк в Лондоне. Пейн пишет, что в Париже главную роль в оказании помощи республике играла французская компартия, основавшая для этих целей собственную торговую компанию «France-Navigation». Компания приобрела 16 торговых судов, общим водоизмещением 310 тыс. тонн и после окончания гражданской войны эти суда, купленные на деньги Испанской республики, остались в руках ФКП, которая использовала их в своих целях, основав на вырученные от их продажи деньги новую ежедневную газету «Ce soir», полумиллионный тираж которой играл важную роль в пропагандистской войне. Советский Союз и Коминтерн, делает вывод Пейн, оказали решающую помощь Испанской республике, но республика заплатила за это хорошие деньги, Советский Союз и французская компартия получили свою долю прибыли от испанских активов, «ироничное обстоятельство для революционных борцов с капиталом» [10, p. 152].

В целом и отечественные, и зарубежные историки высоко оценивают организационную сторону секретной операции по перевозке золота из Испании в Советский Союз, подчеркивая, что именно оплаченная испанским золотом советская военная помощь стала главным фактором длительного сопротивления Испанской республики объединенным силам международного фашизма. В то же время зарубежные авторы подвергают критике решение правительства Испанской республики о перевозке большей части золотого запаса в СССР, полагая, что это поставило правительство республики в полную зависимость от СССР и лишило его переговорного инструмента. Более разумной, по их мнению, представлялась бы перевозка в СССР меньшей части золотого запаса. В связи с отсутствием в научном обороте соответствующих советских платежных документов, подтверждающих целесообразность расходования депонированного в СССР испанского золота, в зарубежной историографии выдвигаются версии о завышении цен на оружие, военное снаряжение и услуги в рамках операции «Х». Подвергается сомнению эффективность использования испанского золота для оплаты военной помощи непосредственно из СССР и для закупки оружия в Европе через подконтрольные Советскому Союзу коммерческие структуры.

Литература

1. Кузнецов, Н. Г. На далеком меридиане: Воспоминания участника национально-революционной войны в Испании [Текст] / Н. Г. Кузнецов. – 3-е изд., пер. – М. : Наука, 1988.

2. Новиков, М. В. Советский Союз и гражданская война в Испании [Текст] / М. В. Новиков // Российская история. – 2009. – №5. – С. 51–63.

3. Родригес, Л. Сталин и гражданская война в Испании. 17 июля. 2016 [Электронный ресурс] / Л. Родригес. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2157925.html. – (Дата обращения: 10.07.2019).

4. Рыбалкин, Ю. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939) [Текст] / Ю. Рыбалкин. – М. : «АИРО-XX», 2000.

5. Шубин А. Сталин и гражданская война в Испании. 17 июля 2016 г. [Электронный ресурс] / А. Шубин. – Режим доступа:

https://regnum.ru/news/polit/2157925.html. – (Дата обращения: 10.07.2019).

6. Caballero L. Miss recuerdos. Mexico City, 1954.
7. Krivitsky W. In Stalin's Secret Service. N.Y., 2000.
8. Litvinov M. Notes for Journal. L., 1955.
9. Orlov A. How Stalin Relieved Spain of $ 600 000 000 // Reader's Digest. 1966. December. – P. 31–43.
10. Payne S. The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism. New Haven and London, 2004.
11. Vinas A. El oro espanol en la guerra civil. Madrid, 1976.
12. Vinas A. Gold, the Soviet Union, and the Spanish Civill War // European Studies Review. 1979. №1. P. 105–128.

Глава 5. Мотивы массового «белого» добровольчества

Большевистский переворот в октябре 1917 года сопровождался поляризацией основных политических сил России. Большевики и левые эсеры были его активными участниками и сторонниками, меньшевики не поддержали, но были готовы сотрудничать с большевиками, наконец, кадеты, правые эсеры, народные социалисты, представители буржуазии, дворянства, офицерского корпуса решительно выступали против. Непримиримость интересов неизбежна вела к конфронтации, которая, хотя и не сразу, приняла форму гражданской войны. Вопрос о том, кто начал гражданскую войну в России, является риторическим. Большевики и их союзники были у власти и им была не нужна гражданская война. Написанная В. И. Лениным весной 1918 г. работа «Очередные задачи советской власти» посвящена планам мирного строительства нового общества в России, в ней нет призыва к гражданской войне.

Гражданскую войну начали политические силы и социальные группы, потерявшие свою власть и влияние в стране, владельцы утраченной собственности, искренние сторонники восстановления традиционной российской государственности, «социальные расисты», считавшие невозможным вытерпеть власть «низших классов» – представителей пролетариата и крестьянства – «хама» и «дикаря» в их понимании. Общая позиция российских «социальных расистов» наиболее ярко и выпукло была обозначена писателем И. Буниным в речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной в спокойной обстановке в Париже 29 марта 1926 года: «Боже, и это вот к этому самому дикарю должен я идти на поклон и служение? Это он будет державным хозяином всея новой Руси, осуществившим свои «заветные» чаяния, за счет соседа, зарезанного им из-за полдесятины лишней «земельки»?» [3, с. 353] Именно они, зачастую одетые в форму офицеров бывшей российской армии, начали формирование воинских подразделений для открытой организованной борьбы с советской властью. Первые антибольшевистские военные отряды создавались исключительно на добровольной основе. Созданная на юге России в конце 1917 – начале 1918 гг. генералами Л. Г. Корниловым и М. В. Алексеевым антибольшевистская вооруженная сила так и называлась – Добровольческая армия, это название данная воинская часть сохранит до конца гражданской войны.

Как пишет в своих мемуарах генерал А. И. Деникин, «Алексеев, не переставший еще надеяться на перемену политической обстановки в Петрограде, с большим трудом согласился на уговоры окружавших его лиц – бросить безнадежное дело и, согласно намеченному ранее плану, ехать на Дон, в сопровождении своего адъютанта ротмистра Шапрона 2-ого ноября он прибыл в Новочеркасск и в тот же день приступил к организации вооруженной силы, которой суждено было судьбой играть столь значительную роль в истории русской смуты. Алексеев предполагал воспользоваться юго-восточным районом, в частности Доном, как богатой и обеспеченной собственными вооруженными силами базой, для того, чтобы собрать там оставшиеся стойкие элементы – офицеров, юнкеров, ударников, быть может, старых солдат и организовать из них армию для водворения порядка в России» [4, с. 158].

Несмотря на противодействие атамана Донского казачьего войска А. М. Каледина, не желавшего «дать приют русскому офицерству» на Дону, не обращая внимания на полное отсутствие денежных средств «Алексеев, – отмечает Деникин, – горячо взялся за дело: в Петрограде, в одно благотворительное общество послана была условная телеграмма об отправке в Новочеркасск офицеров, на Барочной улице *(в Новочеркасске – М. Н.)* помещение одного из лазаретов обращено в офицерское общежитие, ставшее колыбелью добровольчества, и вскоре получено было первое доброхотное пожертвование на «Алексеевскую организацию» – 400 руб. – это все, что в ноябре месяце *(1917 г. – М. Н.)* уделило русское общество своим защитникам» [4, с. 158].

Деникин пишет, «что было трогательно видеть и многим, быть может, казалось несколько смешным, как бывший верховный главнокомандующий *(Российской империи – М. Н.)*, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахара и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей. А они стекались – офицеры, юнкера, кадеты и очень немного старых солдат – сначала одиночно, потом целыми группами. Уходили из советских тюрем, из развалившихся войсковых частей, от большевистской «свободы» и самостийной нетерпимости *(Украина – М. Н.)*. Одним удавалось

прорываться легко и благополучно через большевистские загородительные кордоны, другие попадали в тюрьмы, заложниками в красноармейские части, иногда … в могилу» [4, с. 158–159].

В воспоминаниях генерала А. С. Лукомского отмечается, что формирование Добровольческой армии продвигалось медленно, ежедневно, в среднем в нее записывалось 75–80 добровольцев. Генерал подчеркивает, что «солдат было мало; больше всего записывались в армию офицеры, юнкера, студенты, кадеты и гимназисты старших классов». К концу декабря 1917 года – началу января 1918 года, сообщает Лукомский, был пополнен Корниловский полк, прибывший на Дон с Юго-Западного фронта, сформированы офицерский, юнкерский и георгиевский батальоны, 4 батареи артиллерии, инженерная рота, офицерский эскадрон и рота из гвардейских офицеров [8, т. 4, с. 144–146].

Создаваемая генералами Корниловым и Алексеевым армия пополнялась на добровольческих началах. Каждый доброволец давал подписку прослужить без отпуска минимум 4 месяца и беспрекословно подчиняться командованию. Скудные пожертвования давали возможность оплачивать службу добровольцев нищенскими окладами [4, с. 204]. «Сколько мужества, терпения и веры в свое дело должны были иметь те «безумцы», – писал Деникин, – которые шли в армию, не взирая на все тяжелейшие условия ее зарождения и существования» [4, с. 205].

Анализируя в своих воспоминаниях процесс комплектования Добровольческой армии, Деникин подчеркивал, что к ним шли все кто по настоящему разделял идею борьбы с большевизмом и был в состоянии вынести ее тяготы. Он писал: «Шли хорошие и плохие. Но 4 года войны и кошмар революции не прошли бесследно. Они обнажили людей от внешних культурных покровов и довели до высокого напряжения все их сильные и все их низменные стороны. Было бы лицемерием со стороны общества, испытавшего небывалое моральное падение, требовать от добровольцев аскетизма и высшей добродетели. Был подвиг, была и грязь. Героизм и жестокость. Сострадание и ненависть. Социальная терпимость и инстинкт классовой розни... Добровольцы были чужды политики, верны идее спасения страны, храбры в боях и преданы Корнилову. Впереди их ждало увечье, скитание, многих – смерть; победа представлялась тогда далеким будущим... Они были обо-

рваны, мерзли и голодали, видя, как беснуется и веселится богатейший Ростов, финансовая знать которого с большим трудом «пожертвовала» на армию два миллиона рублей, растворившихся быстро в бездонной ее нужде. Они встречали в обществе равнодушие, в народе вражду, в резолюциях революционных учреждений и социалистической печати злобу, клевету и поношение» [4, с. 208–209].

Первый период существования Добровольческой армии – до мая 1918 г. – был чисто добровольческим, – отмечает генерал Лукомский, – «в армии не было ни одного человека, который попал бы в ее ряды по набору или по принуждению. Надо было видеть все это юношество, составлявшее армию; юношество, горевшее любовью к родине, мечтавшее положить свою жизнь за ее возрождение и отомстить предателям и насильникам за разрушение России и за поруганные идеалы, чтобы понять всю моральную силу, которую они представляли» [8, т. 4, с. 151]. Даже по признанию советских историков, «белогвардейские армии на юге представляли серьезную опасность для Советской республики. Сформированные в основном из офицеров и зажиточных казаков, они были сильны своей выучкой, дисциплиной» [9, с. 250].

Деникин представил детальный анализ потенциальной социальной базы массового антибольшевистского добровольчества, верно отмечая катастрофическое ухудшение материального положения пролетариата, населения городов, которое испытывало гнет безработицы, постоянного недоедания, иногда голода, болезней и мора. Отсюда забастовки и даже отдельные антибольшевистские восстания рабочего класса в некоторых городах России. Аграрная политика большевиков, создание продовольственных отрядов и насильственное изъятие у крестьян запасов зерна вызвало упорное сопротивление сельского населения, проявившееся в сжатии крестьянского хозяйства до размера самообеспечения и в антибольшевистских выступлениях, которые возникали стихийно, неорганизованно, носили местный характер и жестоко подавлялись Красной гвардией. Что касается буржуазии, – писал Деникин, – то она «просто истреблялась» через конфискацию собственности, выселение из жилищ, через трудовые повинности, лишение свободы и просто казни, «буржуазия истреблялась как класс и как

среда, недоступная влиянию коммунистических идей, независимо от степени ее сопротивления» [4, с. 351–355].

Многим тогда казалось, что во всех слоях населения и во всех областях жизни имеются глубокие основания и стимулы для борьбы с большевистской властью. Один из документов 1918 года, приведенный Деникиным, сообщал, «что вся Совдепия представляет из себя котел с громадным внутренним давлением, и достаточно одного сильного удара в стенку, как произойдет неслыханный и невиданный в летописях истории взрыв, который, даже без внешнего воздействия, сметет с лица земли советскую власть» [4, с. 358]. Однако, – подчеркивает Деникин, – подобные прогнозы, а их было очень много, оказались неверными, «между тремя основными народными слоями – буржуазией, пролетариатом и крестьянством легли непримиримые противоречия в идеологии, в социальных и экономических взаимоотношениях, существовавшие всегда в потенции, углубленные революцией и обостренные разъединявшей политикой советской власти. Они лишили нас вернейшего залога успеха – единства народного фронта. Между тем в противобольшевистском стане все усилия... всех политических общественных организаций... были направлены не на преодоление этих противоречий, а на поиски «вернейшей» ориентации и «наилучших» форм государственного строя. Ни того, ни другого мы не нашли» [4, с. 358].

Тема ожидания скорого падения большевистской власти очень образно представлена в «Дневнике 1917–1918 гг.» И. Бунина: «Большинство слухов: Петроград взят генералом Гурко, Колчак под Москвой, немцы вот-вот будут в Одессе... Какая у всех свирепая жажда их погибели! Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им. Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга» [3, с. 99].

Особое значение в развязывании гражданской войны имела добровольно выбранная позиция российского офицерства, которое, по словам Деникина, «стояло на распутье». Действительно, многие высшие генералы перешли на службу к большевикам, рассуждая о «моральной допустимости служения народу при всяком правительстве». Антибольшевистский Правый центр призывал офицеров спасать монархию, Б. Савинков – защищать Родину и

свободу, Союз Возрождения – спасать революцию и Родину, социалисты-революционеры – защищать Учредительное собрание, украинский гетман – защищать независимую Украину, В. Шульгин звал на Дон в Добровольческую армию, наконец, генералы Веселовский и Долгоруков, устроившись уютно в германской оккупационной зоне, призывали общество «помочь офицерам пережить невзгоды революционного времени и оберечь офицеров, жаждущих подвига на благо Родины, от втягивания их... во все возможные авантюры под ложными лозунгами спасения отечества». Деникин делает вывод, что «среди всех этих расходящихся путей к спасению страны русское офицерство в конец заблудилось» [4, с. 467].

В мае 1918 г. для большинства солдат и офицеров Добровольческой армии истек первый обязательный 4-месячный срок службы. По мнению Деникина, «для многих это был только повод нравственного обоснования своего ухода, для некоторых – действительно мучительный вопрос совести», моральная и физическая усталость солдат и офицеров Добровольческой армии достигла предела, «кризис в армии принял глубокие и опасные формы» [4, с. 525].

Обострился вопрос о мотивах участия каждого добровольца в гражданской войне. Лозунг «Великая единая неделимая Россия» принимали все добровольцы, – писал Деникин, – однако дело осложнялось тем, что «большинство командного состава и офицерства были монархистами» [4, с. 525]. В мае-июне 1918 г. многие офицеры настаивали на немедленном официальном признании лозунга восстановления монархии как главного объединяющего для всех антибольшевистских сил. Генерал Лукомский в письме Деникину утверждал, «что все партии, кроме социалистических, видят единственной приемлемой формой конституционную монархию. Большинство отрицает возможность созыва нового Учредительного собрания, а те, кто допускают, считают, что членами такового могут быть допущены лишь цензовые элементы» [4, с. 527].

Деникин пишет, что в тот момент руководство Добровольческой армии не могло пойти на встречу пожеланиям большинства офицеров, так как оно рисковало полным разрывом с народом, тогда не только не склонным принятию монархической идеи, но даже прямо

враждебным ей [4, с. 528]. На специально созванном собрании всех командиров Добровольческой армии Деникин высказал свое мнение по данному вопросу: «Наша единственная задача – борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междуусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас? … Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход – вера в своих руководителей. Кто верит нам – пойдет с нами, кто не верит – оставит армию. Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию» [4, с. 528–529].

В мае 1918 г. Деникин с ведома генерала Алексеева разослал во все подразделения Добровольческой армии документ, в котором была изложена его позиция по отношению к возникшей проблеме. Документ гласил: «I. Добровольческая армия борется за спасение России путем: 1) создания сильной дисциплинированной и патриотической армии; 2) беспощадной борьбы с большевизмом; 3) установления в стране единства государственного и правового порядка. II. Стремясь к совместной работе со всеми русскими людьми, государственно-мыслящими, Добровольческая армия не может принять партийной окраски. III. Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа, после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства. IV. Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками. Единственно приемлемые положения: уход из пределов России первых и разоружение и сдача вторых» [4, с. 526–527].

Через 18 месяцев, осенью 1919 года, выступая перед руководством казачьих войск в Екатеринодаре, Деникин вновь коснулся этого вопроса. Он сказал: «Я работаю над освобождением России. Форма правления для меня вопрос второстепенный. И если когда-либо будет борьба за форму правления – я в ней участвовать не буду. Но, нисколько не насилуя совесть, я считаю одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский в массе желает той или иной власти. И поверьте, все ваши предрешения праздны.

Народ сам скажет, что он хочет. И скажет с такой силою и с таким единодушием, что всем нам – большим и малым законодателям – придется только поклониться перед его державной волей» [4, с. 529]. Честно и откровенно высказанная позиция Деникина была услышана большинством офицеров и как он подчеркивает, идея непредрешения формы государственного устройства России поддерживалась в Добровольческой армии до самого конца [4, с. 530].

Деникин утверждает, что офицерство мало интересовалось политикой и борьбой классов, что в основной массе оно являлось элементом число служилым, типичным «интеллигентским пролетариатом», но будучи тесно связанным с русской историей крепкими военными традициями представляло из себя «элемент охранительный» [5, с. 298].

В самый острый период кризиса Добровольческой армии в мае 1918 года, когда под формальным предлогом окончания 4-месячного участия в боевых действиях начался отлив солдат и офицеров, Деникин приказал уволить всех желающих в трехнедельный отпуск и он оказался прав: «Приобщившись на время к вольной, мирной жизни, они бросили ее вновь и вернулись в свои полки и батареи для неизвестного будущего, для кровавых боев, несущих с собою новые страдания, быть может, смерть. Добровольческая армия сохранилась» [4, с. 544].

Деникин отмечает, что мотивы «белого» добровольчества были самыми разными, в его армии «были и герои, наполнившие эпическим содержанием летопись борьбы; и мученики, оросившие ее страницы своей кровью; и люди, пришедшие без подъема, без увлечения, но считавшие необходимым исполнить свой долг; и загнанные туда нуждой или просто стадным чувством; были профессионалы войны, ищущие применения своему ремеслу; были исковерканные жизнью, которые шли, чтобы мстить, и потерявшие совесть, чтобы разбойничать и грабить. Наконец, была еще рыхлая, безличная среда вольных и подневольных людей, попавших охотою, по мобилизации, случайно, по своей или чужой ошибке; их психология менялась диаметрально при колебаниях боевого счастья» [4, с. 594].

К осени 1918 года название «Добровольческая армия» использовалось уже скорее по традиции, так как со 2 августа регулярные части начали пополняться и комплектоваться на основе всеобщей

мобилизации мужчин призывных возрастов. Тем не менее, осенью 1918 года руководство Добровольческой армии все еще было формально связано в отношении первых добровольцев 4-х месячным «контрактом». Первый «контракт» заканчивался в мае, второй – в сентябре, третий – в декабре. Осенью 1918 года Деникин принял решение покончить с этим пережитком первых месяцев добровольчества, 7 декабря он подписал приказ об отмене 4-х месячных сроков службы, которая стала окончательно общеобязательной. «Итак, – резюмировал Деникин, – с конца 1918 г. институт добровольчества окончательно уходил в область истории» [5, с. 119].

С переходом на мобилизационную основу комплектования воинских частей состав Добровольческой армии становился все более пестрым, шел поток новых офицерских пополнений. «Многие, – подчеркивал Деникин, – шли по убеждению, но еще больше по принуждению» [5, с. 128]. В «Дневнике обывателя А. В.» за период с 26.07.1918 по 04.04.1919 гг., опубликованного И. В. Гессеном в сборнике «Архив русской революции», приводится достаточно редкий исторический источник – свидетельство рядового участника белого движения, попавшего под мобилизацию: «19 ноября. Сегодня в газетах появился приказ о мобилизации. Ну что-ж. Я готов. В 10 часов пошел в Комендатуру, теперь уже русскую, и записался, а от комиссии медицинской отказался. Послужить за Россию я согласен, но только не за старо-реакционную; если увижу, что дело будет клониться к тому, то до свидания… 23 ноября. С интересом прочел я вывешенную сегодня декларацию генерала Деникина о целях Добровольческой армии. Теперь я могу быть вполне спокоен, так как дело к восстановлению старого режима не вернется. После разгона большевиков будет созвано Народное Собрание, которое выберет наилучшую форму правления. Я лично стою за Федеративную Демократическую Республику, наподобие Северо-Американских Штатов. По моему этот образ правления всех больше подходит России. Ведь монархия в России уже чересчур скомпрометирована, и приведет лишь к дальнейшим волнениям. 24 ноября. Сегодня в газетах вдруг сюрприз, гласящий, что прошедшая дня четыре назад мобилизация необязательна, и что, кто не хочет, может возвращаться по домам. Многие ушли, но я решился остаться и служить дальше идее объ-

единения России и избавлению от большевиков, как Доброволец» [1, Т. 4, с. 260].

Летом и осенью 1919 г. войска под командованием Деникина провели ряд успешных наступательных операций. Белогвардейское руководство ожидало, что освобождение огромных областей от большевиков должно было вызвать всенародный подъем, восстание всех элементов, враждебных советской власти, моральное укрепление белогвардейских армий. Вопрос заключался в том, – писал Деникин, – «пойдет ли народ с нами или по-прежнему останется инертным и пассивным между двумя набегающим волнами, между двумя смертельно-враждебными станами. В силу целого ряда сложных причин, и стихийных и от нас зависевших, жизнь дала ответ сначала нерешительный, потом отрицательный» [5, с. 500].

Генерал П. Н. Краснов, атаман Войска Донского критически оценивал деятельность Деникина на посту главнокомандующего вооруженными силами Югом России. Он считал, что Деникин придавал борьбе с большевиками классовый, а не народный характер, «боролись добровольцы и офицеры, то есть – господа, буржуи против крестьян и рабочих, пролетариата, и конечно за крестьянами стоял народ, стояла сила, за офицерами только доблесть… и сила должна была сломить доблесть» [7, Т. 5, с. 279].

Массовое «белое» добровольчество стало важным фактором развязывания гражданской войны в России. Молодые идеалисты – офицеры, юнкера, кадеты, гимназисты старших классов взяли в руки оружие, чтобы свергнуть большевиков и восстановить традиционную российскую государственность. В числе мотивов других добровольцев – чувство долга, чувство мести, нужда и стадное чувство, корысть, желание найти применение профессиональным военным навыкам. Вожди белого движения не смогли найти идеи, объединяющей добровольцев с народом, именно поэтому они потерпели поражение в гражданской войне.

Литература

1. Архив русской революции. В 22 т. Т. 3–4. – М.: «Терра»: Политиздат, 1991.

2. Архив русской революции. В 22 т. Т. 5–6. – М.: «Терра»: Политиздат, 1991.

3. Бунин Иван. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи [Текст]. – М. : Изд-во «Советский писатель», 1990.

4. Деникин, А. И. Очерки русской смуты. [В 3 кн.] Кн. 2, т. 2. Борьба генерала Корнилова; т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии [Текст] / А. И. Деникин. – М. : Айрис-пресс, 2006.

5. Деникин, А. И. Очерки русской смуты. [В 3 кн.] Кн. 3, т. 4, т. 5. Вооруженные силы Юга России [Текст] / А. И. Деникин. – М. : Айрис-пресс, 2006.

6. Кара-Мурза, С. Г. Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2003.

7. Краснов, П. Н. Всевеликое Войско Донское – П. Н. Краснова [Текст] / Архив русской революции. В 22 т. Т. 5–6. – М. : «Терра»: Политиздат, 1991. – С. 191–321.

8. Лукомский, А. Из воспоминаний – ген. А. Лукомского [Текст] / А. Лукомский // Архив русской революции. В 22 т. Т. 5–6. – М. : «Терра»: Политиздат, 1991. – С. 101–190.

9. История гражданской войны в СССР. Т. 3. – М. : Госполитиздат, 1957.

Глава 6. Мотивы массового «красного» международного добровольчества в испанской гражданской войне

Гражданская война – массовая вооруженная борьба между гражданами одного и того же государства, имеющая значительную временную и географическую протяженность, как правило, возникает на рубеже эпох [9, с. 91–97], способствуя разрешению антагонистических социально-политических, религиозных противоречий, вовлекая в ход борьбы на начальном этапе на добровольческих началах наиболее активную часть граждан данной страны, а также граждан других государств. Почему эти люди берут в руки оружие, что заставляет их рисковать собственной жизнью, благополучием своей семьи, каковы мотивы их участия в конкретной гражданской войне – гражданской войне в Испании 1936–1939 гг.? Ответам на эти вопросы и посвящена данная глава.

Возникнув как чисто внутренний конфликт между сторонниками «традиционной» и «новой» Испании, гражданская война 1936–1939 гг. стремительно интернационализировалась, приобретая общеевропейское и даже общемировое значение как конфликт между демократией и фашизмом. Испанская республика, будучи буржуазно-демократической, тем не менее, из-за участия в антифашистской борьбе СССР и Коминтерна, квалифицировалась ее противниками как «красная» по аналогии с большевистской Советской Россией, соответственно, все иностранные добровольцы, независимо от их политических убеждений, также считались «красными».

Происхождение идеи о создании добровольческих воинских частей из иностранцев на территории Испанской республики остается неясным, но появилась она одновременно с первыми призывами об оказании республике интернациональной помощи. Первое воинское подразделение – центурия «Тельман» из иностранных добровольцев возникло стихийно, вскоре после начала мятежа, в центурию записались спортсмены из разных стран, прибывшие в Барселону для участия в Народной Олимпиаде. Массовое и стихийное добровольческое движение возникло во Франции, прежде всего, в силу географического фактора. Десятки французов и эмигрантов, принадлежавших к различным социальным группам и партиям, легально и нелегально пересекали фран-

ко-испанскую границу, создавали небольшие вооруженные отряды для борьбы с мятежниками [13, с. 128–129].

Первые немецкие антифашисты прибыли в Испанию сразу после начала мятежа и приняли участие в сражениях под Ируном и на Арагонском фронте. 30 августа 1936 г., по инициативе коммуниста Ганса Баймлера 70 немецких антифашистов под звуки «Интернационала» направились из Барселоны на фронт. В первой же окопной стенгазете они обозначили мотивы своего участия в испанской гражданской войне: «Наша часть – это боевой отряд германского Народного фронта. В ее составе сражаются коммунисты, социал-демократы и беспартийные. У все нас одна великая цель, за которую борются все, без различия партийной принадлежности, – разгромить фашизм» [6, с. 199].

В августе-сентябре 1936 г. коммунистические партии Германии, Италии, Франции и других стран взяли на себя организационную сторону добровольческого движения [18, с. 289]. Только 18 сентября 1936 г., после того как Сталин принял судьбоносное для Испанской республики решение о поставках оружия, Коминтерн одобрил резолюцию о «компании поддержки борьбы испанского народа», пункт 7 который гласил: «Перейти к вербовке добровольцев с военным опытом из трудящихся всех стран с целью отправки их в Испанию» [1, с. 263]. Центром вербовки добровольцев Коминтерн выбрал Париж, вся организационная работа была возложена на руководителей французской и итальянской коммунистических партий. Добровольцы из стран Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы пробирались сюда тайными тропами, британские, американские и канадские добровольцы – на пароходах через Ла-Манш и Атлантический океан по экскурсионным билетам. В Париже из них организовывали группы для переправки в Испанию. Основных маршрутов было два: в Марсель, за тем на судах до Барселоны или Валенсии, или на поезде до Перпиньяна, а затем нелегально пешком через франко-испанскую границу [1, с. 268–269; 27, с. 310; 30; 32; 33; 35; 37].

Из добровольцев в Испании представителями Коминтерна были сформированы шесть бригад и ряд других подразделений. Они были созданы как ударные части республиканской Народной армии. Не было ни одной крупной наступательной или оборонительной операции Народной армии в 1936–1938 годах, в которых

бы не принимали участие иностранные добровольцы. Свой боевой путь они начали 9 ноября 1936 г. в самый критический момент битвы за Мадрид и закончили в сентябре 1938 года [18, с. 288]. За годы гражданской войны через интернациональные бригады прошло более 40 тысяч добровольцев из 54 стран (Наиболее точные, но не окончательные, цифры по странам: Франция: 8 962, Польша: 3 113, Италия: 3 002, США: 2 341, Германия: 2 217, Балканские страны: 2 095, Великобритания: 1 843, Бельгия: 1 722, Чехословакия: 1 066, страны Прибалтики: 892, Австрия: 872, Скандинавские страны: 799, Нидерланды: 628, Венгрия: 528, Канада: 512, Швейцария: 408, Португалия: 134 и т. д. [1, с. 264–265]), причем чуть более половины из них состояли в рядах коммунистических партий, около 10 % принадлежали социал-демократическим партиям и антифашистским организациям, остальные были беспартийными [16, с. 45].

Что касается их социального статуса, то как пишет Э. Бивор, «80 процентов британских добровольцев были рабочими, занимавшимися физическим трудом, либо уволившимися, либо безработными… Одни рады были сбежать от бездействия и безработицы, у других за спиной были уличные бои с фашистами Мосли, как и у их французских товарищей, дравшихся с «Аксьон Франсез» и с «Огненными крестами» [1, с. 266]. У них редко брали интервью журналисты, о них мало писали, да и сами они не стремились к публичности. «С фотографий, – пишет Э. Бивор, – на нас глядят бритые застенчивые люди, с короткими стрижками, комкающие в руках кепки» [1, с. 266].

В числе добровольцев было много представителей среднего класса западных стран, включая левых интеллектуалов – поэтов, писателей, художников, журналистов и т. д. Благодаря их креативности и способности рефлексировать в медийном пространстве, мы гораздо больше информированы о мотивах их добровольчества, об их боевом пути, иногда гибели, об их послевоенной судьбе, чем о представителях рабочего класса [38].

Можно предположить с большой долей вероятности, что из 40 тыс. добровольцев не более одной тысячи попали в поле зрения журналистов и писателей или опубликовали воспоминания о своем участии в испанской войне и совсем немногие из них предста-

вили на всеобщее обозрение истинные мотивы, приведшие их в Испанию.

Коминтерн, будучи организатором добровольческого движения в Испании, стремился к тому, чтобы представить это движение как яркое проявление пролетарского интернационализма, считая стремление к солидарности главным мотивом участия добровольцев в испанской войне.

Гарри Поллит, лидер британских коммунистов, выступая в Лондоне на митинге, посвященном памяти погибшего в Испании журналиста, писателя, коммуниста Ральфа Фокса, подчеркивал: «Сбылась мечта Маркса и Энгельса – мечта, окрылявшая их, когда они создавали I интернационал, – о том, что настанет день, когда возникнет единая мировая партия, которая сможет мобилизовать лучших людей в каждой стране на помощь товарищам в других странах, ведущим борьбу со смертельным врагом. Товарищи, интернациональная бригада, покрывшая себя таким почетом и славой в Испании, – это подлинная международная армия» [22, с. 83].

Приверженность пролетарскому интернационализму как мотив добровольчества часто сочетался с антифашистскими убеждениями представителей рабочего класса. Так, немецкий доброволец Ханс Маассен отмечал в своих воспоминаниях, что «одни, как я – таких было большинство бросились на помощь Испанской республике из чувства пролетарской солидарности, движимые антифашистскими убеждениями, другие – из любви к демократии и свободе, третьи – побуждаемые религиозными чувствами» [14, с. 67].

Большинство добровольцев верно квалифицировали гражданскую войну в Испании как вооруженную схватку сторонников демократии и адептов фашизма, отсюда наиболее часто повторяющимся мотивом добровольчества было стремление принять личное участие в этой антифашистской войне.

В письме британского добровольца Альберта Паркера своей девятилетней дочери подчеркивается: «Из всех стран мира рабочие люди, подобно мне, прибыли в Испанию, чтобы преградить здесь путь фашизму. Здесь можно встретить французов, немцев, итальянцев и англичан, рабочих людей, борющихся бок о бок с испанскими рабочими. Наша цель – преградить дорогу фашизму, ибо, выиграй он здесь войну, он продвинется вперед и в Англии. Таким образом, хотя нас с тобой разделяет много миль, я борюсь с

целью оградить от фашизма тебя и всех детей в Англии, а также трудящихся всего мира» [21, с. 91].

В ходе своей пятой поездки в Испанию Поллит встретил лейтенанта Вильяма Грегори из комсомольской организации Ноттингема, только что оправившегося после очередного ранения. На вопрос, что его привело в Испанию, Вильям ответил: «Я был служащим. Я ненавидел фашизм, я чертовски хотел схватиться с ним. Поэтому я приехал сюда» [24, с. 99].

Во время очередной поездки в Испанию Поллит встретил «старого канадского товарища по имени Вильямсон», 58 лет, который был тяжело ранен в предыдущих боях и в тот момент быстро шел на поправку. В ответ на предложение продолжить лечение до полной реабилитации Вильямсон заявил: «Я хочу вернуться назад на фронт и продолжить то дело, из-за которого я приехал сюда, я должен задать перцу фашистам» [23, с. 64].

В доме для выздоравливающих Поллит встретил еще одного британского добровольца Джорджа Уоткинса, проходившего реабилитацию после тяжелого ранения. Будучи шестнадцатилетним подростком, он заявил, что ему 22, чтобы поехать в Испанию. На вопрос, не слишком ли он молод для участия в вооруженной борьбе, Уоткинс ответил: «Да, но я решил поехать сюда бороться с фашизмом и это мне удалось» [23, с. 65].

Тот факт, что антифашистские убеждения были главным мотивом добровольчества, подтверждается материалами интервью британских добровольцев М. Левине, С. Уайлда, Дж. Брауна, Дж. Лиссена, Дж. Пита, Д. Гумена, представленных в книге «Дорога в Испанию. Антифашисты в войне 1936–1939 гг.». Один из них, С. Уайлд подчеркивал: «Я должен был что-то сделать, чтобы остановить фашизм, поэтому, когда в Испании вспыхнула война и началось формирование интернациональных бригад, я решил, что мое место там» [36, с. 24]. Такого же мнения придерживается американский доброволец Э. Ошерофф: «В 1937 году я поехал в Испанию сражаться, будучи уверен, что если мы не остановим фашизм там, в Испании, это приведет к катастрофе» [10].

В сборнике документов «Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны» приведена подборка писем добровольцев из разных стран. Вот выдержки из них: «Я уезжаю в Испанию, чтобы бороться в рес-

публиканских войсках против фашизма» (письмо швейцарского рабочего); «Мы находимся здесь не из каких-либо эгоистических соображений, а для того, чтобы помочь испанскому народу и всем миролюбивым передовым силам победить фашизм» (письмо скандинавских добровольцев); «Я прибыл в Испанию для того, чтобы помочь героическому народу разгромить фашистское зверье» (письмо американского студента) [15, с. 473–493].

Для многих добровольцев из стран с фашистскими и авторитарными режимами главным мотивом участия в испанской войне была борьба за свободу и демократию. Польский доброволец Антон Коранек, помощник командира интернациональной бригады в разговоре с испанскими крестьянами, которые вообще никогда и ничего не слышали о поляках, на вопрос, почему поляки здесь, в Испании, ответил: «Мы знаем, что вы тут боретесь за свободу и приехали вам помочь» [3, с. 77]. Польские добровольцы из числа эмигрантов-горняков во Франции, в их письме 15 подписей, также заявили о своем намерении сражаться за свободу: «Мы, польские горняки, решили сменить кирки на винтовки для борьбы с фашизмом. Мы едем в Испанию с уверенностью, что Испанская республика должна победить. Мы не хотим оставаться бездеятельными в этой великой борьбе за свободу» [3, с. 79].

Еще одно коллективное письмо-призыв польских добровольцев к своим согражданам: «Товарищи! Мы единодушно заявляем, что мы не одурачены никакими агентами, что мы поехали в Испанию по собственному желанию и полностью сознавали, с какой целью едем. Товарищи! Мы, польские добровольцы, без различия политических убеждений призываем вас: Откройте глаза, подайте мозолистую братскую руку испанскому народу! Нельзя медлить ни одной минуты, так как здесь, под Мадридом, где находимся и мы, польские добровольцы международный фашизм должен найти свою могилу» [3, с. 79].

В апреле 1937 года польские добровольцы из интернациональной бригады им. Домбровского направили воззвание рабочим и крестьянам, всем трудящимся, всем демократам Польши: «Мы, сыны польского народа: людовцы, коммунисты, социалисты, католики и беспартийные, рабочие и крестьяне, из Польши и польской эмиграции – прибыли сюда, следуя пути польских демокра-

тов… На земле Испанской республики мы подняли наше знамя борьбы «За нашу и вашу свободу» [29, с. 82].

Доброволец хорватской национальности в интервью югославской газете, издаваемой в Чикаго, заявил: «Я всегда был большим сторонником республики и гражданских свобод, а в особенности сочувствовал каталонцам и баскам. Их судьба мне всегда казалась похожей на судьбу хорватов и словен. И они были долго угнетаемы монархией и диктатурой, как и мы, хорваты… В Испании идет борьба не только за свободу Каталонии и басков, но также и за национальное освобождение хорватского народа. Если фашизм победит в Испании, он укрепится и в Югославии» [2, с. 65].

Одним из мотивов добровольчества были и религиозные убеждения. Ирландский доброволец М. Келли пишет в своем письме: «Мы здесь известны под именем отряда Джемса Конолли. Мы на 75% католики и горды тем, что боремся, а если нужно, умираем в борьбе против Франко и его фашистских союзников… Я не член компартии, я только антифашистский борец. Но на основании того, что я видел здесь, в Испании, я скажу без колебания, что товарищи коммунисты – вместе с другими революционерами, которых я вижу здесь, на стороне правительства, – единственные истинные христиане в Испании» [21, с. 88].

Мотивы добровольчества стали одним из аспектов информационной войны сторонников и противников Испанской республики. Последние пытались представить дело таким образом, что добровольцы, якобы, были обычными наемниками и поехали в Испанию ради больших денег. Коммунисты, якобы, по словам директора ФБР Гувера, обещали добровольцам «золотые горы». Это была откровенная ложь, которая вызывала возмущение добровольцев. В борьбе с этой клеветой в среде левых англо-саксонских добровольцев-интеллектуалов появилось сравнение движения интернациональных бригад с крестовыми походами средневековья, имея ввиду мотив бескорыстия и чистого идеализма как главный и в том, и в другом случае.

Британский доброволец-интеллектуал Дж. Гэрни, получивший тяжелое ранение в Испании, написал книгу воспоминаний под характерным названием – «Крестовый поход в Испании». Автор подчеркивал, что добровольцы не получали ни денег, ни наград, кроме удовлетворения от своего идеализма. По его мнению, доб-

ровольческое движение можно сравнить лишь с крестовыми походами, хотя здесь, в Испании, у добровольцев были более высокие мотивы. «Крестовый поход, – подчеркивал Гэрни, – направлялся против фашистов, которые являлись для нашего поколения сарацинами» [31, p. 18].

С Гэрни солидарны добровольцы англо-ирландского батальона, написавшие коллективное письмо в газету «Дейли Уоркер», адресованное общественности Великобритании и Ирландии: «Мы пришли сюда по нашей собственной воле, зрело обдумав все последствия этого шага. Мы здесь в Испании не ради денег, а исключительно для того, чтобы помочь героическому испанскому народу защитить свободу и демократию своей страны» [21, с. 86].

Группа добровольцев из Чехословакии, Германии и Австрии, всего около 20 человек, написали аналогичное письмо в чехословацкую газету «Роте фане», в котором с возмущением отвергли клевету правых о, якобы, их меркантильных интересах в Испании: «Мы явились в Испанию не для того, чтобы получать деньги. Мы убеждены в том, что защита испанской демократии означает в то же время защиту чехословацкой демократии» [21, с. 89].

Мотив чистого идеализма просматривается в письме добровольца из Ливерпуля своей жене, в котором он пишет, что «при виде ужасающей бедности здешнего народа я более чем когда-нибудь убедился в том, что правильно поступил, присоединившись к добровольцам» [21, с. 87].

Об этом же повествует пример еврейской семьи из Палестины. Получив весть о гибели в Испании своего сына Исаака Иоффе, отец Исаака сказал второму сыну Соломону следующие слова: «Соломон, теперь ты должен будешь поехать, чтобы заменить твоего брата. Ведь там одним бойцом стало меньше. Пока война не окончена, никто не должен оставаться в стороне» [8, с. 179].

Среди других мотивов добровольчества, не имевших массового характера, называются расчеты некоторых добровольцев коммунистов в случае успеха в Испании сделать карьеру в своих компартиях [30, p. 4–5], многие, якобы, становились добровольцами, потому что были безработными и имели хорошую военную подготовку [36, p. 143], другие, якобы, были плохо приспособлены к традиционному обществу и решали в Испании свои личные проблемы [36, p. IX].

По мнению Бивора, англо-саксонские интеллектуалы романтизировали испанский рабочий класс, считая его совсем другим, более чистым, отличным от собственного, и поэтому испанский конфликт манил их предвкушением новых эмоций, отличных от «затхлой домашней банальности», возможностью искупить остро ощущаемую перед рабочим классом вину за свою привилегированность и материальное благополучие. В то же время, по мнению Бивора, «хватало, наверное, среди добровольцев и тех, кто подался в Испанию за острыми ощущениями, но это не дает права сомневаться в бескорыстности мотивов интербригадовцев. Они видели в фашизме мировую угрозу, а в интербригадах – лучший способ борьбы с ним. Испания воспринималась как поле сражения, на котором решается судьба будущего» [1, с. 268].

Английский писатель Эрик Блэр, известный нам под псевдонимом Джордж Оруэлл, типичный средний англичанин «по происхождению, социальной психологии, коренным верованиям, даже по художественным вкусам», левый интеллектуал и антифашист по убеждениям, добровольцем уехал в Испанию и в течение нескольких месяцев, до получения тяжелого ранения, сражался в рядах 29-й дивизии, сформированной испанской левой коммунистической партией – ПОУМ. В книге «Памяти Каталонии», написанной после возвращения в Англию, Оруэлл с позиции участника событий, рассказывает об одной из самых мрачных страниц истории гражданской войны – об уничтожении ПОУМ, поддерживавшей контакты с Троцким и тем самым вызвавшей гнев Сталина. В центре повествования не только судьба самого Оруэлла и его жены, но и еще одного добровольца из Бельгии – Жоржа Коппа, проделавшего путь от рядового бойца до майора 29-й дивизии и исчезнувшего в одной из секретных тюрем НКВД.

Говоря о мотивах его участия в гражданской войне Оруэлл подчеркивал: «Этот человек принес в жертву все: семью, гражданство, средства к существованию – единственно ради того, чтобы поехать в Испанию сражаться с фашизмом. Поскольку из Бельгии он выехал без разрешения и к тому же, будучи резервистом бельгийской армии, поступил на службу в иностранную армию, а еще до этого был причастен к нелегальному изготовлению боеприпасов для испанского правительства, на родине его ждало,

если бы он туда вернулся, несколько лет тюремного заключения» [19, с. 381].

Эрнест Хемингуэй выехал в Испанию в качестве корреспондента одного американского газетного агентства. На вопрос о мотивах поездки он ответил, что попытается так изобразить войну, «чтобы все увидели и возненавидели ее в такой же степени, в какой ее может ненавидеть очевидец» [30, с. 232]. Как только Хемингуэй понял природу фашизма, он захотел обрушится на него всей силой, отдав этому делу и свою популярность, и свои деньги. В речи на II Конгрессе писателей в Нью-Йорке он сказал: «Фашизм – это ложь… когда фашизм отойдет в прошлое, у него не будет никакой истории, кроме кровавой истории убийств» [11].

Герой романа Хемингуэя «По ком звонит колокол» Роберт Джордан, университетский преподаватель, собирательный образ американского добровольца в Испании очень просто объясняет мотивы своего участия в гражданской войне, на вопрос «Ты коммунист?» он отвечает – «Нет, я антифашист. – С каких пор? – С тех пор как я понял, что такое фашизм» [26, с. 151]. В диалоге со своим «Я» Роберт Джордан подчеркивает: «Ты не настоящий марксист, и ты это знаешь. Ты просто веришь в Свободу, Равенство и Братство. Ты веришь в Жизнь, Свободу и Право на Счастье. И не вдавайся в диалектику» [26, с. 384].

Левые интеллектуалы сражались с фашизмом в Испании не только с помощью винтовки, но и подобно Хемингуэю писательским, журналистским пером. Британский журналист Артур Кестлер, ставший впоследствии известным писателем, был приговорен франкистами к смертной казни за то, что, исходя из антифашистских убеждений, он добросовестно исполнял свои обязанности, не скрывая от читателей страшной правды о преступлениях фашистов в Испании. Он провел несколько месяцев во франкистской тюрьме, ожидая смертного приговора, и лишь благодаря энергичным протестам демократической общественности и британского правительства его обменяли на пленного фашиста [5, с. 409].

В тюрьме А. Кестлер написал книгу «Испанское завещание», состоящую из двух частей – правды о гражданской войне и рефлексии тюремной жизни. По словам Лиона Фейхтвангера, «читая эту книгу, написанную в тюрьме, ощущаешь воздух, атмосферу испанской войны в гораздо большей степени, чем при чтении

многих отчетов, написанных на свободе… Книга рассказывает об испанских событиях и об участии автора в борьбе испанского народа» [7, с. 251].

Популярный во Франции журнал «Эроб», в состав редакционной коллегии которого входили Ромэн Роллан, Луи Арагон, Жан Кассу, Ж.-Р. Блок и др., опубликовал статью Кассу под названием «Объединить», в которой автор пишет: «Мы стремимся к защите Испании. Действенная солидарность связывает нас между собой. Фашизм хочет ввергнуть в пропасть наши надежды, помешать осуществлению наших планов. Тем более необходима бдительность. Фашизм вынуждает нас делать выбор между волей к единству и отчаянием. Мы хотим единства» [4, с. 250–251].

Добровольческое движение в Испании носило массовый характер. Зачастую прибывавшие нелегально из других стран добровольцы не имели рекомендаций и документов, установить их происхождение было чрезвычайно трудно. Не удивительно, что в этом большом деле присутствовали мотивы авантюризма и мародерства. Интересным феноменом также стало лжедобровольчество, отраженное в рассказе писательницы Марии Остин.

Сюжет рассказа таков: «Он», чтобы создать себе репутацию героического человека, едет, якобы, в Испанию, но не доезжая до границы, выходит из поезда и целый месяц живет в глухой деревушке, развлекаясь любовным романом с крестьянской девушкой. Затем «он» возвращается в Париж, многозначительно молчит и, наконец, с чужих слов пишет блестящий очерк об Испании. Как сказано в послесловии, «рассказ Марии Остин разоблачает тех псевдодрузей испанской демократии, которые под маской «любви» к героическому испанскому народу стремятся устраивать свои личные дела» [12].

Подводя итог исследованию необходимо еще раз подчеркнуть, что добровольческое движение в поддержку Испанской республики возникло стихийно. В силу объективных причин в тот период возглавить его мог только Коммунистический Интернационал. Коминтерну удалось из разноплеменной, политически неоднородной и многоконфессиональной массы добровольцев создать боеспособные воинские части, которые сыграли определенную военную роль, но гораздо серьезнее было их морально-

психологическое значение [20, с. 324–390]. У добровольцев были разные мотивы, побуждавшие их оставить родных и близких в своих странах и взять в руки оружие. Сохранившиеся источники в виде опубликованных писем, интервью, воспоминаний, журналистской и писательской рефлексии свидетельствуют, что для добровольцев-коммунистов важное значение имело чувство пролетарского интернационализма, для добровольцев другой политической ориентации главным мотивом было желание уничтожить фашизм в Испании, не допустить его распространения в их родные страны. Многие приехали отстаивать идеалы свободы и демократии. Для некоторых добровольцев-интеллектуалов были характерны в числе дополнительных мотивов психологическая несовместимость с традиционным западным обществом, предвкушение новых эмоций и острых ощущений в романтизируемой ими Испании, чувство вины перед рабочим классом за собственную привилегированность и материальное благополучие. Чистый идеализм большинства добровольцев, именуемый «крестовым походом левых», был в незначительной степени разбавлен авантюризмом и меркантилизмом.

Литература

1. Бивор, Э. Гражданская война в Испании 1936–1939 [Текст] / Э. Бивор ; перевод с англ. А. Кабалкина. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018.

2. Движение солидарности в помощи испанскому народу // Коммунистический Интернационал. – 1937. – №2. – С. 61–67.

3. Из писем польских бойцов интернациональной бригады // Коммунистический Интернационал. – 1937. – №1. – С. 77–79.

4. Интернациональная литература. – 1937. – №5.

5. Интернациональная литература. – 1938. – №2–3.

6. Интернациональная литература. – 1938. – №4.

7. Интернациональная литература. – 1938. – №5.

8. Интернациональная литература. – 1938. – №10.

9. Коды массовой культуры: российский дискурс [Текст] : коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015.

10. Комсомольская правда. – 1975. – 15 января.

11. Литературная газета. – 1938. – 15 февраля.

12. Литературная газета. – 1938. – 26 сентября.

13. Малай, В. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа: международные аспекты конфликта [Текст] / В. В. Малай. – М. : Наука, 2011.

14. Маассен, Х. Сыновья Чапаева [Текст] / Х. Мааччен ; пер. с нем. – М. : Прогресс, 1966.

15. Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933–1937). – М. : Советская Россия, 1961.

16. Мещеряков, М. Т. Интернациональные бригады в Испании [Текст] / М. Т. Мещеряков // Новая и новейшая история. – 1979. – №4. – С. 37–54.

17. Мещеряков, М. Т. Судьба интербригад в свете новых документов [Текст] / М. Т. Мещеряков // Новая и новейшая история. – 1993. – №5. – С. 18–41.

18. Новиков, М. В. СССР, Коминтерна и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. [Текст] : монография / М. В. Новиков. – 2-е изд., испр. и доп. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2007.

19. Оруэлл, Дж. Скотный двор. 1984. Памяти Каталонии. Эссе: Сб. [Текст] / Дж. Оруэлл ; пер. с англ. – М. : НФ «Пушкинская библиотека» : ООО «Изд-во АСТ», 2003.

20. Отчет М. Фреда о работе в Испании. 14 декабря 1937 г. / Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. – М. : Наука, 2001.

21. Письма бойцов родным и друзьям // Коммунистический Интернационал. – 1937. – №4. – С.86–92.

22. Поллит, Г. Памяти английских товарищей, погибших в Испании [Текст] / Г. Поллит // Коммунистический Интернационал. – 1937. – №1. – С. 83–86.

23. Поллит, Г. Моя поездка в Испанию [Текст] / Г. Поллит // Коммунистический Интернационал. 1938. – №1. – С. 56–68.

24. Поллит, Г. Испания сегодняшнего дня [Текст] / Г. Поллит // Коммунистический Интернационал. – 1938. – №9. – С. 96–102.

25. Родригес, Л. Сталин и гражданская война в Испании. 17 июля 2016 [Электронный ресурс] / Л. Родригес. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2157925.html. – (Дата обращения: 10.07.2019).

26. Хемингуэй, Э. Собрание сочинений: В 4-х т. – М.: Худож. лит. – 1981 – Т.3. Пятая колонна: Пьеса; По ком звонит колокол: Роман; Рассказы; Очерки; Речи [Текст] / Э. Хемингуэй ; пер. с англ. Послеслов. Константина Симонова. – 1982.

27. Томас, Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. [Текст] / Х. Томас ; пер.с англ. И. Полоцка. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2003.

28. Шубин, А. Сталин и гражданская война в Испании. 17 июля 2016 [Электронный ресурс] / А. Шубин. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2157926.html. – (Дата обращения: 10.07.2019).

29. Ян, Б. Славный путь интернациональной бригады им. Домбровского [Текст] / Б. Ян // Коммунистический Интернационал. – 1938. – №11. – С. 79–82.

30. Eby C. Between the bullet and lie. American volunteers in the Spanish civil war. – N.Y., Chicago, San Francisco, 1969.

31. Gurney J. Crusade in Spain. – L., 1974.

32. Hoar V. The McKenzie-Papineau battalion. Canadian participation in the Spanish civil war. – The Copp Clark publishing company.

33. Landis A. The Abraham Lincoln brigade. – N.Y., 1967.

34. Preston P. The Spanish Holocaust. – N.Y., L., 2012.

35. Rosenstone R. Crusade of the left. The Lincoln battalion in the Spanish civil war. – N.Y., 1969.

36. The Road to Spain. Antifascist at war 1936–1939. Dunferline, Great Britain, 1981.

37. Rust W. Britons in Spain. The history of the British battalion of the XV-th international brigade. – Paulton and L., 1939.

38. Weintraub S. The last great cause. The intellectuals and the Spanish civil war. – 1968.

Глава 7. Гражданская война: образованность, воспитанность и жестокость

Гражданские войны, в которых граждане одной страны сражаются друг с другом, всегда отличались неимоверной жестокостью противников по отношению друг к другу. Если жестокость рядовых участников, простых, малообразованных и зачастую дурно воспитанных людей может найти какое-то разумное объяснение, то кровожадность руководителей, как правило людей высокообразованных, воспитанных и интеллигентных, труднообъяснима. Где та граница, которая отделяет добропорядочного гражданина, хорошего семьянина и доблестного офицера от человека, отдающего приказы об уничтожении гражданских лиц и военнопленных? Неизбежная рефлексия от содеянного всегда заставляла этих людей любой ценой открещиваться от личного участия в организации репрессий, для чего использовались два основных способа: обвинение в неимоверных жестокостях представителей противоборствующей стороны и собственная, якобы, неинформированность о жестокостях подчиненных, которые, якобы, проводили репрессии по своей инициативе.

В XX веке Европа пережила две большие гражданские войны – в России (1918–1920 гг.) и в Испании (1936–1939 гг.). Эти две гражданские войны можно отнести к разряду классических и имеющих много общего. И Россия, и Испания того времени относились к числу стран, где только начали формироваться демократические принципы и в самом зачаточном состоянии находились демократические институты. Российскую и испанскую гражданские войны объединяют и сущностные характеристики. В каждой из них была главная линия противостояния, в России – большевизм – антибольшевизм, в Испании – демократия – авторитаризм. Однако наряду с этой главной линией противостояния в каждой из этих гражданских войн присутствовали второстепенные, выражавшие интересы отдельных социальных и национальных групп, политических объединений, территорий. Так, в России антибольшевистская коалиция состояла из социалистов, буржуазных либералов, монархистов и др., но и лагерь их противников также не был однородным, в частности, интересы крестьянства существенно отличались от большевистских, что в итоге вылилось в самостоятельное антибольшевистское крестьянское вооруженное движение. В ходе гражданской войны в Испании оба

противоборствующих лагеря были коалиционными. Под знаменами генерала Франко воевали монархисты, консервативные республиканцы, армия, испанские фашисты, отсталое в политическом отношении крестьянство. Демократическая коалиция была не менее пестрой, в нее входили мощное движение анархо-синдикалистов, левые коммунисты, про-сталинская коммунистическая партия Испании, социалистическая партия и несколько левобуржуазных партий и группировок. Все эти социальные группы и политические объединения в обеих странах в ходе войны преследовали свои цели и сражались, прежде всего, за них.

Воюющие стороны и в России, и в Испании продемонстрировали неимоверную жестокость по отношению к своим противникам, причины которой один из специалистов усматривает в следующем: гражданская война, оставаясь войной по существу, то есть коллективным насилием, и грозя смертью и уничтожением врагам, кроме того, остается деянием в высшей степени нервным, ненадежным, всегда полным риска, торопливым, она часто создается из ничтожных ресурсов, живет движением вперед, пылом, большим устрашительным нажимом, часто доходящим до террора [3, с. 60].

Историки разных стран до сих пор ведут подсчеты расстрелянных и повешенных в ходе гражданских войн в России и Испании, пытаясь таким образом определить какая воюющая сторона была более, какая менее жестокой в ходе обеих гражданских войн. В советской историографии репрессии Красной армии и чекистов либо замалчивались, либо оправдывались, зато аналогичные мероприятия сторонников Белого движения преподносились как беспримерное зверство. В современной российской литературе маятник качнулся в другую сторону и теперь уже пишут больше о «красном терроре» и замалчивают, оправдывают аналогичные действия белогвардейцев. В литературе о гражданской войне в Испании авторы, симпатизирующие сторонникам испанской демократии, обвиняют в жестокостях франкистов, а авторы про-франкистской ориентации, наоборот, винят во всех смертных грехах республиканцев.

В обеих войнах руководство одной из противоборствующих сторон было представлено генералитетом и офицерским корпусом, выходцами, как правило, из дворянского сословия, получившими хорошее образование и воспитание. Тем не менее, руководимые ими воинские подразделения и в России, и в Испании по

жестокости превзошли своих противников. В этой главе мы рассмотрим в заявленном контексте деятельность двух испанских генералов – Г. Кейпо де Льяно и Э. Мола, русского адмирала А. В. Колчака и русского генерала А. И. Деникина.

В 2012 году П. Престон, известный британский специалист по истории гражданской войны в Испании, подарил мне свою новую книгу «Испанский холокост» [4], наша рецензия на нее опубликована в журнале «Российская история» [2]. Книга посвящена террору в ходе войны, жертвами которого, по подсчетам Престона, стали около 200 тысяч человек, причем 50 тысяч были репрессированы сторонниками Испанской республики, а 150 тысяч сторонниками генерала Франко. Тема, затронутая Престоном, относится к числу наименее изученных в историографии испанской гражданской войны. Европейские и американские авторы избегали ее, отказываясь верить, что образованные, интеллигентные офицеры франкистской армии, происходившие, как правило, из благородных семейств, руководили репрессиями гражданских лиц и военнопленных без суда и следствия. «Нежелание верить, – подчеркивает Престон, – что офицеры и джентльмены могли быть вовлечены в преднамеренные массовые убийства гражданского населения, как раз и приводило к тому, что насилие в тылу изучалось менее всего» [4, p. XII].

Работа Престона, объемом ровно в 700 страниц, разделена на 6 глав, в которых последовательно, с объективных позиций, рассматриваются вопросы происхождения ненависти и насилия, организованного террора во франкистской зоне, спонтанного насилия в республиканской зоне в начале войны, вопросы защиты Испанской республики от внутреннего врага и тактики Франко на планомерное физическое уничтожение своих противников, вопросы послевоенного террора Франко против убежденных республиканцев. Автор отмечает принципиальные различия в характере насилия в республиканской и франкистской зонах. «В случае с военными мятежниками, – пишет Престон, – проблема террора и уничтожения была центральной во всех их планах и приготовлениях. Осознавая подавляющий численный перевес городского и сельского рабочего класса, они были убеждены, что немедленное введение царства террора будет иметь решающее значение» [4, p. XIV]. Насилие в республиканской зоне, по мнению автора, было связано с нищетой, голодом и эксплуатацией, что вылилось в неорганизованный тер-

рор, причем не только против воюющих мятежников, но и против банкиров, промышленников, землевладельцев и просто богатых людей, а также против священнослужителей, олицетворявшихся с богатством и роскошью, этот неорганизованный террор в основном завершился к декабрю 1936 года [3, p. XIV].

«В мятежной зоне, – пишет Престон, – рабочий класс и либеральная буржуазия уничтожались даже в случае своего пассивного поведения. Напротив, не смотря на кризис государственных институтов, вызванный мятежом и как следствие внесудебными злоупотреблениями, республиканское руководство старалось обуздать жестокость экстремистов и восстановить работу государственных структур. Вооруженная милиция большинства левых партий и профсоюзов была настроена истреблять представителей духовенства, армии, высших слоев общества и консервативной буржуазии. Другими словами, они ставили своей целью создание революционного порядка и уничтожение военно-фашистского государства. Тем не менее, руководство республики и большинство членов коммунистической и социалистической партий выступали против этого, так как они понимали, что республика нуждается в поддержке западной демократии и что необходим закон и порядок. Соответственно, они старались восстановить структуры для полноценного функционирования политической демократии» [4, p. 226].

Более половины своей работы автор посвятил описанию насилия и террора в зоне мятежников. Вторая глава «Узаконенное насилие в мятежной зоне» разделена на 2 части. В первой – «Террор Кейпо: зачистка юга» – речь идет о насильственных действиях мятежников в южных провинциях Испании под руководством одного их лидеров военных заговорщиков генерала Кейпо де Льяно. Автор в деталях показывает процесс физического унижения и уничтожения мятежниками всех подозрительных лиц, включая детей, стариков и беременных женщин.

После захвата г. Севильи, – пишет Престон, – Кейпо де Льяно 23 июля 1936 года издал приказ, согласно которому руководители и участники забастовок подлежали расстрелу без суда и следствия. На следующий день он издал еще один приказ о том, что в случае «выявления фактов насилия в городах и деревнях лидеры марксистских и коммунистических организаций, проживающие там, будут расстреляны. В случае их отсутствия пропорциональное ко-

личество членов их организаций, выбранных по жребию, будут расстреляны без предъявления обвинения» [4, p. 142].

Жестокость генерала и полное отрицание им даже видимости соблюдения законности характеризует приведенный автором эпизод, когда группа мятежников, захвативших г. Кордову, направилась в г. Севилью к Кейпо де Льяно с просьбой пополнить запасы оружия и боеприпасов. Генерал спросил их, сколько человек они расстреляли в Кордове, и услышав ответ – «никого», заявил: «Пока вы не расстреляете пару сотен, никакого оружия для вас больше не будет» [4, p. 166].

Следуя приказам генерала в г. Гранаде было расстреляно более 5 тыс. гражданских лиц, в основном прямо на кладбище. «Служитель кладбища, – пишет Престон, – сошел с ума и 4 августа был помещен в психиатрическую больницу. Три недели спустя его преемник с семьей были вынуждены покинуть дом у кладбищенских ворот, так как выстрелы, крики и стоны умирающих стали для них невыносимыми» [4, p. 173].

Наиболее известным из расстрелянных в Гранаде, – отмечает Престон, – причем не только в Испании, но и в мире был поэт Федерико Гарсиа Лорка. Годы спустя франкисты стали утверждать, что Лорка стал жертвой не своих политических убеждений, а личной вражды, связанной с его гомосексуальными наклонностями. Престон опровергает эту версию и приводит факты в подтверждение именно политических причин уничтожения поэта. В 1934 году Лорка провозгласил: «Я всегда буду на стороне тех, кто ничего не имеет» [4, p. 173]. Он регулярно подписывал антифашистские манифесты, был связан с левыми организациями, такими, как Международная красная помощь [4, p. 174].

Поскольку он был широко известен и необычайно популярен как поэт и писатель, его политические убеждения и нетрадиционные сексуальные наклонности, по мнению Престона, провоцировали ненависть членов фашистской фаланги и всех правых в целом. Вызывая раздражения землевладельцев, он платил своим наемным рабочим хорошую заработную плату, давал деньги в долг и даже строил дома для своих рабочих. Его дружба с министром испанского правительства от социалистической партии Фернандо де лос Риосом была еще одной из причин ненависти правых к нему [4, p. 174].

Престон приводит факты, свидетельствующие о личной причастности генерала Кейпо де Льяно к смерти поэта. Когда правые начали охоту на «красных», Лорка укрылся в доме своего друга – члена фашистской фаланги. 16 августа в дом пришли вооруженные мятежники, они объявили Лорку шпионом Москвы и запросили генерала Кейпо де Льяно о дальнейших действиях. Ответ генерала был краток: «Дайте ему кофе», что на слэнге мятежников означало расстрел – Федерико Гарсиа Лорка был убит ранним утром 18 августа 1936 года [4, p. 174].

Во второй части второй главы «Террор Молы: зачистка Наварры, Галисии, Кастилии и Леона» – автором рассматривается террористическая деятельность мятежников в отношении гражданского населения северных и центральных провинций Испании под руководством одного их главных организаторов вооруженного мятежа генерала Эмилио Мола.

Накануне мятежа Мола выслал специальные инструкции одному из участников заговора, находившемуся на территории Испанского Марокко, полковнику Ягуэ. Он настаивал на трех главных принципах: жестокость, быстрота и высокая мобильность. Мола подчеркивал, что «нерешительность ведет только к поражению» [4, p. 132]. Шесть дней спустя Ягуэ получил более детальный набор инструкций по организации репрессий, который включал в себя следующее: использование марокканских войск, наводивших ужас своими зверствами; возложение контроля за соблюдением общественного порядка и безопасности в городах на фашистскую фалангу; арест всех подозрительных представителей республиканской власти; уничтожение членов всех левых организаций (коммунистов, анархистов, членов профсоюзов, масонов и т. д.); закрытие всех мест, где проводятся общественные мероприятия; запрет всех демонстраций, забастовок, общественных и частных митингов и собраний. Эти инструкции, – подчеркивает Престон, – стали программой действий в организации репрессий в Испанском Марокко ночью 17 июля 1936 года, а в дальнейшем и на территории всей Испании.

Еще нагляднее характеризует Молу приведенное автором выступление генерала перед мэрами городов Наварры – сторонниками мятежников, в котором он подчеркивал: «Необходимо шире использовать террор. Мы должны создать видимость нашего превосходства,

уничтожая без всяких угрызений совести и без колебаний всех, кто думает иначе чем мы. Нельзя проявлять малодушие, если мы упустим момент и не будем действовать с величайшей решительностью, мы не победим. Любой, кто прячет коммуниста или сторонника Народного фронта, должен быть расстрелян» [4, p. 179].

Вряд ли испанские генералы были хорошо знакомы с историей Гражданской войны в России, но их деятельность по организации террора в отношении своих политических противников в тылу удивительным образом похожа на то, что творили белогвардейцы, воевавшие под руководством А. В. Колчака и А. И. Деникина.

Александр Васильевич Колчак, адмирал, полярный исследователь, военно-морской специалист высокого класса под давлением обстоятельств в ноябре 1918 года, в возрасте 44 лет стал во главе всех антибольшевистских сил на территории Сибири, объявив себя «верховным правителем России». Колчак декларировал себя сторонником демократии, однако 3 декабря 1918 года, через 2 недели после прихода к власти, Колчак подписал постановление о широком применении смертной казни. Расстрел или повешение полагались за «посягательство на жизнь, здоровье, свободу или вообще неприкосновенность верховного правителя,… за посягательство на низвержение или изменение ныне существующего государственного строя» [1, с. 45]. Специальное распоряжение Колчака разрешало военным самим выносить приговоры о смертной казни, что активизировало карателей, умножило внесудебные расправы и самосуды.

Очевидцы подтверждают, что Колчак неоднократно говорил о том, что «гражданская война должна быть беспощадной» [1, с. 44]. Тем самым, Колчак запустил механизм террора, развязав руки своим подчиненным. Его ближайшего помощника, министра внутренних дел В. Н. Пепеляева отличала «слепая ненависть к большевикам». Для проведения террора он создал в каждой губернии отряды особого назначения численностью до 1 200 человек. Командующие армиями, командиры отдельных отрядов, губернаторы, действовали самостоятельно, создавая свои собственные структуры для проведения террора в отношении и политических противников и гражданского населения.

Так, генерал С. Н. Розанов, «осуществляя свои карательные задачи, действовал террором, обнаружив чрезвычайную личную жестокость… расстрелы и казни были беспощадны. Вдоль сибирской

магистрали в тех местах, где мятежники своими нападениями прерывали полотно железной дороги, он для вразумления развешивал по телеграфным столбам трупы казненных зачинщиков. Проходящие экспрессы наблюдали эту картину, к которой все относились с философским безразличием. Целые деревни сжигались до основания» [1, с. 46].

Американский генерал Грэвс, очевидец событий, так вспоминал о преступной террористической деятельности атамана колчаковской армии Г. М. Семенова: «Солдаты Семенова и Калмыкова, находясь под защитой японских войск, наводняли страну подобно диким животным, убивали и грабили народ, тогда как японцы при желании могли бы в любой момент прекратить эти убийства. Если в то время спрашивали, к чему были все эти жестокие убийства, то обычно получали в ответ, что убитые были большевиками, и такое объяснение, очевидно, всех удовлетворяло. События в Восточной Сибири обычно представлялись в самых мрачных красках и жизнь человеческая там не стоила ни гроша. В Восточной Сибири совершались ужасные убийства, но совершались они не большевиками, как это обычно думали. Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось сто человек, убитых антибольшевистскими элементами». Грэвс сомневался в том, чтобы можно было указать за последнее пятидесятилетие какую-либо страну в мире, где убийство могло бы совершаться с такой легкостью и с наименьшей боязнью ответственности, как в Сибири во время правления адмирала Колчака. Заключая свои воспоминания, Грэвс отмечал, что интервенты и белогвардейцы были обречены на поражение, так как «количество большевиков в Сибири во время Колчака увеличилось во много раз в сравнении с количеством их к моменту нашего прихода»» [1, с. 46].

Атаману Семенову не удалось избежать справедливого возмездия. 26 августа 1945 года он был арестован сотрудниками Смерша на территории Китая и предан суду. Семенов признавал, что в годы гражданской войны вел беспощадную борьбу против большевиков и всех, кто им сочувствовал. «Я посылал в районы Забайкалья карательные отряды для расправы с населением, поддерживавшим большевиков, и уничтожал партизан», – говорил он. Семенов сообщил о многочисленных случаях расстрелов тех, кто был за Советы. На допросе 13 августа 1945 г. сподвижник Семенова, бывший

генерал-майор Л. Ф. Власьевский, говорил: «Белоказачьи формирования атамана Семенова приносили много несчастий населению. Они расстреливали заподозренных в чем-либо лиц, жгли деревни, грабили жителей, которые были замечены в каких-либо действиях или даже нелояльном отношении к войскам Семенова. Особенно отличились в этом дивизии барона Унгерна и генерала Тирбаха, имевшие свои контрразведывательные службы. Но наибольшие зверства все же чинили карательные отряды войсковых старшин Казанова и Фильшина, сотника Чистохина и другие, которые подчинялись штабу Семенова». Выяснилось, что Семенов лично визировал смертные приговоры и контролировал пытки в застенках, где были замучены до 6,5 тысяч человек. О расстрелах и пытках крестьян, пленных красноармейцев, большевиков и евреев рассказывали и бывшие партизаны, и сами семеновцы [1, с. 47–48].

В постсоветский период в историографии, публицистике и кино обозначилась отчетливая тенденция реабилитации деятельности Колчака на посту верховного правителя России, попытка представить ее как альтернативу большевизму, а самого Колчака как бессребреника, не имевшего никаких личных богатств. В 2002 году в здании Морского корпуса в Санкт-Петербурге была открыта мемориальная доска, посвященная А. В. Колчаку, выпускнику этого учебного заведения, тем не менее Военная коллегия Верховного суда РФ в ноябре 2001 года отказала в реабилитации адмирала, так как он «не остановил террор в отношении гражданского населения, проводимого его контрразведкой» [1, с. 43].

Аналогичная тенденция отмечается и в отношении другого крупного руководителя белого движения на юге России генерала Антона Ивановича Деникина, выходца из дворянской офицерской семьи, выпускника Академии Генерального штаба, активного участника Первой мировой войны. Подобно Колчаку, пытавшемуся на допросах отмежеваться от террора, проводимого его подчиненными, генерал Деникин то же самое делает в известных мемуарах «Очерки русской смуты». Можно понять желание умного, образованного, интеллигентного человека представить себя неосведомленным о жестоком терроре, творимом его подчиненными, однако факты говорят об обратном. Именно Деникин возглавил террористическую деятельность в отношении гражданского населения и военнопленных, подписав 30 июля 1919 года постановление о дея-

тельности судебно-следственных комиссий, на основании которого советские работники приговаривались к смертной казни и конфискации имущества, а сочувствующие большевикам – к каторжным работам [1, с. 49].

Подчиненные Деникина, губернаторы и генералы, выходцы, как правило, из интеллигентных дворянских семей, отличались неимоверной жестокостью по отношению к своим политическим противникам. Так, губернатор Екатеринославля Щетинин приказал расстрелять из пулеметов арестованных крестьян, генерал Кутепов отдал приказ повесить на фонарных столбах центральной улицы Ростова всех заключенных, находившихся в тюрьмах города в декабре 1919 года [1, с. 49].

Генерал Денисов писал: «… Трудно было власти... Миловать не приходилось... Каждое распоряжение – если не наказание, то предупреждение о нем... Лиц, уличенных в сотрудничестве с большевиками, надо было без всякого милосердия истреблять. Временно надо было исповедовать правило: “Лучше наказать десять невиновных, нежели оправдать одного виноватого”. Только твердость и жестокость могли дать необходимые и скорые результаты» [1, с. 49].

Ярким свидетельством «белого» террора является дневник участника деникинского движения А. А. фон Лампе. 20 июля 1919 г. он записал, что белые из Добровольческой армии насиловали крестьянских девушек, грабили крестьян. 13 ноября 1919 г.: «...Ликвидировано несколько большевистских гнезд, найдены запасы оружия, пойманы и ликвидированы 150 коммунистов по приговору военно-полевого суда». 15 декабря Лампе сообщал о приказе командующего киевской группой белых войск, который публично отказался благодарить «терцов, находившихся в сентябре в районе Белой Церкви – Фастов, покрывших себя несмываемым позором своими погромами, грабежами, насилиями и показавшими себя подлыми трусами... 2) Волганскому отряду... опозорившему себя нарушением торжественно данного мне слова прекратить систематические грабежи и насилия над мирными жителями... 3) Осетинскому полку, обратившемуся в банду одиночных разбойников...» [1, с. 50].

Офицерская и дворянская честь Деникина и его подчиненных запятнана не только кровью политических противников, но и организацией «российского холокоста» – уничтожения евреев только потому, что они евреи. Одной из главных причин антисемитских

настроений офицеров и генералов белой гвардии большинство историков считают наличие в большевистском руководстве представителей еврейской национальности. Они подсчитали, что на территории, контролируемой Деникиным, было организовано 226 еврейских погромов.

Французский адвокат Бернал Лекаш, защищавший убийцу С. Петлюры и опубликовавший книгу по итогам поездки на Украину в 1926 году, пишет о 1 295 еврейских погромах и об убийствах более 300 тысяч человек. Не объясняя причин произошедших событий, Лекаш приводит показания свидетелей, документы, фотографии: «В Умани бандиты, сменявшие друг друга в марте, апреле и мае 1919 г., грабили, насиловали, убивали». «Погром 13 и 15 мая принимает невиданный размах, – писал он со слов очевидцев. – Расстреливают беспрерывно, в домах и на улицах. У Фуреров одиннадцать человек семьи: сперва убивают стариков; женщин бросили на землю и камнями раздробили головы, у детей и мужчин отрубили половые органы. Из одиннадцати человек – девять убитых. На другой день ловят и отводят в комендатуру 28 евреев и евреек. Там их избивают и отводят на площадь, покрытую уже трупами и залитую кровью. В свою очередь, их расстреливают не без того, чтобы отказать себе при этом в удовольствии “сыграть в мяч” их головами. После, при розыске и разборке трупов, их можно опознать только по одежде» [1, с. 51].

И «испанский холокост», и «российский холокост» имеют общее происхождение – ненависть к большевизму, олицетворение большевизма с семитизмом вследствие наличия в советском руководстве значительного числа лиц еврейской национальности. Организаторами «холокоста» в обеих странах выступали представители генералитета и офицерского корпуса, выходцы, как правило, из дворянских семей, получившие хорошее образование и воспитание. Как показывает опыт российских и испанских гражданских войн, образованность и воспитанность, постоянная рефлексия по поводу совершаемых злодеяний не в состоянии противостоять необходимости применения жестокости по отношению к политическим противникам. Однако та же образованность, принадлежность к высшему обществу, где жестокость никогда не была в почете вынуждала генералов и офицеров предпринимать серьезные усилия, чтобы показать свою личную непричастность к террору. В этом

преуспели как российские, так и испанские военачальники, пытаясь задним числом показать свою неосведомленность о злодеяниях, творимых их подчиненными, а также преувеличивая масштабы «красного террора».

Литература

1. Литвин, А. Красный и белый террор в России 1918–1922гг. [Электронный ресурс] / А. Литвин. 2004. – Режим доступа: http://romanbook.ru/book/7111696/?page=1. – (Дата обращения: 10.07.2019).
2. Новиков, М. В. СССР и «холокост» в Испании [Текст] / М. В. Новиков // Российская история. – 2015. – № 2. – С. 207–214.
3. Снесарев, А. Е. Философия войны [Текст] / А. Е. Снесарев // Военно-исторический журнал. – 2002. – № 3. – С. 53–60.
4. Preston Paul. The Spanish Holocaust. N.Y.–L.: W.W. Norton and Company, 2012.

Глава 8. «Красный» и «белый» террор в ходе испанской гражданской войны

Гражданские войны всех времен и народов отличались особой жестокостью противников по отношению друг к другу. Подтверждением этому стали и две самые крупные гражданские войны XX века в Европе – российская (1918–1921 гг.) и испанская (1936–1939 гг.). Термины «красный» и «белый», в данном случае, носят условный характер, они более применимы к гражданской войне в России, хотя франкисты именно так и называли – «красные» – сторонников Испанской республики. Второй термин – «белые» – ассоциируется с российским и испанским дворянским сословием, возглавившим в обоих случаях борьбу с «красными». Российскую и испанскую гражданские войны объединяют сущностные характеристики: слабость демократии и демократических институтов, как главная причина поражения сторонников демократического выбора в обеих гражданских войнах, коалиционный состав всех противоборствующих сторон, тотальный характер обеих войн, высокая степень интернационализации.

Гражданская война в Испании, подобно гражданской войне в России, носила ожесточенный характер с обеих сторон. По подсчетам испанских историков, общие потери убитыми солдат и офицеров обеих армий – и франкистской, и республиканской, составили всего около 150 тыс. человек. В то же время в тылу республиканской армии было расстреляно около 50 тыс. сторонников Франко, франкистами казнено около 150 тыс. сторонников Испанской Республики, всего около 200 тыс. человек. По мнению испанского историка Х. Руиса, в ходе гражданской войны в Испании находиться в тылу было не менее опасно, чем на передовой, поэтому вопрос о политическом терроре в тылу занимает ключевое место в историографии войны [7, с. 323].

Редкая книга о тех событиях обходилась без описания сцен жестокости и насилия в отношении военнопленных и гражданского населения обеих воюющих сторон. Политические предпочтения обычно способствовали тому, что авторы, симпатизирующие франкистам, приводили многочисленные факты жестокого обращения сторонников Испанской республики со своими политическими оппонентами, не упоминая при этом аналогичных действий со стороны франкистов или оправдывая их какими-либо обстоя-

тельствами. Подобным же образом поступали и авторы, чьи симпатии находились на стороне Испанской республики, включая всех советских авторов.

В качестве наиболее яркого примера обратимся к двум работам, авторы которых были и очевидцами, и участниками испанских событий, находясь по разные стороны линии фронта. В «Испанском дневнике» корреспондента газеты «Правда» Михаила Кольцова представлен эпизод дикой расправы с советским летчиком-добровольцем Владимиром Бочаровым, воевавшим на стороне Испанской республики. Военным командованием Испанской республики был издан приказ об охране вражеских пилотов, совершивших вынужденную посадку или прыгнувших с парашютом на республиканскую территорию. Нарушители приказа подлежали военному суду [4, с. 273–274]. «Как бы в ответ на великодушный приказ о гуманном обращении с летчиками, – писал М. Кольцов, – фашисты сбросили на мадридский аэродром Барахас чудовищный груз. К парашюту был привязан деревянный ящик с надписью «Вальядолид». Ящик раскрыли – в нем оказался изрубленный на куски труп, куча страшного кровавого мяса и обрывки одежды. По некоторым признакам удалось опознать тело республиканского летчика-истребителя Хосе Галарса *(псевдоним В. Бочарова – М. Н.)*... Для того, чтобы совершить свое деяние, фашисты должны были провозиться не менее нескольких часов. Им надо было по-мясницки рубить Хосе Галарса (мертвого или живого?) на куски, затем сложить эти куски на простыню, завязать ее узлом, поместить в ящик, прицепить к парашюту, вручить летчику, совершить с ящиком полет и сбросить» [4, с. 274–275].

Кольцов пишет и о «красном терроре», причем по ходу повествования складывается впечатление, что он его оправдывает. В качестве подтверждения еще один эпизод из «Испанского дневника». Франкисты бомбили г. Гвадалахару и убили много мирных жителей, в том числе женщин и детей. «Разъяренная толпа гвадалахарцев, – пишет М. Кольцов, – подошла к зданию местной тюрьмы, обезоружила стражу, изъяла из камер сто арестованных фашистов и расстреляла их. В тот же день отряды местной милиции произвели аресты подозрительных и враждебных элементов и посадили в тюрьму 100 человек заложников. «На случай новой бомбардировки», – хмуро говорят в Гвадалахаре» [4, с. 318].

Луис Болин работал корреспондентом испанской монархической газеты «ABC» в Лондоне и именно он участвовал в переброске находившегося в ссылке на Канарских островах генерала Ф. Франко в Испанское Марокко накануне военного мятежа. В его работе «Испания: жизненно важные годы» представлена франкистская концепция гражданской войны. Согласно Болину, Коммунистическая партия Испании, выполняя приказ Коминтерна, объединилась с другими левыми партиями с целью усиления беспорядков в стране и прихода к власти. На выборах 16 февраля 1936 г., пишет Болин, левые, якобы, использовали все способы, чтобы победить. Они, якобы, бесчинствовали и были готовы захватить власть, не дожидаясь результатов голосования, которые в конце концов были фальсифицированы. После победы на выборах, заявляет Болин, левые вооружаются русским оружием, доставляемым русскими кораблями в Севилью и Альхесирас, и организуют нападения на представителей правых сил. Республиканское правительство, якобы, поощряло террор левых, планировало превратить Испанию в советскую республику и готовило почву для установления коммунизма [9, p. 144–152].

Даже общеизвестный факт бомбардировки немецкими летчиками из легиона «Кондор» баскского города Герники, в ходе которой погибли и были ранены тысячи мирных жителей, Болин пытается представить как злодеяние «красных». Без тени смущения он пишет, что этот город якобы был не пригоден для отработки немцами бомбометания и что они не бомбили Гернику; это «красные», будто бы для того, чтобы вызвать сенсацию и очернить своих противников, взорвали город динамитом и сожгли его бензином [9, p. 275].

И Кольцова, и Болина можно понять, их позиция четко обозначена, и они не пытаются ее замаскировать. На страницах своих книг они продолжают вести борьбу со своими политическими противниками. Сложнее обстоит дело с профессиональными историками второй половины XX – начала XXI в., симпатизирующими к одной из сторон конфликта и вынужденными придерживаться принципа объективности. Отсутствие четко задокументированных свидетельств проявления жестокости обеими сторонами, во всяком случае основного массива подобных преступлений, вынуждало историков либо замалчивать подобные сюжеты, либо

пользоваться не аутентичными источниками. Политизированная литература о гражданской войне, и профранкистская, и прореспубликанская, отличается стремлением авторов возложить ответственность за начало террора на противоположную сторону, преувеличить масштабы политического террора противоположной стороны и преуменьшить масштабы террора своих сторонников. Это касается не только работ собственно испанских историков, но и зарубежных авторов тоже.

Так, советские историки обходили молчанием тему деятельности советских спецслужб в Испании, организацию ими по приказу Сталина убийств тех сторонников Испанской республики, которые открыто выражали свои симпатии Троцкому и троцкизму. В свою очередь, консервативные западные историки отрицали организованный характер террора франкистов в отношении военнопленных и гражданского населения, пытались оправдать террор с помощью домыслов и циничных интерпретаций. По утверждению консервативного британского историка Дж. Хиллса, террор мятежников был вызван тем, что они, якобы, «любили порядок». «Если основной причиной восстания была необходимость наведения порядка, – пишет Хиллс, – порядок должен был установиться, когда националисты пришли к власти» [10, p. 217].

Для них также характерны самые невероятные домыслы в отношении количества репрессированных обеими воюющими сторонами с целью очернить сторонников Испанской республики и по возможности приукрасить франкистов. Так, Хиллс утверждал, что франкисты, якобы, расстреляли 40 тыс. во время войны и 40 тыс. после войны, всего 80 тыс. с 1936 по 1943 год, а республиканцы – 60 тыс. и всех во время войны [10, p. 215]. Профессор С. Пейн из США писал, что красный террор, возможно, унес больше жизней, чем репрессии франкистов [11, p. 225].

На сегодняшний день ситуацию неопределенности, когда было не совсем очевидно, какая из противоборствующих сторон была более, а какая менее жестокой по отношению к своим противникам, казалось, можно считать завершенной. В 2012 году была опубликована монография известного британского историка Пола Престона с небесспорным названием «Испанский холокост». Вот как Престон объясняет необычное название своей книги: «Я долго думал о правомерности использования термина «холокост» в

названии данной книги. Меня глубоко печалит и возмущает преднамеренная и спланированная попытка нацистов истребить европейских евреев, но меня также печалят и возмущают массовые страдания испанского народа в ходе гражданской войны 1936–1939 и в течение нескольких лет после ее окончания. Я не смог подобрать слово, которое более точно резюмировало бы испанский опыт чем «холокост». Кроме того, на выбор этого слова повлиял тот факт, что франкисты, уничтожая ни в чем не повинных испанцев, использовали антисемитскую риторику и постоянно твердили, что репрессированные были инструментом «большевистско-еврейско-массонской» враждебной деятельности. Тем не менее, использование мною термина «холокост» не претендует на то, чтобы приравнять испанские события к тому, что происходило на остальной части континентальной Европы в период нацисткой оккупации» [12, p. XI–XII].

Одним из принципиальных вопросов изучаемой проблемы Престон считает вопрос о количестве репрессированных той и другой стороной конфликта. Признавая, что на данный момент невозможно установить абсолютно точные цифры репрессированных, Престон заявляет, что основные параметры очевидны и что большую роль в скрупулезных подсчетах количества жертв сыграли испанские историки – краеведы, опубликовавшие в последние годы десятки исследований по данной проблеме. Существенное значение имеет также документальное подтверждение количества репрессированных в республиканской зоне, наиболее вероятная цифра здесь, которую приводит испанский историк Хосе Луис Ледесма – 49 272 человека [12, p. XVI].

Что касается франкистской зоны, то ситуация с подсчетами здесь гораздо сложнее и одной из причин Престон считает генеральную чистку архивов, проведенную франкистскими чиновниками в период с 1965 по 1985 год, готовившимися к ситуации после смерти Франко. «Миллионы документов, – пишет Престон, – были утеряны в течение этих критических 20 лет, включая архивы единственной франкистской партии – испанской фаланги, провинциальных департаментов полиции, тюрем и глав региональной франкистской власти – гражданских губернаторов. Колонны грузовиков увозили из архивов судебные протоколы по делам репрессированных. Наряду с умышленным уничтожением архивов

были и так называемые «непреднамеренные» потери, когда городские советы продавали свои архивы тоннами на макулатуру» [12, p. XVI]. Кроме того, многие смертные приговоры либо фальсифицировались, либо не регистрировались вообще, наконец, значительное количество убитых гражданских лиц вообще не могло быть зарегистрировано, например, во время наступления марроканских частей на Мадрид в сентябре – ноябре 1936 года [12, p. XIII]. Тем не менее, – подчеркивает Престон, – колоссальная работа, проведенная историками, позволяет смело утверждать, что количество репрессированных франкистами в три раза превышает аналогичную цифру в республиканской зоне и вряд ли это количество меньше 150 000 человек [12, p. XVIII].

Престон проделал огромную работу по систематизации данных о количестве репрессированных во всех 14 регионах и 46 провинциях Испании того периода, представив наглядное графическое изображение по стране в целом и по каждому региону в отдельности в приложении к своей работе. Примечательно, что только в двух регионах – Новой Кастилии (Мадрид) и Каталонии (Барселона) количество репрессированных республиканцами превышает число расстрелянных франкистами, в остальных 12 регионах число жертв франкистского террора количественно превосходит расстрелянных республиканцами [12, p. 665–671].

Престон безусловно поддерживает широко распространенную в отечественной и левой зарубежной литературе версию о запланированном и спонтанном характере политического террора соответственно во франкистской и республиканской зонах. В заключительной главе «Вклад Франко в террор» Престон анализирует ситуацию в Испании после победы франкистов в гражданской войне и отмечает, что «война против Республики продолжалась, но другими средствами, не на полях сражения, а в военных трибуналах, в тюрьмах, в концентрационных лагерях, в трудовых батальонах, в преследовании тех, кто находился в изгнании» [12, p. 471].

После 1 апреля 1939 года, – подчеркивает Престон, – в Испании была создана репрессивная система, основу которой составили внесудебное насилие и псевдозаконодательство. Последнее базировалось на фантастическом тезисе о том, что, якобы, военные пришли к власти в Испании легальным путем 16 и 17 июля 1936 года, то есть до начала мятежа, и, следовательно, вооружен-

ная борьба сторонников Республики и явилась мятежом против законной власти военных. В интервью по случаю годовщины мятежа в 1937 году Франко заявил: «Национальное движение *(вооруженный мятеж – М. Н.)* никогда не было восстанием. Красные были и остаются мятежниками» [12, p. 472–473]. Как отмечает Престон, этот созданный франкистами миф, «миф о том, что защита Республики была преступным военным мятежом, был главным основанием при вынесении всех смертных приговоров» [12, p. 473].

Престон детально описывает процесс зачистки территорий, находившихся в республиканской зоне, методами как внесудебных расправ, так и с помощью созданной франкистами псевдосудебной системы, когда военные назначали из своей среды судью, прокурора и адвоката, причем адвокат, как правило, был по воинскому званию младше судьи и прокурора [12, p. 473].

Немалые усилия, по мнению Престона, были приложены франкистами, чтобы добиться от правительства Франции репатриации нескольких сотен тысяч испанских беженцев, перешедших французскую границу и находившихся на территории Франции в концентрационных лагерях. Их общее число к началу Второй мировой войны превышало 250 тыс. человек [6, с. 152]. Особое значение франкисты придавали возвращению руководителей Испанской республики (всего около 1 тыс. человек) для сведения счетов с ними. Так, после захвата Франции нацистами в июне 1940 года и образования марионеточного правительства Виши на неоккупированной части Франции им удалось добиться экстрадиции нескольких видных политических деятелей Республики, включая бывшего президента Каталонии Луиса Компаниса, который был расстрелян 15 октября 1940 года [3, p. 493]. Бывшему премьер-министру правительства Испанской республики Хуану Негрину удалось покинуть Францию по поддельному паспорту и перебраться в дружественную Мексику [3, с. 156]. Драматично сложилась судьба другого премьер-министра Ларго Кабальеро. Правительство Виши готовило его экстрадицию в Испанию, однако после ликвидации марионеточного режима и полной оккупации Франции нацистами 73-летний Кабальеро был арестован гестапо и отправлен в концентрационный лагерь смерти Заксенхаузен. Престон убежден, что в случае экстрадиции в Испанию Кабальеро был бы немедленно рас-

стрелян. Франко, напуганный падением режима Муссолини, не стал на этом настаивать, надеясь на скорую смерть Кабальеро в немецком лагере. Кабальеро, однако, выжил и был освобожден советскими войсками. Тем не менее, здоровье его было подорвано и он умер в марте 1946 года [12, p. 502].

Престон последователен в детальном описании насилия не только в мятежной, но и в республиканской зоне. Названия глав и разделов, посвященных террору республиканцев – «Последствия мятежа: спонтанное насилие в республиканской зоне», «Осажденный Мадрид: угроза и ответ» уже сами по себе свидетельствуют о позиции автора в отношении причин и характера насилия в республиканской зоне. Престон подчеркивает, что террор сторонников Республики был вынужденной мерой в ответ на военный мятеж, сопровождавшийся неслыханными жестокостями в отношении как военных, так и гражданских лиц, а также воздушными бомбардировками мирных городов. Он категорически не согласен с утверждениями консервативных историков о том, что «за красным террором последовал белый террор» [11, p. 200].

«Воздушные бомбардировки городов, – пишет Престон, – часто вели в республиканской зоне к народным репрессиям». Так, Малагу постоянно бомбила морская авиация мятежников. В городе, который контролировали различные группы анархистов, около 500 предполагаемых сторонников мятежников были арестованы и помещены в местную тюрьму. После бомбардировки 22 августа, в ходе которой погибли 30 женщин, детей и пожилых людей, городской совет утвердил список из 65 заключенных, которые были немедленно расстреляны. После бомбардировки 30 августа были отобраны и расстреляны 53 заключенных; 20 сентября еще 43; 21 сентября – 17; 24 сентября – 97. Таким образом, из 1 100 репрессированных в Малаге сторонников мятежников, 275 (25 %) были расстреляны из-за бомбардировки города авиацией мятежников [12, p.256].

Современные консервативные испанские историки, занимающиеся изучением данной проблемы, критикуют П. Престона, подвергают сомнению обоснованность многих его заявлений, и прежде всего версии о плановом характере франкистских репрессий. Прежде всего, они указывают на существование обратной зависимости между укреплением франкистской государственности и масштабами террора во франкистской зоне. Поскольку су-

щественная часть казней гражданского населения франкистами приходится на начальный период гражданской войны, когда подобные внесудебные расправы были нормой, то, по их мнению, можно говорить о том, что укрепление франкистского государства, формально провозглашенного 1 октября 1936 г., постепенно привело и к относительному, и к абсолютному уменьшению количества расстрелов гражданского населения [7, с. 325].

Подвергается сомнению и тезис об исключительно спонтанном характере террора против гражданского населения в республиканской зоне, ставшем якобы следствием взрыва слепой народной праведной мести (вызванной возмущением, накопившемся за столетия угнетения) и разгула преступного элемента, выпущенного из тюрем [7, с. 325–326]. Указывается на то, что созданный 4 августа 1936 г. революционный трибунал Народного фронта занимался организованной охотой на воображаемых внутренних врагов – на «пятую колонну», что привело к массовым арестам и казням. Эту деятельность, по мнению испанских историков, трудно назвать спонтанной.

Столь же несостоятельным, по мнению испанских историков, является и тезис о том, что большинство казней в республиканской зона было делом рук членов анархистских организаций. Как пишет Х. Руис, «в реальности убийц поставляли все профсоюзы и политические партии, входившие в состав левацкого Народного фронта». В качестве примера он приводит состав Мадридского революционного трибунала, в которой входили представители всех политических партий Народного фронта – социалисты, коммунисты, анархисты, а также представители буржуазных партий. В состав Мадридского революционного трибунала входило 77 следственных бригад, каждая состояла из представителей какой-либо одной политической партии. Как отмечает Х. Руис, 36 следственных бригад состояли из анархистов, 15 – из коммунистов и 15 – из социалистов. Смертные приговоры могли выносить только 6 революционных трибуналов, состоявших из членов всех политических партий. Как пишет Х. Руис, «работая попарно 8-часовыми сменами, эти трибуналы выносили смертные приговоры, а также выдавали приказы об освобождении» [7, с. 327].

Ключевое место в повествованиях и консервативных, и либеральных западных историков занимает тема расстрела нескольких

тыс. политических заключенных мадридских тюрем, преимущественно офицеров, отказавшихся выступить в поддержку Испанской Республики, в ноябре-декабре 1936 г. Реальная ситуация была такова, что в ноябре 1936 г. армия Франко заняла пригороды Мадрида и готовилась к параду победы. В этих условиях группа политических и военных руководителей хунты обороны Мадрида приняла, наверное, не самое лучшее с точки зрения гуманности решение о расстреле наиболее вероятных и опасных врагов Испанской Республики из числа заключенных. В худших советских традициях 1930-х годов акция проводилась в условиях секретности, без формального соблюдения хотя бы видимости законности, все оправдывалось катастрофической военной ситуацией, угрозой падения Мадрида и поражения в войне. Прибытие в Мадрид беженцев из города Бадахоса и других городов, где франкисты устроили массовую показательную резню мирного населения, с их рассказами о пережитых ужасах провоцировало, по мнению Престона, требование мести сторонникам мятежников, помещенным в мадридские тюрьмы [12, p. 281].

Престон детально реконструирует события, связанные с судьбой 2 тыс. профранкистски настроенных офицеров, находившихся в самой большой мадридской тюрьме Карсел Модело, в ситуации, когда 6 ноября 1936 года «мятежники были всего в 200 ярдах от нее» [12, p. 344]. В тот день правительство Испанской республики приняло решение о переезде из Мадрида в Валенсию и поручило генералу Миахе создать совет обороны Мадрида, наделив его самыми широкими полномочиями. Престон проводит тщательное расследование, пытаясь выявить лиц из числа руководителей Мадрида, принявших решение о расстреле заключенных офицеров тюрьмы Карсел Модело [12, p. 347].

Как отмечает Престон, существует много домыслов о том, что инициатором расстрела заключенных был корреспондент «Правды» в Испании в 1936–1937 гг. М. Кольцов, который в силу своей личной близости к Сталину имел негласные широкие полномочия [12, p. 350]. Кстати, по мнению И. Эренбурга, из советских участников гражданской войны в Испании М. Кольцов «был самым главным», «главнее советников» [5]. Такого же мнения придерживался Э. Хемингуэй. Он считал М. Кольцова «одной из самых значительных фигур в Испании» [5]. Проведя расследование,

Престон приходит к выводу, что вряд ли Кольцов имел полномочия для решения судьбы заключенных офицеров. Он полагает, что к принятию решения были причастны военный атташе посольства СССР в Мадриде В. Горев, руководители КПИ П. Чека и А. Михе, генерал Х. Миаха и полковник В. Рохо [12, p. 352–353]. «Совершенно очевидно, – пишет Престон, – что Миаха, Рохо, Горев и высшие руководители КПИ очень хотели, чтобы вопрос с заключенными был решен как можно быстрее» [12, p. 357].

О непричастности М. Кольцова к расстрелам заключенных мадридских тюрем пишет и Х. Руис. Он цитирует записи из «Испанского дневника» М. Кольцова, из которых явствует, что Кольцов не знал о принятых испанскими товарищами решениях. Х. Руис приводит эпизод из «Испанского дневника», где Кольцов передает свой разговор с Педро Чека, одним из руководителей КПИ, активным участником обороны Мадрида. В разговоре Кольцов предложил Чека отпустить по домам большинство заключенных мадридских тюрем, не представлявших угрозы Испанской Республике, а остальных небольшими группами по 200 человек отправить пешком в тыл, поручив их охрану местным крестьянам. Чека согласился и они поехали в тюрьму. Кольцов пишет: «Фашистов выводили во двор, выкликали по спискам. Это озадачило и потрясло их. Они думали – ведут на расстрел. Их отправили в сторону Арганды (деревне к юго-востоку от Мадрида)» [7, с. 340].

Разговор М. Кольцова с Педро Чека происходил 7 ноября 1936 г., когда уже было принято решение о расстрелах наиболее опасных для Испанской Республики политических заключенных. Скорее всего по причине особой секретности этой акции Чека не счел нужным, или не мог проинформировать Кольцова о принятом решении, оставив советского журналиста в неведении. Именно поэтому в «Испанском дневнике» содержится запись об эвакуации заключенных «в сторону Арганды», хотя на самом деле заключенных увозили на расстрел. Удивительно, как Кольцов точно определил психологическое состояние заключенных, отобранных для расстрела – «Они думали – ведут на расстрел». И действительно, их всех увозили на расстрел, но Кольцов об этом ничего не знал.

Франкистские и консервативные англо-американские историки также утверждают, что инициатива в организации расстрелов за-

ключенных мадридских тюрем принадлежит представителям советских спецслужб в Испанской Республике. При этом упоминается два имени – Александр Орлов (Лейба Фельдбин) и Иосиф Григулевич. Первый руководил агентурой НКВД в Испании, второй, прилично владея испанским языком, был типичным «нелегалом», секретным агентом, работавшим под вымышленными именами. В задачу сотрудников НКВД в Испании входило информирование советского руководства о всем диапазоне испанских проблем и решение задач контрразведывательного характера.

По утверждению Б. Володарского, Орлов, кроме того, намеревался давать советы руководителям Испанской Республики, как лучше бороться с внутренним врагом. Его советы не всегда выполнялись и в одном из донесений в Москву он писал, что у республиканцев нет «единой секретной службы. Поскольку правительство не считает ее создание достаточно нравственным. Поэтому каждая партия заводит свою собственную службу безопасности. В состав нынешних властей входит много бывших полицейских, настроенных профашистски. Наша помощь вежливо принимается, но жизненно важная работа, столь необходимая для безопасности страны, саботируется» [7, с. 338].

Руис выражает сомнение в причастности Орлова и Григулевича к планированию расстрелов заключенных мадридских тюрем, так как именно в это время они были заняты организацией более важного дела – перевозкой в Москву части золотого запаса Испании [7, с. 339]. Необходимо отметить, что все, что было связано с транспортировкой 510 тонн золота в СССР, является образцом блестяще организованной и проведенной операции, когда удалось сохранить секретность, и в условиях непростой ситуации как в самой Испании, так и вне ее, без потерь доставить золото в Москву.

Приняв принципиальное решение об эвакуации заключенных и об их расстреле, П. Чека, А. Михе, Х. Миаха, В. Рохо возложили ответственность за организацию акции на членов отдела охраны порядка совета обороны Мадрида С. Каррильо, Х. Казорло и С. Понсела, которые могли рассчитывать на подразделения коммунистического пятого полка и на специальную бригаду, созданную И. Григулевичем для проведения спецопераций. Они также могли рассчитывать на помощь анархистов, контролировавших

дороги из Мадрида и жаждавших расправы с профранкистски настроенными узниками мадридских тюрем [12, p. 357].

На совещании совета обороны Мадрида 7 ноября 1936 года с участием анархистов было решено всех заключенных разбить на три группы. В первую группу включались «фашисты и опасные элементы», они подлежали немедленному расстрелу, вошедшие во вторую группу, менее опасные, многие в силу возраста и профессии эвакуировались в окрестности Альбасете, наконец, включенные в третью группу освобождались под честное слово не воевать на стороне франкистов [12, p. 359]. В тот же день началась эвакуация и расстрелы, продолжавшиеся до конца ноября. Престон подробно описывает эти события [12, p. 360–377], отмечая, что франкистская пропаганда на протяжении нескольких десятилетий использовала их как пример «красного варварства и жестокости», возлагая особую вину на С. Каррильо (генерального секретаря ЦК КПИ в 1960–1982 гг.) [12, p. 378].

Вполне естественными представляются попытки франкистских авторов и некоторых консервативных англо-американских историков возложить ответственность за расстрелы заключенных мадридских тюрем на Советский Союз. Несмотря на то, что расследование прокурора франкистского Верховного суда в 1943 году не выявило участия советских советников в планировании и организации казни заключенных мадридских тюрем, в дальнейшем франкистская пропаганда стала активно муссировать тезис об ответственности СССР за эти расстрелы, объединяя их с расстрелами польских офицеров в Катыни. Тем не менее, личное расследование, проведенное Х. Руисом, показывает, что Советский Союз не причастен к расстрелу заключенных мадридских тюрем, это акция была чисто испанским делом. Руис пишет: «То, что по большей части молодым и неопытным антифашистам в разгар войны удалось в кратчайшие сроки создать импровизированную машину уничтожения, поразительно; настолько поразительно, что многие историки до сих пор уверены в том, что эти убийства были организованы советским НКВД» [7, с. 340].

Престон показывает участие советских спецслужб в уничтожении политических противников. Руководил их действиями А. Орлов, у которого было много задач: борьба с франкистскими шпионами, организация партизанской войны, организация саботажа во франкист-

ской зоне, создание республиканской секретной полиции и специальных бригад для борьбы с «пятой колонной». Кроме того, выполняя директиву И. Сталина, А. Орлов должен был уничтожать руководящих работников зарубежных компартий, не разделявших сталинскую политику и имевших контакты с Л. Троцким [12, p. 406].

Жертвой этой сталинской директивы в Испании стала малочисленная левоэкстремистская организация – Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ), во главе которой стояли ренегаты КПИ Хоакин Маурин и Андреас Нин. Эта партия противопоставляла себя Коминтерну, считала тактику Коммунистического интернационала по созданию антифашистского народного фронта в Испании ошибочной и контрреволюционной, но не это обстоятельство вызвало гнев Сталина. ПОУМ оказалась обреченной на уничтожение после того, как осмелилась пригласить в Испанию Л. Троцкого, а партийная газета ПОУМ «Ла баталья» подвергла критике московские судебные процессы, заявив о перерождении большевизма в сталинскую диктатуру.

Практической реализацией сталинской директивы занимались испанские и советские спецслужбы, пропагандистское прикрытие обеспечивалось как по линии советской государственной и партийной политики, так и через послушных руководителей Коминтерна и КПИ.

Давление на сторонников Троцкого, в том числе в Испании, усилилось после февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б), на котором Сталин заявил, что «в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома» [8, с. 14]. В соответствии с этой установкой пленум ЦК КПИ уже 5-го марта 1937 г. принимает резолюцию, в которую был включен пункт о необходимости изгнания из политической жизни страны «банды ПОУМ», находящейся на службе международного фашизма [2, с. 75].

Эта открытая угроза расправы со стороны влиятельной в тот период КПИ стала поводом для вооруженного мятежа в Каталонии под руководством ПОУМ, начавшимся 3-го мая и закончившимся 8-го мая полным поражением путчистов. Поскольку премьер-министр Испанской республики Л. Кабальеро полагал, что мятеж был следствием конфликта между КПИ и ПОУМ и не но-

сил антиреспубликанского характера, он отказался от преследования участников мятежа. В ответ КПИ организовала правительственный кризис, новым премьер-министром стал Х. Негрин, который выполнил все требования КПИ в отношении ПОУМ. 15-го июня 1937 г. партия была распущена, имущество ее конфисковано, а наиболее активные руководители арестованы.

Важную роль в ликвидации ПОУМ и ее лидеров сыграл А. Орлов. Орловым была разработана и осуществлена секретная операция по дискредитации ПОУМ, эту партию объявили «германо-франкистской шпионской организацией» [12, p. 409], а сфабрикованные документы передали испанской службе безопасности и 16 июня 1937 года лидер ПОУМ Андреас Нин был арестован полицией Барселоны. Так как руководитель Каталонии Луис Компанис считал абсурдными обвинения Нина в шпионаже и пытался вмешаться в его судьбу, Нина перевели подальше от Барселоны сначала в Валенсию, а затем в Мадрид. По приказу Орлова Нина пытали 4 дня, заставляя его подписать признание в шпионаже. Поскольку Нин этого не сделал и суду нечего было предъявить, Орлов принял решение его уничтожить. Нина посадили в машину, в которой находились Орлов, Григулевич, два испанца и шофер – немецкий коммунист. «Что не вызывает сомнения, – пишет Престон, – так это то, что Нина увезли на этой машине и убили недалеко от дороги» [12, p. 412].

После ликвидации ПОУМ Сталиным были приняты меры по уничтожению советских исполнителей этой акции. Орлов получил вызов в Москву, где он должен был исчезнуть в застенках Лубянки. Пыткам и неизбежной гибели Орлов предпочел измену и бегство в США, где он затаился и впоследствии написал известные мемуары. В Москву был отозван генеральный консул СССР в Барселоне В. Антонов-Овсеенко, также принимавший активное участие в ликвидации ПОУМ, ему было предъявлено стандартное обвинение в шпионаже и вредительстве с последующим смертным приговором.

Орлов пытался предотвратить расправу Сталина с самим Троцким, написав Троцкому анонимное письмо с предупреждением о готовящемся покушении. Информация Орлова была точной, ибо испанец Рамон Меркадер уже получил задание советских спецслужб организовать убийство Троцкого, проживавшего в тот

период в Мексике. После первого неудачного покушения, в котором приняли участие испанские и мексиканские коммунисты – участники гражданской войны в Испании под руководством известного художника Давида Альваро Сикейроса, Меркадер лично выполнил приказ, отсидев 20 лет в тюрьме за убийство Троцкого и получив за это впоследствии звание Героя Советского Союза.

Участники гражданской войны в Испании с невиданным ожесточением уничтожали друг друга в течение длительного времени, они были убеждены в правоте своего дела и надеялись после победы создать новое процветающее государство на века, основанное на их идеологии, но история сыграла с их мечтами злую шутку.

Литература

1. Пожарская, С. П. Воскрешение монархии в Испании: Почему это оказалось возможным? [Текст] / С. П. Пожарская // Политическая история на пороге XXI века: Традиции и новации. – М. : ИВИ, 1995. – С. 161–164.

2. За победу испанского народа в войне с фашистским мятежом и фашистским нашествием. Резолюция расширенного пленума ЦК компартии Испании по докладу Т. Диаса // Коммунистический интернационал. – 1937. – № 4. – С. 69–81.

3. Кантор, Л. М. Помощь французского народа испанским беженцам во Франции в 1936–1939 годах [Текст] / Л. М. Кантор. – Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд-во, 1971.

4. Кольцов, М. Испанский дневник [Текст] / М. Кольцов // Избранные произведения в трех томах. – М., 1957. – Т. 3.

5. Литературная газета. – 1988. – 15 июня.

6. Новиков, М. В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. [Текст] / М. В. Новиков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2007.

7. Руис, Х. Ложное обвинение: Советский Союз и зверства республиканцев в Паракуэльос [Текст] / Х. Руис // Русский сборник. Т. 20: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. – М. : Модест Колеров, 2016. – С. 315–250.

8. Сталин, И. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. (Доклад на пленуме

ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.) [Текст] / И. Сталин // Коммунистический интернационал. – 1937. – № 3.
9. Bo1in L. Spain: The vital years. – L., 1967.
10. Hills G. Spain. – N.Y. – Wash., 1970.
11. Payne S. The Spanish Revolution. – N.Y., 1970.
12. Preston Paul. The Spanish holocaust. – N.Y. – L.: W.W. Norton and Company, 2012.

Глава 9. Гражданские войны в России и Испании: жестокость с национальным оттенком

Гражданские войны всегда отличаются ожесточенным характером противоборства, не стали исключением и две гражданские войны XX века в Европе – российская и испанская [8, 9, 10]. Историки обеих стран до сих пор ведут подсчеты репрессированных гражданских лиц и военнопленных [3, с. 370; 4, с. 76; 12, с. 16; 13, с. 554]. В ходе своей исследовательской деятельности они обнаружили определенную антисемитскую направленность террора и в России, и в Испании. Фундаментальное исследование известного британского историка П. Престона, посвященное «красному» и «белому» террору в ходе гражданской войны в Испании, носит совсем не случайное название – «Испанский холокост» [14].

Антисемитизм являлся важнейшим элементом франкистской пропаганды и зачастую он использовался в причудливой комбинации с антикоммунизмом и антимасонством. Так, 28 сентября 1936 года активный сторонник Франко кардинал И. Гома, выступая по радио по случаю освобождения г. Толедо от республиканцев, метал громы и молнии в сторону «ублюдочных душ сыновей Москвы», «евреев и фримасонов», татаро-монгольской политической системы, «контролируемой еврейским интернационалом» [14, p. 185], а епископ Леона Хосе Альварес Миранда в это же время призывал католиков присоединяться к вооруженной борьбе против «советских евреев и безбожников-масонов» [14, p. 179].

Тезис о том, что гражданская война предотвратила в Испании «еврейско-большевистско-масонскую революцию» много раз повторялся в предновогодней речи Франко 31 декабря 1939 года. Франко превозносил германское антиеврейское законодательство и заявил, что преследование евреев Фердинандом и Изабеллой в Испании в XV веке указало верный путь германским нацистам, которые справедливо «преследуют и изолируют этот народ, отмеченный клеймом жадности и эгоизма». Доминирование этого народа, – подчеркивал Франко, – «опасно для судьбы любой нации» [14, p. 471].

Одним из принципиальных вопросов изучаемой проблемы Престон считает вопрос о количестве репрессированных той и другой стороной конфликта. Признавая, что на данный момент невозможно установить абсолютно точные цифры репрессиро-

ванных, Престон заявляет, что основные параметры очевидны и что большую роль в скрупулезных подсчетах количества жертв сыграли испанские историки – краеведы, опубликовавшие в последние годы десятки исследований по данной проблеме. Существенное значение имеет также документальное подтверждение количества репрессированных в республиканской зоне, наиболее вероятная цифра здесь, которую приводит испанский историк Хосе Луис Ледесма – 49 272 человека [14, p. XVI].

Что касается франкистской зоны, то ситуация с подсчетами здесь гораздо сложнее и одной из причин Престон считает генеральную чистку архивов, проведенную франкистскими чиновниками в период с 1965 по 1985 год, готовившимися к ситуации после смерти Франко. «Миллионы документов, – пишет Престон, – были утеряны в течение этих критических 20 лет, включая архивы единственной франкистской партии – испанской фаланги, провинциальных департаментов полиции, тюрем и глав региональной франкистской власти – гражданских губернаторов. Колонны грузовиков увозили из архивов судебные протоколы по делам репрессированных. Наряду с умышленным уничтожением архивов были и так называемые «непреднамеренные» потери, когда городские советы продавали свои архивы тоннами на макулатуру» [14, p. XVI]. Кроме того, многие смертные приговоры либо фальсифицировались, либо не регистрировались вообще, наконец, значительное количество убитых гражданских лиц вообще не могло быть зарегистрировано, например, во время наступления марроканских частей на Мадрид в сентябре – ноябре 1936 года [14, p. XIII]. Тем не менее, – подчеркивает Престон, – колоссальная работа, проведенная историками, позволяет смело утверждать, что количество репрессированных франкистами в три раза превышает аналогичную цифру в республиканской зоне и вряд ли это количество меньше 150 000 человек [14, p. XVIII].

Престон проделал огромную работу по систематизации данных о количестве репрессированных во всех 14 регионах и 46 провинциях Испании того периода, представив наглядное графическое изображение по стране в целом и по каждому региону в отдельности в приложении к своей работе. Примечательно, что только в двух регионах – Новой Кастилии (Мадрид) и Каталонии (Барселона) количество репрессированных республиканцами превышает

число расстрелянных франкистами, в остальных 12 регионах число жертв франкистского террора количественно превосходит расстрелянных республиканцами [14, p. 665–671].

Эти, теперь уже реальные горькие подсчеты долгие годы были предметом спекуляций и фальсификаций не только во франкистской пропаганде и историографии, но и в зарубежной исследовательской литературе, в том числе и англо-американской, где в период «холодной войны» существовали различные, порой фантастические цифры репрессированных. Общая тенденция сводилась к тому, что в работах консервативных историков, как правило, занижалось количество репрессированных во франкистской зоне и завышались соответствующие цифры в республиканской зоне.

Антибольшевистская и антисемитская направленность франкистского террора была несомненно связана с рецепциями аналогичных событий гражданской войны в России. Генерал Франко и его сподвижники были хорошо осведомлены о том, что граждане еврейской национальности не только в большинстве своем поддержали большевиков в ходе гражданской войны в России, но и вошли во многие руководящие органы Советской власти. Особое значение придавалось тому факту, что они занимали многие командные должности и в Красной Армии, и во Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). «Российская Еврейская Энциклопедия» приводит длинные списки лиц еврейской национальности, занимавших высшие начальствующие должности в Красной Армии, начиная с народного комиссара по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета Советской России Л. Д. Троцкого, и продолжая другими известными именами, такими как: Владимир Антонов-Овсеенко, Василий Блюхер, Семен Буденный, Клим Ворошилов, Борис Думенко, Павел Дыбенко, Олеко Дундич, Григорий Котовский, Филипп Миронов, Михаил Муравьев, Виталий Примаков, Иван Сорокин, Семен Тимошенко, Михаил Тухачевский, Иероним Уборевич, Михаил Фрунзе, Василий Чапаев, Ефим Щаденко, Николай Щорс и др. [11, с. 130].

Что касается ВЧК, на начальном этапе деятельности этого карающего органа Советской власти национальные меньшинства (латыши, поляки, евреи) составляли около 50 % численности его центрального аппарата, а на ответственных должностях эта цифра

доходила до 70 %. Как пишет исследователь этой проблемы Л. Ю. Кричевский, среди «следователей отдела по борьбе с контрреволюцией – наиболее важного в структуре ВЧК – половину составляли евреи» [11, с. 134]. Суровая логика классовой борьбы делала необходимым участие этих людей в «красном терроре» и в качестве организаторов, и в качестве исполнителей. В 1924 году в Берлине Г. А. Ландау писал: «Деклассирование, опрокинув все органические слои еврейства, уничтожило внутренние силы сопротивления и даже устойчивости, бросив их под колесницу торжествующего большевизма... Поразило нас то, чего мы все менее ожидали встретить в еврейской среде, – жестокость, садизм, насильничье, казалось чуждое народу, далекому от физической воинственной жизни; вчера еще не умевшие владеть ружьем, сегодня оказались среди палачествующих головорезов» [11, с. 137].

Активное участие лиц еврейской национальности в руководстве большевистской партии и Советской России, в руководстве Красной Армии и ВЧК, ставшее следствием кризиса традиционной еврейской общины и радикализации ее членов [5, с. 173], создавало питательную почву для роста антисемитских настроений в ходе гражданской войны в России. В надломленном сознании людей, потрясенных ужасами гражданской войны, большевизм начинает олицетворяться с семитизмом. Не случайно группа антибольшевистски настроенных авторов опубликовала в 1923 году воззвание «К евреям всех стран!», в котором говорилось, что «непомерно рьяное участие евреев большевиков в угнетении и разрушении России... вменяется нам в вину... Советская власть отождествляется с еврейской властью, и лютая ненависть к большевикам обращается в такую же ненависть к евреям... Исходим из твердого убеждения, что и для евреев, как и для всех населяющих Россию племен, большевики есть наибольшее из возможных зол, что бороться всеми силами против владычества над Россией всесветного сброда – святой долг наш перед человечеством, перед культурой, перед Родиной и еврейским народом» [11, с. 14].

По мнению А. И. Солженицына, белые армии «отталкивали сочувственных или нейтральных евреев: из-за множественного участия других евреев на красной стороне у белых к евреям росло в лучшем случае недоверие, а то распалялась злость» [11, с. 153]. Современник и очевидец событий гражданской войны в России

писал, что «белая армия была загипнотизирована Троцким и Нахимсоном, что привело ее к отождествлению всего большевизма с еврейством, следствием чего были погромы» [11, с. 153].

Особое место в истории российской гражданской войны занимает украинский антисемитизм. Именно на Украине было положено начало антисемитскому террору периода гражданской войны, напоминавшему, по мнению современников, худшие для еврейского населения времена Хмельницкого, Гонты и Железняка. Украинские националисты, мечтавшие о государственной независимости, обвиняли евреев во всех большевистских победах на Украине, по свидетельству очевидца, «бей жидов и комиссаров» – было самым популярным лозунгом на Украине и вожди различных политических течений «не гнушались на него опереться». Деникинцы, григорьевцы, махновцы, петлюровцы, все без различия, смотрели на еврейский погром как на «единоспасающее» средство от большевистского ига [2, с. 242].

Погромные эксцессы начались на Украине еще в период правления Центральной Рады, продолжились при гетмане, однако они были лишь предвестниками тех «неслыханных ужасов», которые совершились в период правления Директории Петлюры-Виниченко. По свидетельствам современников, «погромы происходили на глазах самой Директории и ее высшего командования... Житомирский погром, устроенный регулярными воинскими частями и повлекший за собой 317 жертв в одном только городе, происходил на глазах самого «батьки» Петлюры, который посетил Житомир в разгар резни, но ничего не предпринял для ее прекращения. Полковник Захарчук, вступивший первым в Житомир, открыто заявил посетившей его делегации от Городской Думы, что «жидам не будет пощады», и эта угроза была им блестяще выполнена. Несколько позднее один из главных погромщиков, полковник Петров, цинично заявил чрезвычайной следственной комиссии (петлюровской), что армия шла на Житомир под лозунгом: «Бей жидов, бей коммунистов» [1, с. 3–4].

Не только украинская военщина придерживалась погромной тактики, но и высшие гражданские власти открыто ориентировались на погромы как на важнейшее средство борьбы с большевизмом. В частности, Виниченко, лидер украинской социал-демократии и глава украинского правительства в ответ на требо-

вание делегации еврейских социалистических партий прекратить резню еврейского населения, вызывающе ответил, «что еврейские погромы не могут быть приостановлены до тех пор, пока еврейская молодежь и еврейский рабочий класс поддерживают большевиков». По мнению современника, такой же точки зрения придерживалась вся украинская официальная пресса, которая изо дня в день вела погромную агитацию и даже подтверждала свои заявления ссылками на прошлую украинскую историю, из которой, якобы, было видно, что «жиды всегда были на стороне врагов Украины» [1, с. 4].

Как подчеркивает современник, погромы являлись одним из важнейших средств в борьбе с большевиками и «высшие украинские гражданские и военные власти действительно являются непосредственными виновниками злодейств и насилия, учиненных над беззащитным еврейским населением» [1, с. 5].

Обращается внимание на поразительные, хотя и редкие случаи внезапной перемены курса на еврейские погромы. Иногда под давлением общественного мнения в странах Европы, куда проникали слухи об ужасных событиях, творящихся на Украине, ситуация внезапно менялась и наступала кратковременная передышка, вслед за которой, однако, погромы разгорались с новой, еще большей силой [1, с. 5].

По мнению современника, петлюровцы действовали не только через свои регулярные войска, но и через многочисленные банды. Эти бандитские шайки, выполнявшие задачу по уничтожению евреев, в глазах украинских «самостийников», имели даже некоторые преимущества, так как за их действия не приходилось отчитываться перед европейским общественным мнением. Как пишут очевидцы, совершенно ясно, что деятели украинской Директории «являются ответственными авторами, первопричиной неслыханных зверств, объектом которых было все еврейское население Украины. Эта властолюбивая банда шовинистов беззастенчиво использовала исторически сложившуюся обстановку и пожертвовала жизнью и достоянием целого народа во имя своих эгоистических целей. Однако, беззаконная игра миллионами человеческих жизней окончилась трагически для самих игроков: они захлебнулись в море пролитой ими крови и были за тем выброшены на свалочный пункт истории, как хлам и падаль» [1, с. 5].

Петлюровские погромы, по мнению А. И. Солженицына, отличались своей направленностью, «обдуманной жестокостью, методичностью уничтожения, иногда без грабежа имущества, особо выдаются в 1919 погром Проскуровский (февраль), соседний с ним Фельштинский, Житомирский (февраль), Овручский (март), Тростинецкий (май), Уманьский (май), Новомиргородский (май)» [11, с. 150]. Александр Исаевич также отмечает, что «особенно безответственны и потому крайне зверски в погромах были на Украине самодействующие банды: Григорьева, Соколовского, Зеленого, Струка, Ангела, Тютюника, Яцейка, Волынца, Козырь-Зырки», на их совести Смельский (март 1919), Елисаветградский (май), Радомысльский (май), Вапнярский (май), Словеченский (май), Дубовский (июнь) еврейские погромы [11, с. 149–150].

Современники отмечали характерные особенности украинского антисемитизма, в частности, один из них писал: «Убивали евреев и при погромах в царское время, но никогда не убивали столько и не убивали с таким спокойствием, почти бездушием, как это происходит теперь... во время еврейских погромов, производимых крестьянскими повстанческими отрядами, последние в захваченных местечках порою вырезают поголовно все еврейское население. Пощады нет ни детям, ни женщинам, ни старикам» [11, с. 148–149].

Приводятся современниками и свидетельства антисемитских настроений среди высокопросвещенных украинских общественных деятелей либерального толка, рассуждавших следующим образом: «Ну что же! Еврейский погром, так погром! Если иначе нельзя, то пусть хотя бы так. Если еврейский погром стал неизбежным путем свержения большевиков, то его нельзя не принять с радостью» [2, с. 242].

Деморализованное петлюровскими и бандитскими погромами еврейское население Украины с надеждой ожидало прихода белогвардейской Добровольческой армии. Руководство Добровольческой армии никогда открыто не высказывалось против еврейского населения в нормативных документах и прессе, еврейские общины украинских сел и городов возлагали на приход деникинской армии большие надежды, как военно-политической силы, несущей твердую власть [6, с. 10]. Было общеизвестно, что армия генерала А. И. Деникина пользуется широкой моральной и материальной поддержкой стран

Антанты и это обстоятельство придавало особое значение Добровольческой армии в глазах еврейского обывателя, который и представить себе не мог, что Франция и Великобритания, две крупнейшие державы того периода, в которых еврейская буржуазия играла существенную роль в экономической и финансовой сферах, могут оказывать поддержку палачам еврейского народа. Попытки еврейского населения Украины наладить сотрудничество с Добровольческой армией через усиленное подчеркивание своей политической лояльности, через встречи добровольческих войск хлебом-солью, через подарки и подкупы закончились горьким разочарованием. По мнению современника, «еврейское население попадает из «Петлюровского» огня в «Деникинское» полымя и даже шум, поднятый заграничной еврейской прессой по поводу добровольческих зверств не спасает положения» [1, с. 6].

Резня, грабежи и бесчинства происходили повсеместно с молчаливого одобрения руководства Добровольческой армии. Как пишут украинские историки О. В. Козерод и С. Я. Бриман, сразу же после вступления Добровольческой армии в какой-либо город, появлялись приказы руководителя губернии о борьбе с «жидовскими комиссарами», офицеры повсеместно выступали с речами о «жидах» на крестьянских сходах, примерно так излагая сущность еврейского вопроса: «Ну что такое был раньше главный предводитель большевиков, Троцкий? Так себе маленький еврейчик, Лейба Бронштейн, которого хороший человек и в хату не пустит. А теперь? Ого, теперь он великий пан: за место царя в Москве сидит» [6, с. 39].

Украинские историки выделяют следующие три типа причин, толкавших военнослужащих Добровольческой армии на совершение преступлений: стремление к наживе, открытый воинствующий антисемитизм и стремление отомстить за сотрудничество части еврейского населения с большевиками. Они отмечают, что главной особенностью погромов Добровольческой армии, отличавшей их от погромов петлюровцев и самостийных банд, было участие в них исключительно военных. Они также подчеркивают, что для добровольческих погромов было характерно стремление солдат не столько к грабежу, сколько к уничтожению материальных благ и поджогам. Другой их отличительной чертой являлось почти повсеместное изнасилование женщин, как правило от 50 до

100 процентов от общего числа женского населения городов и местечек [6, с. 20–21].

Идеологи белогвардейского движения подводили под эти злодеяния некий идейный базис. Так, В. Шульгин, монархист, талантливый публицист размещает в официозном издании «Киевлянин» большую статью «Под страхом», приводимая выдержка из которой характеризует степень моральной деградации даже лучших представителей российской интеллигенции в годы гражданской войны: «По ночам на улицах Киева наступает средневековая жизнь. Среди мертвой тишины и безлюдия в друг начинается душураздирающий вопль. Это кричат жиды. Кричат от страха... Целые улицы, охваченные смертельных страхом, кричат нечеловеческим голосами, дрожа за жизнь... Это подлинный непритворный ужас, настоящая пытка, которой подвержено все еврейское население... Русское население, прислушиваясь к ужасным воплям, вырывающимся из тысячи сердец, под влиянием этой «пытки страхом», думает вот о чем: научатся ли евреи чему-нибудь в эти ужасные ночи? Поймут ли они, что значит разрушать государство, которое они не создавали? Поймут ли они, что значит, по рецепту «Великого учителя Карла Маркса», натравливать один класс против другого?... Поймут ли они, что такое социализм, из лона которого вышли большевики? Поймут ли они, что им теперь следует делать?» [1, с. 7]

Провокационная статья В. Шульгина появилась в самый разгар так называемых киевских событий, когда в столице Украины, в присутствии высшего командования Добровольческой армии и представителей стран Антанты совершались злодеяния против еврейского народа. Как пишут современники, офицеры и юнкера поделили между собой весь город, и не спеша, небольшими группами обходили еврейские кварталы, совершая насилие, грабежи и убийства над мирным населением. Они спокойно подъезжали на грузовых автомобилях к заранее намеченным домам, вламывались в них, грабили, пытали, убивали, насиловали, «причем не только не стеснялись своим официальным положением, но, наоборот, бравировали своим благородным дворянским происхождением, подчеркивая свою воспитанность, свои «манеры», свои познания в языках и музыке» [1, с. 7–8].

Там, где появлялась Добровольческая армия, – подчеркивается в исследовании А. Литвина, – «везде мирное еврейское население

сделалось предметом жестокой расправы, неслыханных насилий и издевательств... Тысячами гибли евреи, жертвы Добровольческой армии, седобородые «коммунисты», застигнутые в синагоге за фолиантами Талмуда, «коммунисты» – младенцы в люльках вместе с их матерями и бабушками. Поражает в любом списке процент замученных глубоких стариков, женщин и детей» [7, с. 51].

Как это ни парадоксально, но либеральное общественное мнение было на стороне Добровольческой армии, либеральные деятели предпочитали не замечать творившегося геноцида еврейского народа и представляли генерала Деникина перед просвещенной Европой как «истинного демократа» и прославляли его как спасителя Отечества от большевистского ига. Кадетская партия заняла в этом вопросе однозначную позицию. На партийной конференции в Харькове 19 ноября 1919 года кадеты взяли под защиту Добровольческую армию и недвусмысленно пригрозили еврейскому населению «ужасными последствиями», если оно не удержит своих революционно настроенных соплеменников от активной поддержки большевистской власти [1, с. 8].

В целом, нельзя не согласиться с общеизвестным мнением, что XX век стал для евреев временем национальной катастрофы, что только жертвами германского нацизма стали 6 млн человек. Однако, как справедливо отмечает А. Литвин, германский «холокост (уничтожение народа, евреев только за то, что они евреи) зрел исподволь» [7, с. 51]. Холокост по-российски в годы гражданской войны был во многом предопределен дореволюционной концепцией разрешения еврейского вопроса, выработанной царизмом и основанной на следующих принципах: «черта оседлости» – гетто, предназначенное для проживания евреев в стране, 3-процентная квота на поступление евреев в университеты, запрет евреям приезжать в большие города без специального приглашения и т. д. [6, с. 44]. «Прошлое, – подчеркивает А. Литвин, – показало, что общественное мнение защищало личность (французского офицера еврея Дрейфуса; в России – М. Бейлиса, обвиняемых в различных «еврейских грехах»), но оно не защищало массового уничтожения людей, каковым был холокост по-российски, произошедший в годы гражданской войны» [7, с. 51]. Изучение масштабного антисемитского террора на территории Украины привело британского историка Р. Кенеза к следующему выводу: «До прихода Гитлера

наиболее значительное в наше время уничтожение евреев имело место на Украине в период гражданской войны» [6, с. 3].

В отличие от Испании, где историки тщательно исследовали вопрос о количестве репрессированных в годы испанской гражданской войны, не выделяя, правда, при этом национальную составляющую, число жертв холокоста на Украине до сих пор является предметом дискуссий и количественные показатели отличаются весьма существенно. В статье украинских авторов С. Марценюка и В. Симоненко, опубликованной в 1994 году, приводится явно заниженная цифра в 27 тыс. человек [6, с. 6], в книге А. И. Солженицына, со ссылкой на более ранние источники – 180–200 тыс. [11, с. 162], О. В. Козерод и С. Я. Бриман приводят цифру 65–70 тыс. человек. Они же пишут о 250 погромах [6, с. 6]. В то время как А. И. Солженицын указывает на 900 погромов, подчеркивая, что 40% из них приходятся на долю петлюровцев, 25% – на долю банд украинских националистов и остальные – на долю деникинских войск и в меньшей степени на воинские подразделения Красной Армии [11, с. 162].

Холокост по-российски и по-испански в период гражданских войн 1918–1920 гг. и 1936–1939 гг. своими корнями уходят в предшествующую национальную политику испанских королей и российских императоров, искусственно создававших образ врага из еврейского населения Испании и России. Радикализация еврейской молодежи в России на рубеже XIX–XX в., связанная с кризисом традиционной общины, привела многих из них в большевистскую и эсеровскую партии, в руководящие органы Советской власти, что в конечном итоге стало поводом для развертывания антисемитского террора националистами и в России, и в Испании в период гражданских войн.

Литература

1. Еврейские погромы 1918–1921 гг. [Текст] / Сост. З. С. Островский. – М. : Акц. об-во «Школа и книга», 1926.

2. Игренева, Г. Екатеринославские воспоминания (Август 1918 г. – июнь 1919 г.) [Текст] / Г. Игренева // Архив русской революции. В 22 т. Т. 3–4. – М. : «Терра»: Политиздат, 1991. Т.3.

3. История гражданской войны в СССР. Том пятый. М.: Госполитиздат, 1960.

4. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл. [Текст] : учебник / О. В. Волобуев, С. П. Карпачев, П. Н. Романов. – М. : Дрофа, 2016.

5. Кара-Мурза, С. Г. Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2003. – Тропы практического разума.

6. Козерод, О. В., Бриман, С. Я. Деникинский режим и еврейское население Украины 1919–1920 гг. [Текст] / О. В. Козерод, С. Я. Бриман. – Харьков : Курсор, 1996.

7. Литвин, А. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. [Электронный ресурс] / А. Литвин. 2004. – Режим доступа: URL: http://romanbook.ru/book/7111696/?page=1. – (Дата обращения: 10.07.2019).

8. Новиков, М. В. СССР и «холокост» в Испании [Текст] / М. В. Новиков // Российская история. – 2015. – №2. – С. 207–214.

9. Новиков, М. В. Гражданская война: образованность, воспитанность и жестокость [Текст] / М. В. Новиков // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – №4. – С. 300–305.

10. Новиков, М. В. Две гражданские войны и один гражданский мир [Текст] / М. В. Новиков / Концепты культуры XX века. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – С. 88–95.

11. Солженицын, А. И. Двести лет вместе: в 2 ч. [Текст] / А.И. Солженицын. – М.: ПРОЗАиК, 2013. Ч.2.

12. Стариков, Н. В. Русская смута [Текст] / Н. В. Стариков. – СПб. : Питер, 2017.

13. Томас, Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. [Текст] / Х. Томас ; пер. с англ. И. Полоцка. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2003.

14. Preston P. The Spanish Holocaust. N.Y.-L.: WW Morton and Company, 2012.

Глава 10. Гражданские войны в России и Испании: террор и церковь

История XX века наполнена большими и малыми войнами, в том числе гражданскими. Будучи одной из разновидностей войн [1], гражданские войны происходили в регионах неразвитой демократии и острых социальных, религиозных, этнических противоречий, как правило, в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Европа также стала театром нескольких гражданских войн, в том числе в России и Испании. Эти две гражданские войны, хронологически близкие друг к другу, почти одинаковые по продолжительности, можно отнести к разряду классических, имеющих много общего, и в то же время обладающих своей спецификой.

В наших предыдущих публикациях мы предприняли попытку выявления общего и особенного в ходе этих двух гражданских войн [5]. Мы обратили внимание на следующее общие, по нашему мнению, сущностные характеристики: началу войн предшествовало крушение российской и испанской монархий; и Россия, и Испания того периода относились к числу стран, где только начали формироваться демократические принципы и в самом зачаточном состоянии находились демократические институты; в обеих гражданских войнах была главная линия противостояния, большевизм-антибольшевизм в России, демократия-авторитаризм в Испании, наряду с которыми присутствовали и второстепенные, выражавшие интересы отдельных социальных групп, политических объединений и территорий; все четыре противоборствующих лагеря являлись коалиционными; обе войны носили тотальный характер, в кровавую междуусобицу было вовлечено всё население и большая часть территории обеих стран; обе войны характеризуются высокой степенью интернационализации, вовлечением в борьбу с разной степенью интенсивности всех мировых держав, десятков тысяч граждан других государств; обе гражданские войны отличаются неимоверной жестокостью участников по отношению друг к другу, а также к гражданскому населению.

Продолжая тему особо ожесточенного характера обеих гражданских войн, начатую в наших предыдущих публикациях [6], мы неизбежно должны были обратиться к заявленной в данной главе проблеме. Хорошо понимая разницу между Россией и Испанией, между религиозностью и церковью, отмечая, что подавляющая

часть населения России периода гражданской войны идентифицировала себя с православной верой, точно также, как большинство испанцев были искренними католиками, мы тем не менее попытаемся найти общее в дискурсе гражданская война, террор и церковь, применительно к России и Испании.

Выявляя причины беспримерного в истории России и Испании братоубийства, мы не можем не обратить внимание на роль русской православной церкви и испанской католической церкви в раскручивании механизма террора. Совершенно очевидно, что в обоих случаях церковь не смогла занять абсолютно нейтральную позицию, не сумела встать над схваткой и призвать враждующие стороны к прекращению кровопролития и на это были веские причины. Находившиеся у власти российские большевики и испанские либеральные демократы заняли в отношении православной и католической церкви однозначно жесткую позицию: отделение церкви от государства и лишение ее государственных дотаций; лишение церкви права заниматься вопросами образования и воспитания в школах и других учебных заведениях; секуляризация церковной собственности. Их оппоненты – белогвардейцы в России и франкисты в Испании, напротив, всячески демонстрировали свое лояльное отношение к церкви и ее правам и это не могло не повлиять на позицию как церковных иерархов, так и большинства приходских священников обеих стран.

«К несчастью, – пишет С. Г. Кара-Мурза, – в России церковь не смогла ни остановить, ни затормозить раскол народа и созревание взаимной ненависти в расколотых частях» [4, с. 135]. Отмечая, что православное духовенство, как и все остальные сословия России, раскололось в отношении большевистской революции, что часть священнослужителей приняла Октябрьскую революцию, видя в ней глубокий цивилизационный смысл и путь к преодолению общенациональной катастрофы, Кара-Мурза подчеркивает, что в целом православная церковь как институт в тот момент не приняла прихода к власти большевиков и вступила в открытый конфликт с советской властью, способствуя тем самым нарастанию взаимной ненависти и жестокости [4, с. 141].

В планах большевиков по строительству нового социалистического общества не было места религии и церкви и они рассчитывали достаточно быстро решить все связанные с этим проблемы,

отняв у церкви ее собственность. Знаменитый «Декрет о земле» от 8 ноября 1917 года лишал церковь в целом, включая приходское духовенство, права собственности на землю. Последовавший вскоре декрет о земельных комитетах от 4 декабря все сельскохозяйственные земли, включая церковные и монастырские, объявлял собственностью государства. Декретом от 11 декабря все церковные школы, а также православные училища, семинарии и академии отбирались у церкви и передавались в ведение Народного комиссариата просвещения. Через неделю, 18 декабря декретом аннулируется действенность церковного брака и вводится исключительно гражданский брак.

Наконец, 31 декабря эсеровская газета «Дело народа» сообщила о намерении Совнаркома рассмотреть в ближайшее время проект декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, опубликовав его содержание: религия является «частным делом гражданина», признается право каждого исповедовать или не исповедовать религию, запрещается какое-либо ограничение «свободы совести», не допускаются церковные обряды и преподавание религиозных предметов в учебных заведениях, церковные и религиозные общества лишаются прав владения собственностью и прав юридического лица, а их имущество поступает в собственность государства, имущество приходов и церковные здания передаются в ведение «волостных, земских и городских самоуправлений», отменяются религиозные клятвы и присяги, священники отстраняются от записи актов гражданского состояния [7, с. 8].

Вслед за эсеровской газетой проект декрета был напечатан в других изданиях, в том числе в церковных, и религиозная общественность получила представление о планах большевистской власти в области церковной политики. 20 января 1918 года данный проект был утвержден Совнаркомом и вошел в историю как декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Декрет провозглашал светскость государства и школы, отменял всякую дискриминацию граждан страны в связи с их отношением к религии, устранял существовавшее деление религиозных организаций на «господствующие», «терпимые» и «гонимые» – все они отныне становились равноправными «частными обществами», создаваемыми на добровольных началах и за счет средств верующих [7, с. 10]. Декрет лишал церковь всего имуще-

ства, движимого и недвижимого, прекращались государственные субсидии церкви и религиозным организациям. Согласно декрету религиозные общества могли получать необходимые для богослужения здания и предметы лишь на условиях бесплатного пользования и с разрешения местной или центральной власти.

По мнению канадского профессора, считающего Россию своей родиной, Д. В. Поспеловского, – «поскольку отныне в качестве договаривающейся стороны при получении в пользование молитвенных домов рассматривались лишь группы мирян, духовенство, включая патриарха и епископов, юридически оказывалось не удел; власть епископа над паствой теперь всецело определялось доброй волей верующих и мерой их готовности исполнять преподанные им наставления и указания, в силу чего указания эти приобретали некоторый просительный характер. Сама ситуация несла в себе приглашение к конфликту, к расколу, который и не заставил себя долго ждать» [10, с. 51].

В целом, в первые месяцы политика советской власти в отношении религии и церкви носила последовательный характер и соответствовала программным установкам большевиков. Однако их расчет на быстрое решение «церковной проблемы», основанный на росте антиклерикальных настроений и низком рейтинге духовенства в период Временного правительства, не оправдался. В сложной политической ситуации действия большевиков носили скорее провокационный характер и они получили в лице духовенства и верующих еще одного мощного оппонента.

Позиция православной церкви по отношению к большевикам формировалась постепенно в условиях нарастающего политического кризиса в стране с одной стороны и в условиях деятельности Всероссийского поместного собора, начавшего свою работу 15 августа 1917 года и 5 ноября избравшего предстоятеля русской православной церкви – патриарха Тихона, с другой стороны. Еще до прихода большевиков к власти Собор принимает решение отказаться от участия в политической борьбе и не посылает своих делегатов на созванный Керенским так называемый «Предпарламент». 13 ноября Собор обращается к участникам вооруженного противостояния в Москве – большевистским отрядам и юнкерам московских военных училищ – не мстить, прекратить кровопролитие и проявить милосердие к побежденным. 24 ноября Собор

принимает решение об отпевании погибших с обеих сторон и обращается с призывом ко всему русскому народу покаяться в грехе братоубийства [10, с. 52].

2 декабря 1917 года после двухнедельного обсуждения Собор принимает определение «О правовом положении Российской православной церкви». Документ носил провокационный по отношению к большевистской власти характер и, видимо, был принят в расчете на то, что большевики не продержатся у власти дольше одного-двух месяцев. В окончательном варианте принятое Собором определение гласило: «1. Православная Российская Церковь, составляя часть единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей как величайшей святыни огромного большинства населения и как великой исторической силе, созидавшей Российское государство... 2. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении внутренней церковной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквами независима от государственной власти. 3. Постановления и узаконения, издаваемые для себя православной Церковью... равно и акты церковного управления и суда, признаются государством имеющими юридическую силу и значение, поскольку ими не нарушаются государственные законы. 4. Государственные законы, касающиеся православной Церкови, издаются не иначе как по соглашению с церковной властью... 6. Действия органов православной Церкви подлежат наблюдению государственной власти лишь со стороны соответствия их государственным законам, в судебно-административном и судебном порядке. 7. Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными. 8. Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимуществом пользуется Православная Церковь». Последний пункт определения касался вопросов собственности, согласно которому, все, что принадлежало православной Церкви, «не подлежит конфискации и отобранию» [11, с. 38].

Принятый Собором документ ставил своей целью сохранение «союзнических отношений» православной церкви с государством и расширение ее «особого положения» в российском обществе. О

необходимости установления именно таких церковно-государственных отношений говорил на Соборе С. Н. Булгаков: «Законопроект вырабатывался именно в сознании того, что должно быть, в сознании нормального и достойного положения церкви в России. Наши требования обращены к русскому народу через головы теперешних властей. Конечно, возможно наступление такого момента, когда церковь должна анафемствовать государство. Но, без сомнения, этот момент еще не наступил» [7, с. 8].

Собор выступил против новых законов о гражданском браке и его расторжении. В принятом на Соборе определении была сформулирована антиправительственная позиция по данному вопросу: «Брак, освященный Церковию, не может быть расторгнут гражданскою властью. Такое расторжение Церковь не признает действительным. Совершающие расторжение церковного брака простым заявлением у светской власти повинны в поругании таинства брака» [11, с. 44].

В условиях подготовки большевиками декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», радикально менявшего положение русской православной церкви, Патриарх Тихон 19 января 1918 года издал послание, в котором анафемствовал участников кровавых расправ над невинными людьми, поднявших руки на церковные святыни и на священнослужителей. В послании Патриарха, по мнению советских авторов, «через библейские аллегории и эзопов язык проглядывает откровенный призыв к непризнанию и неподчинению советской власти, отвержению всех ее актов, касающихся церкви. Тихон анафемствовал (проклинал) и власть, и тех, кто проводил и исполнял ее постановления или хотя бы сочувствовал ей. И на Соборе, и вне его послание было воспринято как антибольшевистское, антиправительственное» [7, с. 9].

Апологеты церковной истории отвергают антибольшевистский характер послания Тихона. Так, Д. В. Поспеловский пишет, что в «послании нет не единого слова ни о большевиках, ни о советской власти... Кого же Собор здесь отлучает от Церкви? Да всех, кто терроризировал население. Тут и банды дезертиров, называвшие себя большевиками, тут и анархисты Махно и Григорьева, тут и большевистские комиссары на местах, тут и молодчики из ЧеКа; в ходе гражданской войны не мало зверств будет совершенно и отдельными головорезами и карательными отрядами белой армии,

особенно в Сибири. Какова прямая ответственность центрального ленинского советского правительства в зверствах на местах, предстоит выяснить историкам. Но факт тот, что послание реагировало непосредственно на зверства и террор, и было бы противоестественно, если бы Церковь Христова не протестовала против убийств и надругательств как над отдельными людьми, так и над Церковью и ее служителями» [10, с. 52–53].

Понимая желание Д. В. Поспеловского, ссылавшегося на оригинальный текст послания, придать ему общедемократический, аполитичный характер, тем не менее, и Собором, и духовенством, и верующими, и большевистской властью послание Патриарха Тихона было воспринято как антибольшевистское и антиправительственное. По мнению Кара-Мурзы, Патриарх Тихон предал советскую власть анафеме, после чего большая часть духовенства стала активно сотрудничать с белым движением [4, с. 142].

В районах, занятых белогвардейскими войсками, шел активный процесс встраивания православной церкви в общий фронт борьбы с большевизмом. В ноябре 1918 года в Томске было созвано Сибирское церковное совещание, в котором приняли участие 13 архиереев и 26 членов Всероссийского поместного собора, находившихся на территории, занятой войсками адмирала А. В. Колчака. На совещании было образовано временное церковное управление во главе с архиепископом Омским Сильвестром. После разгрома войск Колчака часть священнослужителей была вынуждена эмигрировать [11, с. 62].

В период с 19 по 24 мая 1919 года состоялось заседание Юго-Восточного Русского Церковного Собора, созванное, как пишет официальный историк церкви В. Цыпин, по инициативе протопресвитера Г. Шавельского и ряда других известных священнослужителей, государственных и общественных деятелей прежней России, оказавшихся на территории, занятой войсками генерала А. И. Деникина [11, с. 62]. Как сообщает в своих мемуарах руководитель белогвардейского движения на Юге России генерал Деникин, именно по его инициативе состоялся вышеназванный церковный Собор из епископов, выборного духовенства и мирян, который учредил «Временное высшее церковное управление» из семи человек под председательством архиепископа Донского Митрофана. Вновь созданный руководящий орган принял на себя высшую цер-

ковную власть на Юго-Востоке России «до установления правильных сношений со Святейшим патриархом» [3, с. 338].

В декларации, принятой по итогам Церковного Собора в сентябре 1919 года, заявлялось о принципах свободы совести и веротерпимости в отношении к инославным и иноверным вероисповеданиям. «В борьбе с общим врагом (*большевизмом – М. Н.),* – подчеркивалось в декларации, – разрушающим начала государственности, все эти исповедания призываются содействовать среди своих последователей общей задаче оздоровления и воссоединения России» [3, с. 339]. Выступая с речью при открытии Собора, Деникин заявил, что он от души приветствует церковный Собор Юга России, «поднимающий духовный меч против врагов Родины и церкви», он призвал духовенство бороться с большевиками «смелым пламенным словом, мудрым деянием и живым примером... укреплять любовь к Родине, ее святыням у тех, кто в кровавых боях творит свой жертвенный подвиг» [3, с. 339].

Католическая церковь Испании, подобно российской православной церкви, также не смогла занять позицию примирения враждующих сторон и решительно поддержала консервативных сторонников генерала Ф. Франко. Профранкистская позиция католической церкви Испании формировалась постепенно после свержения монархии и установления республиканской формы правления в 1931 году. В процессе политического размежевания общества испанцы, по словам известного испанского историка Х. Висенса, «зачастую независимо от своего общественного положения, занимали диаметрально противоположные позиции, … республика или монархия, демократия или авторитарная власть, реформа или социальный статус-кво, религиозная нетерпимость или атеистический либерализм – по всем этим проблемам испанцы занимали различные позиции, определявшие дальнейшее политическое столкновение» [9, с. 39]. Церковные иерархи в той ситуации предсказуемо симпатизировали консервативным силам, заявлявшим в ходе «большого спора об Испании» о необходимости сохранения исторических традиций, в том числе и позиций католической церкви в обществе.

В самом начале гражданской войны примас католической церкви в Испании кардинал И. Гома в пастырском послании признался, что церковная иерархия тайно поощряла антиправитель-

ственные заговоры и насилие как средства, направленные на ликвидацию Испанской республики. Вслед за примасом, практически всё высшее духовенство Испании поддержало франкистов, трактуя гражданскую войну как «священный крестовый поход» против безбожных коммунистов и масонов. Концепция войны, которую вели франкитсы против собственного народа, «как крестового похода», была придумана не военными и политическим руководителями из числа сторонников генерала Франко, а как это точно установили испанские историки – церковной иерархией во главе с примасом Гома в самые первые дни гражданской войны. Это был не просто пропагандитский прием для привлечения верующих католиков в армию генерала Франко. Называя сторонников Испанской республики «безбожниками», «антииспанцами», «ордами», «красными», франкисты тем самым с помощью церкви оправдывали самое безжалостное уничтожение противника, «словно речь шла о «дурной траве», которую, согласно Библии следует беспощадно вырывать с чистого поля» [1, с. 306–307].

Канонник из Саламанки в 1938 году опубликовал книгу под названием «Святая война: католический дух Испанского национального движения». В ней подчеркивалось, что развернувшаяся в стране вооруженная борьба вовсе не является гражданской войной, а представляет собой «войну религиозную», «подлинно религиозный крестовый поход за веру», «святую войну». Автор подчеркивает, что «Господь бог пожелал этой войны, и она угодна ему, а потому церковь поддерживает ее и благославляет» [1, с. 305]. В аналогичной книге того же периода отмечалось, что франкисты ведут войну «против незнающей родства Испании, порождающей марксистскую заразу, против коммунистов, масонов, сепаратистов, богохульников, богоотступников, злодеев, святотатцев и убийц и эта война является истинным крестовым походом» [1, с. 305].

Архиепископ Пла-и-Даниэль, ставший примасом после смерти Гама, в пастырском послании в конце гражданской войны призвал духовенство активно поддержать франкистов и подавляющее большинство приходских священников именно так и поступило [8, с. 95–96]. Оправдывая в своих проповедях франкистский террор и огульно понося сторонников Испанской республики, духовенство вносило свой вклад в создание антидемократического морально-психологического климата как во франкистской зоне, так

и на территории Испанской республики. Кроме этого, католическое духовенство Испании оказалось в первых рядах «доносчиков», выдававших франкистам не только коммунистов и социалистов, но и беспартийных врачей, учителей, членов профсоюзов, либерально настроенных республиканцев. Как пишет очевидец-событий известный американский писатель и журналист А. Пленн, стараниями этих священников в г. Малаге было казнено более 18 тысяч человек, столько же в г. Овьедо и так по всей Испании [8, с. 96].

В г. Гранаде церковь во главе с архиепископом Августином Паррадо-и-Гарсиа проповедовала насилие с амвонов и никогда публично не протестовала против ежедневных расстрелов сторонников Испанской республики на городском кладбище [2, с. 236]. Наконец, ультраправые представители католической церкви, по свидетельству Я. Гибсона, создали соответствующую почву для убийства известного испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки [2, с. 241]. Ссылаясь на глубоко верующего испанского католического писателя Хосе Бергамина, Пленн сообщает об участии священников в изнасиловании жен и дочерей местных республиканских лидеров [8, с. 96].

Необходимо отметить, что незначительное количество католических священников не поддержало позицию примаса Гома и его преемника Пла-и-Даниэля, однако эта оппозиция внутри церкви была быстро сломлена. «Мы, – подчеркивал Гома в своем обращении, – должны бороться против ошибочной идеи о незаконности восстания *(франкистов – М. Н.)* и применения силы, – идеи, случайно проникшей в некоторые католические круги» [8, с. 95].

Примечательна позиция Ватикана в отношении католической церкви в Испании. Практика назначения генералом Франко на вакантные должности высших церковных иерархов профанкистски настроенных священнослужителей не вызывала протестов в Ватикане и все назначения утверждались Папой. Ватикан не выступил против оказания религиозных почестей генералу Франко и другим палачам испанского народа, более того, Франко получил крест от Папы Пия XI в благодарность за «особые заслуги перед Богом и церковью». 25 декабря 1944 года в рождественском послании новый Папа Пий XII упомянул Франко как объект для особой похвалы и благодарности Ватикана [8, с. 109].

После революции 1931 года активную роль в политической жизни Испании стали играть представители либеральной интеллигенции, сгруппированные в несколько политических прореспубликанских партий, из их числа вышло, – по словам Л. В. Пономаревой, – «подавляющее большинство министров и всех премьер-министров Республики до гражданской войны». Они сформировали целое «направление» антиклерикальной и по существу антикатолической мысли в среде испанской интеллигенции, … стремились создать сплав позитивной философии и религии, более близкой, как они сами признавали, либеральному протестантизму, чем католицизму». Возглавив республику, эти политические деятели предприняли попытку либерализации испанской культуры, включая систему просвещения. Один из лидеров республиканцев будущий премьер-министр и президент Испанской республики М. Асанья в 1931 году ставит задачу упразднения «католического мышления», а в 1932 году заявляет о претензиях республиканцев «создать новый народ» [9, с. 37]. Он также утверждает, что Испания перестала быть католической.

Антицерковные настроения получили широкое распространение среди всего спектра левых политических партий и движений. Самую бескомпромиссную позицию занимали испанские анархисты, теоретики которых выдвигали задачу «разрушения церкви» столь же решительно, как и задачу «уничтожения государства». Они требовали «упразднения всех церковных институтов», что привело в ряде регионов Испании к спонтанным поджогам церквей [9, с. 43]. Только в период с 10 по 12 мая 1931 года были сожжены церкви в Мадриде, Малаге, Севилье и Аликанте. «Это, – подчеркивает известный британский историк П. Престон, – свидетельствовало о том насколько прочно простые люди идентифицировали церковь с монархией и правыми политическими силами» [12, p. 14].

Либеральные республиканцы не ограничились программными установками и заявлениями. Будучи у власти, они предприняли и конкретные практические действия антиклерикального характера. В январе 1932 года был упразднен орден иезуитов, а его имущество национализировано, в феврале 1932 парламент республики принял закон о гражданском браке и разводе, в мае 1933 года был принят закон о религиозных конгрегациях. Последний закон кар-

динально изменял статус католической церкви, запрещая функционирование католических колледжей и школ, изымая в пользу государства движимое и недвижимое имущество церковных организаций, превышающие определенный законом максимум. Отныне все храмы, монастыри, дворцы епископов, здания духовных семинарий стали национальным достоянием и предоставлялись католической церкви «в пользование». Закон запрещал любую политическую активность церковных организаций, особо подчеркивая, что «религиозные собрания и манифестации не могли принимать политический характер, в каком бы месте они не происходили» [9, с. 105].

Иерархи католической церкви решительно выступили против закона о религиозных конгрегациях. 25 мая 1933 года они призвали верующих к гражданскому неповиновению, осудили обучение школьников в государственных светских некатолических школах. Их позицию поддержал Папа Пий XI, выразивший сожаление, что испанские законодатели нашли решение, «противоречащее верованиям большинства испанцев» [9, с. 106].

По мнению Престона, «республиканское антиклерикальное законодательство обеспечивало оправдание злобной враждебности тех, кто уже имел достаточные мотивы для уничтожения республики. Немедленно была пущена в ход желчная риторика еврейско-масонско-большевистского заговора. Более того, беспричинный характер многих антиклерикальных мероприятий помогал рекрутировать многих рядовых католиков в ряды франкистов» [12, p. 10].

Республиканская антиклерикальное законодательство в лучшем случае было опрометчивым шагом, в худшем, по мнению Престона, безответственным, оно воспринималось правыми как продукт ненависти к религии, инспирированной масонами. Во многих местах меры, направленные на отделение школы от церкви, легко обходились. Школы по-прежнему возглавлялись религиозным персоналом, некоторые школы просто поменяли название, не меняя религиозной сути своей работы, священники, работавшие в школах сняли сутаны и надели гражданскую одежду, некоторые католические школы стали просто школами только для богатых. Священники, пишет Престон, во время проповеди говорили: «Мы лучше будем сражаться в гражданской войне, чем согласимся с отделением церкви от государства» [12, с. 17]. Политика

секуляризации вызывала враждебность у многих простых людей, которые на бытовом уровне начинали испытывать дополнительные неудобства. Так, введение гражданского брака вынуждало проводить две церемонии – одну в церкви, другую – в регистрационном офисе, передача кладбищ в ведение муниципальных властей привела к бюрократизации процесса похорон и массовому недовольству [12, с. 19].

Почувствовав со стороны Республики угрозу своему политическому влиянию и экономическому положению католическая церковь вступила в борьбу за сохранение своих богатств и возможностей оказывать влияние на светскую жизнь людей. Именно по этой причине испанская католическая церковь благословила вооруженный мятеж против Республики и приняла активное участие в гражданской войне на стороне франкистов.

В целом, и российская православная церковь, и испанская католическая церковь в ходе начавшихся гражданских войн не смогли занять абсолютно нейтральную примиряющую позицию, обе церкви начали поддерживать одну из противоборствующих сторон – белогвардейцев в России и франкистов – в Испании, причем испанская католическая церковь сделала это более решительно и открыто. Позиция обеих церквей стала следствием провокационной по сути государственной антиклерикальной политики российских большевиков и испанских либеральных демократов, программные установки и практические действия которых совпадали по всем ключевым вопросам: отделение церкви от государства и школы от церкви, отмена церковного брака и развода и введение гражданского брака и развода, национализация собственности церквей, монастырей и религиозных организаций.

Литература

1. Амандо де Мигель. 40 миллионов испанцев сорок лет спустя [Текст] / Мигель де Амандо ; пер. с исп. – М. : Прогресс, 1985.
2. Гибсон, Я. Гранада 1936 г.: Убийство Федерико Гарсиа Лорки [Текст] / Я. Гибсон ; пер. с исп. – М. : Прогресс, 1986.
3. Деникин, А. И. Очерки русской смуты. (В 3 кн.). Кн.3, т. 4, т. 5. Вооруженные силы Юга России [Текст] / А. И. Деникин. – М. : Айрис-пресс, 2006.

4. Кара-Мурза, С. Г. Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2003.

5. Новиков, М. В. Две гражданские войны и один гражданский мир [Текст] / М. В. Новиков // Концепты культуры XX века: сборник статей. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – С. 88–95.

6. Новиков, М. В. Гражданская война: образованность, воспитанность и жестокость [Текст] / М. В. Новиков // Ярославский педагогический вестник. 2015. – № 4. – С. 300–305.

7. Одинцов, М. И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.) [Текст] / М. И. Одинцов. – М. : Знание, 1991.

8. Пленн, А. Ветер в оливковых рощах [Текст] / А. Пленн ; пер. с англ. – М. : Госиздат иностр. лит-ры, 1947.

9. Пономарева, Л. В. Испанский католицизм XX века [Текст] / Л. В. Пономарева. – М. : Наука, 1989.

10. Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь в XX веке [Текст] / Д. В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995.

11. Цыпин, В. История русской церкви. 1917–1927 [Текст] / В. Цыпин. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.

12. Preston P. The Spanish Holocaust. – N.Y.-L.: W.W. Norton and Company, 2012.

Заключение: бессмысленность гражданской войны в исторической перспективе

Данная тема является итогом многолетних размышлений и работы над публикациями о гражданской войне в Испании [7, 8], итогом сравнительного анализа двух классических гражданских войн XX столетия – в России 1918–1920 гг. и в Испании 1936–1939 гг. [9] При всей внешней несхожести их объединяют глубинные сущностные признаки гражданской войны, как одной из разновидностей войн вообще. Специалисты по истории и теории войн отмечают, что гражданские войны представляют собой «крупномасштабное вооруженное противоборство за обладание политической властью между общественными группами в рамках одного государства», «конфликт двух полуавтономных политических систем, каждая из которых имеет свой режим» [3, с. 79]. Гражданские войны характеризуются организованной борьбой регулярных вооруженных сил, защищающих интересы либо официальной власти, либо оппозиции, и проводящих крупные военные операции с использованием значительного количества войск и современной своему времени военной техники. В ходе гражданских войн происходит раздел территории страны на две части, причем каждая из сторон создает на своей территории органы государственного и военного управления [3, с. 47]. Очевидно, что все сказанное выше имеет самое непосредственное отношение как к гражданской войне в России, так и к гражданской войне в Испании.

Российскую и испанскую гражданские войны объединяют также и другие сущностные характеристики: слабость демократии и демократических институтов, как главная причина поражения сторонников демократического выбора в обеих гражданских войнах, коалиционный состав всех противоборствующих сторон, тотальный, ожесточенный характер обеих войн, высокая степень интернационализации.

Гражданские войны XX столетия, как правило, происходили в странах неразвитой демократии и острых социальных, религиозных, этнических противоречий. И Россия, и Испания, в период своих гражданских войн относились к числу именно таких стран, где только начали формироваться демократические принципы и в

самом зачаточном состоянии находились демократические институты.

Российское самодержавие под давлением революционных событий 1905–1907 гг. было вынуждено пойти на уступки, разрешив деятельность политических партий, в том числе оппозиционных, и учредив выборный орган законодательной власти – Государственную Думу (1906–1917 гг.). В условиях самодержавия это была весьма и весьма ограниченная демократия, зато стихийная Февральская революция 1917 года сделала Россию де-юре самой демократической страной в мире, однако в отсутствие демократической традиции и устоявшихся демократических институтов тонкий слой российских демократов, раздираемый амбициями и внутренними противоречиями, не смог удержать подаренную самодержавием власть. Слабая российская демократия не сумела предотвратить большевистского переворота в октябре 1917 года и в итоге была вынуждена, опираясь на военную помощь иностранных государств, начать бессмысленную в исторической перспективе гражданскую войну со сторонниками большевистского режима, которую она в итоге проиграла.

В Испании в ходе стихийной народной революции 1931 года была ликвидирована монархия и учреждена Испанская Республика со всеми внешними атрибутами демократического государства. Пятилетний период до начала гражданской войны 1936–1939 гг. показал, однако, слабость испанской демократии и демократических институтов, оказавшихся неспособными разрешить острые внутренние противоречия. Правоконсервативные силы, будучи последовательными противниками демократического пути развития Испании, воспользовались слабостью, нерешительностью демократической власти и организовали военный мятеж, вскоре переросший в полномасштабную гражданскую войну, бессмысленную, также как и российская, в своей исторической перспективе.

И в российской, и в испанской гражданских войнах была главная линия противостояния, в России демократия – большевизм, в Испании – демократия – авторитаризм. Однако наряду с главной линией противостояния, в каждой из этих гражданских войн присутствовали второстепенные, выражавшие интересы отдельных социальных и национальных групп, политических объединений,

территорий. Это было следствием коалиционного характера всех противоборствующих сторон.

Большевистский лагерь в России состоял из четырех основных частей – тонкого слоя профессиональных революционеров, обеспечивавших руководство всеми процессами, стремительно маргинализовавшегося рабочего класса, солдат, офицеров и генералов царской армии, уставших от войны и переходивших на сторону большевиков, а также крестьянства. Только ортодоксальным большевикам, а также разделявшим их взгляды интеллигенции и образованной части рабочего класса, были понятны истинные цели борьбы – построение справедливого коммунистического общества. Крестьянство же боролось за право самостоятельно распоряжаться землей и поддерживало большевиков лишь постольку, поскольку большевики до поры, до времени поддерживали эту вековую крестьянскую мечту.

Красная армия на 77 % состояла из призванных на военную службу крестьян, отсюда становится очевидной значимость позиции крестьянства в большевистской коалиции. Между тем, взяв власть, большевики сразу же столкнулись с интересами крестьян. При отсутствии продовольственных запасов в стране было необходимо кормить голодные города, армию и ничего нового, кроме организации продотрядов для принудительного изъятия зерна у крестьян большевики придумать не смогли. Крестьяне ответили восстаниями, массовым дезертирством из Красной армии и к 1920 году их выступления превратились в настоящую войну с новой властью – в силу длительности, упорства и признаков организационного характера. Так, в Тамбовской губернии, против большевиков воевала регулярная крестьянская армия в составе 20 полков, сведенных в 4–5 дивизий [2, с. 121]. Таким образом, большевистская коалиция была крайне не прочной и она смогла победить лишь потому, что противостоящая ей коалиция была еще менее сплоченной.

Антибольшевистская платформа на какое-то время объединила бывших непримиримых противников по политической борьбе – монархистов, либеральных демократов, социалистов, цели которых в гражданской войне существенно отличались. Монархисты мечтали о восстановлении дореволюционных порядков, в слегка измененном виде, путем установления парламентской или ограниченной монархии. Либеральные демократы стояли на платформе Фев-

ральской революции. Главной их составляющей была партия кадетов, а также значительная часть солдат, офицеров и генералов царской армии, относивших себя к истинным патриотам и обвинявшим большевиков и социалистов в антипатриотизме и предательстве национальных интересов страны [4, с. 79]. Социалистические партии и движения – меньшевики, эсеры, народные социалисты, поддерживаемые частью крестьянства, различными мелкобуржуазными группами населения, средним и младшим офицерством, боролись за практическое воплощение своих социалистических идеалов и отказывались сотрудничать как со сторонниками Февральской революции, так и с большевиками [4, с. 79].

Единственная идея, которая объединяла все антибольшевистские силы, – «уничтожение и полное искоренение большевизма в России и недопущение того, чтобы страна окончательно и навсегда осталась под властью большевиков» [4, с. 90]. Эта идея, однако, не смогла сгладить существенные противоречия внутри демократического антибольшевистского лагеря, поэтому «внутренняя разобщенность, взаимная подозрительность, недоверие друг к другу» [4, с. 91], стали главной причиной его поражения в гражданской войне.

Самую существенную роль сыграла позиция крестьянства, выбравшего из двух зол – большевики и белогвардейцы, все-таки большевиков. «Очевидной фундаментальной причиной полного разрыва крестьян с белыми, – подчеркивает С. Кара-Мурза, – была, например, ставшая явной угроза, в случае победы белых, пересмотра того решения земельного вопроса, которое было закреплено Советской властью» [5, с. 238].

В ходе гражданской войны в Испании сторонники демократического пути развития страны сражались с противниками испанской демократии, в исторической литературе первых принято называть республиканцами, вторых – националистами или франкистами (по фамилии лидера – генерала Ф. Франко), причем оба противоборствующих лагеря были коалиционными.

В самом начале гражданской войны франкистский лагерь включал в себя разнородные антидемократические силы, между которыми существовали, казалось, неразрешимые противоречия: консервативную часть армии, полиции и национальной гвардии, монархистов, консервативную католическую партию, фашистов.

Монархисты желали реставрации милитаристской монархии, консервативные католики были настроены на установление теократического государства во главе со своим человеком, фашисты пытались создать испанский эквивалент Третьего рейха [11, с. 195].

21 сентября 1936 года генералы-заговорщики избрали генерала Ф. Франко верховным главнокомандующим – генералиссимусом, и ему удалось добиться невозможного – максимально сгладить противоречия внутри своей коалиции. Как генералиссимус он достаточно жестко и быстро подчинил себе армию, а в апреле 1937 года объединил все вышеперечисленные политические группировки в одну партию под собственным руководством. Вне всякого сомнения, достигнутое единство сыграло не последнюю роль в достижении франкистами победы в гражданской войне.

Демократическая коалиция была не менее пестрой, в нее входили мощное движение анархо-синдикалистов, левые коммунисты, про-сталинская коммунистическая партия Испании, социалистическая партия и несколько левобуржуазных партий и группировок. Все эти социальные группы и политические объединения в ходе войны преследовали свои цели и сражались, прежде всего, за них. Так, сформированные коммунистической партией Испании военные подразделения ходили в бой с пением Интернационала, их бойцы полагали, что они сражаются за Испанскую советскую республику рабочих и крестьян. Анархо-синдикалисты пытались в ходе войны реализовать на практике свою идею либертарной революции.

Влиятельная социалистическая рабочая партия Испании оказалась расколотой на три группировки – левых, центристов и правых, возглавляемых авторитетными политическими лидерами, и каждая из них имела свою собственную тактическую линию установления в Испании того или иного варианта социализма. Малочисленные мелкобуржуазные партии стремились к сохранению режима либеральной демократии, установившегося в стране после революции 1921 года. В целом, в демократической коалиции не нашлось харизматического лидера, способного объединить все разнородные составляющие в нечто единое и внутренняя разобщенность, временами принимавшая форму гражданской войны внутри самого демократического лагеря, стала главной причиной поражения сторонников республики в гражданской войне.

Воюющие стороны и в России, и в Испании, продемонстрировали неимоверную жестокость по отношению к своим противникам, причины которой один из специалистов усматривает в следующем: гражданская война, оставаясь войной по существу, то есть коллективным насилием, и грозя смертью и уничтожением врагам, кроме того, остается деянием в высшей степени нервным, ненадежным, всегда полным риска, торопливым, она часто создается из ничтожных ресурсов, живет движением вперед, пылом, большим устрашительным нажимом, часто доходящим до террора [12, с. 60]. Историки разных стран до сих пор ведут подсчеты расстрелянных и повешенных в ходе гражданских войн в России и Испании, пытаясь таким образом определить, какая воюющая сторона была более, какая менее жестокой в ходе обеих гражданских войн. В советской историографии репрессии Красной армии и ВЧК либо замалчивались, либо оправдывались, зато аналогичные мероприятия сторонников Белого движения преподносились как беспримерное зверство. В современной российской литературе маятник качнулся в другую сторону и теперь уже пишут о преступлениях Красной армии и ВЧК и замалчивают, оправдывают аналогичные действия белогвардейцев. В литературе о гражданской войне в Испании авторы, симпатизирующие сторонникам испанской демократии, обвиняют в жестокостях франкистов, а авторы про-франкистской ориентации, наоборот, винят во всех смертных грехах республиканцев.

Обе гражданские войны и в России, и в Испании характеризуются высокой степенью интернационализации [7, с. 810–811]. По подсчетам историков в Красной армии воевало несколько сотен тысяч иностранных добровольцев, общее количество иностранных добровольцев и регулярных войск иностранных государств на стороне Белого движения было примерно таким же. Масштабы гражданской войны в Испании были скромнее российских, тем не менее, на стороне Франко воевало около 300 тысяч иностранных добровольцев и солдат регулярных войск Германии и Италии, на стороне республиканцев сражались 50 тысяч добровольцев интернациональных бригад и 4 тысячи советских военных специалистов. Для локализации испанского конфликта вне структуры Лиги Наций – предтечи современной ООН – был создан специальный Комитет по невмешательству, испанская проблема несколько лет была глав-

ной для многих европейских политиков, испанскую карту пытались разыграть в своих интересах и Гитлер, и Муссолини, и Сталин, а так же руководители Англии и Франции [6, 7].

Гражданские войны в России и Испании объединяет их тотальный характер. Вся территория России и вся территория Испании, равно как и все население обоих государств, были вовлечены в кровавую междоусобицу на протяжении нескольких лет.

Российскую и испанскую гражданские войны объединяет еще одно очень важное обстоятельство – их бессмысленность в исторической перспективе. И в Испании, и в России сторонники демократии, потерпевшие поражение в свое время в ходе гражданских войн, через несколько десятилетий взяли исторический реванш за свое поражение и находятся у власти. Победители же – левые радикалы в России, и правые радикалы в Испании не смогли удержать завоеванных ценой миллионов жертв позиций и были вынуждены уступить сторонникам демократии практически без сопротивления. И в России, и в Испании, переход власти в руки либеральных демократов произошел в форме так называемой «революции сверху» при относительной пассивности подавляющего большинства населения обеих стран.

20 ноября 1975 года умер Франко, и в Испании заработал механизм перехода власти к королю Хуану Карлосу в рамках разработанной диктатором псевдоконституции [11, с. 591]. Надеждам Франко, что Хуан Карлос, назначенный им в 1969 году наследником престола и получивший образование по разработанному диктатором учебному плану в академии генерального штаба, в авиационном и морском военном училищах, продолжит его дело и увековечит франкистский режим, не суждено было сбыться.

Король дистанцировался от франкистского режима и добился лояльного к себе отношения со стороны демократической оппозиции. В своей тронной речи перед парламентом 22 ноября 1975 года, которую он подготовил сам, Хуан Карлос подчеркнул, что он хочет быть королем всех испанцев, то есть победителей в гражданской войне и побежденных. Самым трудным для него было найти взаимопонимание с лидером коммунистов Сантьяго Каррилльо. По инициативе короля был налажен тайный диалог с Каррилльо, в ходе которого нелегкий для обеих сторон компромисс был достигнут,

и это помогло избавить Испанию от кровопролития в период перехода от авторитаризма к демократии [10, с. 161–164].

С середины 1976 года Хуан Карлос начал играть главную роль в комплексном процессе демонтажа франкистского режима и создания новой политической системы, основанной на демократических ценностях. К середине 1977 года франкистское движение было распущено, профсоюзы легализованы, разрешена деятельность политических партий, включая ненавистную для Франко коммунистическую партию Испании. В ходе гражданской войны Франко объявил коммунизм своим главным врагом, и он всю свою жизнь искоренял коммунизм в Испании, однако он добился только того, что после его смерти КПИ приобрела в стране гораздо большее влияние, чем перед гражданской войной. Равным образом стремление Франко уничтожить в Испании региональный сепаратизм привело к противоположному результату – усилению регионалистских движений в Каталонии и Басконии по сравнению с 1936 годом и появлению националистических группировок в районах, где их ранее не было – Андалузии, Галисии, Кастилии, Леоне, Риохе и даже в районе Валенсии. В 1978 году в Испании была принята демократическая конституция, закрепившая право отдельных регионов страны на автономию, что разрушило систему жесткого централизма, ради которого сторонники Франко воевали во время гражданской войны.

После 1977 года в Испании в ходе избирательных кампаний всех уровней – национальном, региональном, муниципальном, последователи франкизма никогда не набирали более 2 % голосов, а это означает, что испанцы полностью отвергли франкистский вариант своего будущего и восприняли демократические ценности, за которые сражались их отцы и деды в годы гражданской войны. Во время переходного периода испанцы продемонстрировали свою приверженность демократии, противоречащую утверждениям Франко, что они не способны жить при демократической системе [11, с. 591–592].

В Советском Союзе в конце 1980-х – начале 1990-х годов роль лидера в «революции сверху» в процессе перехода от социализма к либеральной демократии сыграл политический тандем М. С. Горбачев – Б. Н. Ельцин. В марте 1985 года Горбачева избрали генеральным секретарем ЦК КПСС и старшие по возрасту

члены политбюро, рекомендовавшие его на этот пост, надеялись, что он станет верным продолжателем их дела. В самом начале, видимо, так оно и было, Горбачев скорее всего искренне пытался провести реформы, вошедшие в историю как «перестройка». Однако на каком-то этапе он изменил свои политические убеждения и начал готовить в стране почву для трансформации социализма в либеральную демократию.

Как справедливо отмечает известный историк И. Я. Фроянов, «Горбачев шел к цели сравнительно медленно, вкрадчиво и осторожно, избегая резких и радикальных перемен. Иначе он действовать не мог, ибо степень риска была огромной: один поспешный, непродуманный шаг, – и ему конец, как говорится, крышка. Надо признать, что Горбачев выполнил самую сложную, самую тяжелую, самую ответственную и, надо сказать, самую опасную для себя часть задачи, проявив при этом необыкновенную ловкость, политическую изворотливость, умение лицедействовать, обманывать и одурачивать людей» [13, с. 534]. По мнению Фроянова, «М. С. Горбачев указал и проторил дорогу Ельцину. Без подготовительной работы Горбачева не было бы никаких последующих либерально-демократических реформ, проводимых Ельциным, не было бы никакой форсированной с 1992 года перестройки России на капиталистический лад» [13, с. 535].

Трудно не согласиться с этим мнением, так же как и с трактовкой Г. Х. Шахназаровым и И. Я. Фрояновым причин ухода М. С. Горбачева и прихода Б. Н. Ельцина: «Горбачев не был связан идеологией советской системы и был готов в любой момент перешагнуть через нее. Но его колебания и осторожность в политике объяснялись не столько заботой о людях, сколько необходимостью политического маневрирования, чтобы удержаться у власти и сделать «перестройку» необратимой. И выбит он был из седла не в результате стечения случайных обстоятельств, а потому, что так должно было случиться предопределенно. «Перестройка», встреченная поначалу с энтузиазмом в обществе, вскоре обнаружила свою негативную суть, породив хаос и развал в стране, вызвав снижение жизненного уровня народа. Возникли ропот и недовольство, которые, естественно, концентрировались на личности зачинателя «перестройки». Вера людей в Горбачева иссякла, и он уже не мог возглавлять процесс, которому дал ход. Ему нужна была

замена. Выбор пал на Ельцина. Свои надежды на улучшение жизни народ и обратил к нему, а на Горбачева вознегодовал. Ничто уже не могло отвратить его от нового кумира и вернуть любовь к старому. На одном из заседаний Политбюро (20 апреля 1990 года) Горбачев, как рассказывает А. Х. Шахназаров, с недоумением говорил: «Странные вещи в народе происходят. Что творит Ельцин – уму непостижимо! За границей, да и дома не просыхает, говорит косноязычно, несет порой вздор, как заигранная пластинка. А народ твердит: "Наш человек!"». По свидетельству Шахназарова, «тогда никто не смог объяснить эту странность. А она, грубо говоря, заключалась в «раздвоении самой России, русского народа». Думается, объяснение данной «странности» надо искать в обратном: не в «раздвоении» русского народа, а в его единении, сплочении вокруг новоявленного вождя, которому он безоглядно поверил. Таков уж доверчивый русский характер» [13, с. 537–538].

Издержки переходного периода от социализма к либеральной демократии в России являются предметом острых дискуссий среди политиков, политологов, историков разных стран. Самым главным отрицательным последствием перехода России к либеральной демократии стало разрушение СССР. 8 декабря 1991 г. лидеры России, Украины, Белоруссии Б. Н. Ельцин, Л. М. Кравчук и С. С. Шушкевич подписали «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств», в котором «Высокие договаривающиеся стороны» уведомили весь мир о том, что «Союз ССР как субъект международного права и политическая реальность прекращает свое существование». Подписание данного соглашения противоречило Конституции и законам Советского Союза, которые в тот период никто не отменял. По мнению президента Российской Федерации В. В. Путина, это событие и его последствия стали самой крупной геополитической катастрофой XX века.

Существенные изменения произошли в сфере экономики и политического устройства страны. Ликвидация государственной монополии на средства производства происходила в форме ее приватизации. «Целью приватизации, – подчеркивал ее главный идеолог и организатор А. Чубайс, – является построение капитализма в России, причем в несколько ударных лет, выполнив ту норму выработки, на которую у остального мира ушли столетия» [13, с. 767].

Правовой основой приватизации являлись не законы, принятые органом законодательной власти, а Указы Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина. 14 августа 1992 года появился Указ «О введение в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации», а 1 июня 1994 года был издан Указ «Об основных положениях государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации». Главными результатами приватизации и либерализации цен стали обвальная девальвация рубля, ликвидация сбережений населения и его резкое обнищание, появление тонкой прослойки богачей, сумевших получить тот или иной кусок бывшей государственной собственности.

В 1993 году Указом №1400 президент Российской Федерации Б. Н. Ельцина в Конституцию РСФСР вносились изменения и дополнения, которые коренным образом изменяли политический характер высшего органа законодательной власти. Высшим органом законодательной власти становилось Федеральное Собрание Российской Федерации – двухпалатный парламент, работающий на профессиональной основе. В октябре 1993 г., расстреляв из танковых орудий здание, где заседал Верховный Совет РСФСР, Б. Н. Ельцин разогнал Съезд народных депутатов РСФСР и Верховный Совет РСФСР. Указом Президента от 9 октября 1993 г. была прекращена деятельность «районных в городах, городских в районах, поселковых, сельских Советов народных депутатов», их функции были переданы соответствующим администрациям. Ликвидация советской системы была завершена Указом Президента от 23 октября 1993 г. «Об основных началах организации государственной власти в субъектах Российской Федерации». Краевые и областные советы народных депутатов упразднялись, вместо них появились «думы» и «собрания» [13, с. 638–639].

Параллельно шло «реформирование» армии, предполагавшее сокращение численности войск, сокращение вооружений и расходов на оборону. В основе «военной реформы» лежала наивная концепция отсутствия у Российской Федерации внешних врагов и угрозы нападения на нее. В результате резкого сокращения финансирования, уменьшения численности войск, ликвидации военных учебных заведений армия была практически разрушена и не способна вести крупномасштабные боевые действия, что и под-

твердила первая чеченская кампания. НАТО перестало считать Россию серьезным противником, а США превратились в единственную военную сверхдержаву. Следствием такого положения вещей явились развал Югославии и гражданские войны на ее территории с вмешательством в них вооруженных сил НАТО, бомбардировки Сербии военно-воздушными силами НАТО в 1999 г., война в Ираке 2003 г. и др.

Одновременно шел процесс «реформирования» органов государственной безопасности, который начался еще на излете истории Советского Союза. 23 августа 1991 года в здание КГБ на Лубянке вошел В. В. Бакатин, которого Президент СССР М. С. Горбачев по согласованию с Б. Н. Ельциным назначил председателем этой организации. Перед Бакатиным была поставлена задача разрушить КГБ. Позднее он писал: «Организация, которую мне предстояло возглавить, чтобы разрушить, имела не только стойкую и заслуженную репутацию беспощадного карающего меча компартии, но и сама могла разрушить кого и что угодно» [13, с. 661].

Будучи четырнадцатым и последним руководителем органов государственной безопасности СССР, Бакатин, разрушая КГБ руководствовался следующими принципами: «1. Дезинтеграция. Раздробление КГБ на ряд самостоятельных ведомств и лишение его монополии на все виды деятельности, связанные с обеспечением безопасности. Разорвать Комитет на части, которые находясь в прямом подчинении главе государства, уравновешивали бы друг друга, конкурировали друг с другом – это уже значило усилить общественную безопасность, ликвидировать КГБ как КГБ. 2. Децентрализация или вертикальная дезинтеграция. Предоставление полной самостоятельности республиканским органам безопасности в сочетании главным образом с координирующей и в относительно небольшой степени оперативной работой межреспубликанских структур… 3. Обеспечение законности и безусловное соблюдение прав и свобод человека в деятельности спецслужб… 4. Деидеологизация, преодоление традиций «чекизма». Избавление от сомнительной славы ведомства как карающего меча партии, организации всеобщего политического сыска и тотальной слежки. 5. Эффективность. Поворот от шпиономании и борьбы с инакомыслием к реальным потребностям общества в условиях кардинально изменившейся политической среды – к безопасности

на основе сотрудничества и доверия. Главное внимание – внешнему криминальному влиянию на наши внутренние дела, борьбе с организованной преступностью, представляющей угрозу безопасности страны. 6. Открытость, насколько это возможно, в деятельности спецслужб. Действия спецслужб должны быть понятны обществу, поддерживаться обществом, а для этого – служить обществу. 7. Ненанесение своими действиями ущерба безопасности страны» [13, с. 662–663].

Отмечая необходимость и своевременность реализации большинства из перечисленных принципов, необходимо в то же время подчеркнуть, что реализация пятого принципа привела к фактическому разоружению органов государственной безопасности перед спецслужбами государств – вероятных противников и перед террористическими организациями, что было основано на наивной вере в установлении «сотрудничества и доверия» между Россией и Западом. В тоже время, можно совершенно определенно сказать, что М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин выполнили свою историческую задачу – они обеспечили относительно мирный переход к либеральной демократии. Начиная с президентства В. В. Путина можно говорить и о массовой поддержке избранному страной новому курсу своего развития.

Литература

1. Арон, Р. Мир и война между народами [Текст] / Р. Арон. – М., 2000.

2. Бабашкин, В. В. Кто и за что воевал в гражданской войне [Текст] / В. В. Бабашкин // Общественные науки и современность. – 2005. – № 4. – С. 121.

3. Дмитриев, А. В. Залысин, И. Ю. Насилие: социально-политический анализ [Текст] / А. В. Дмитриев, И. Ю. Залысин. – М., 2000.

4. Искендеров, А. А. Очерки истории советского общества [Текст] / А. А. Искендеров // Вопросы истории. – 2003. – № 10. – С. 79.

5. Кара-Мурза, С. Г. Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2003. – Тропы практического разума.

6. Малай, В. В. Международные аспекты гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. [Текст] : дис. … д-ра ист. наук / В. В. Малай. – М., 2004.

7. Новиков, М. В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. [Текст] / М. В. Новиков. – Ярославль, 2007.

8. Новиков, М. В. Советский Союз и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. [Текст] / М. В. Новиков // Российская история. – 2009. – № 5. – С. 51–63.

9. Новиков, М. В. Две гражданские войны и один гражданский мир [Текст] / М. В. Новиков // Концепты культуры XX века: сборник статей. – Ярославль, 2009. – С. 88–96.

10. Пожарская, С. П. Воскрешение монархии в Испании: Почему это оказалось возможным? [Текст] / С. П. Пожарская / Политическая история на пороге XXI века: Традиции и новации. – М. : ИВИ, 1995. – С. 161–164.

11. Престон, П. Франко: биография [Текст] / П. Престон ; пер. с англ. Ю. В. Бехтина. – М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999.

12. Снесарев, А. Е. Философия войны [Текст] / А. Е. Снесаров // Военно-исторический журнал. – 2002. – № 3. – С. 60.

13. Фроянов, И. Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века) [Текст] / И. Я. Фроянов. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 1999.

Научное издание

Михаил Васильевич Новиков

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В РОССИИ И ИСПАНИИ:
В ПОИСКАХ ОБЩЕГО

Монография

Редактор К. С. Лапшина

Подписано в печать 11.10.2019.
Формат 60×90/16. Объем 10,00 п. л., 8,18 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 252.

Редакционно-издательский отдел
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Отпечатано в типографии
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852)32–98–69